

ISSN 3033-8751 (Online)

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2026, том 9, № 2

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2026, volume 9, No. 2

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2026, том 9, № 2

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации: Эл № ФС77–911102, дата регистрации: 10.03.2026.

Форма распространения: электронное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Редакция: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3/45, каб. 245

Сайт: <https://kljournal.ru/>

Телефон: +7 (843) 206-52-36 (доб. 36-73)

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирьянов Альфат Массумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2026, volume 9, No. 2

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: El № FS77–911102, registration date: 10.03. 2026

The shape of the distribution: online (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Founder and publisher: Kazan (Volga region) federal university

Address: 18, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Editorial office: room 245, 3/45 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Website: <https://kljournal.ru/>

Phone: +7 (843) 206-52-36 (доб. 36-73)

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Методология и технология профессионального образования	
Андреева Ю.В., Плющенко Е.В. Нарративный анализ мотивационных ресурсов обучающего сторителлинга для студентов-медиаспециалистов	164
Фонова Е.Г., Шитц О.А. Инновационные формы обучения переводчиков в вузе: кейс имитационного переводческого агентства	173
Шамне Н.Л., Милованова М.В. Электронный vs печатный словарь в практике обучения неродному языку	187
• Филология. Литературы народов мира	
Алташина В.Д., Москаленко П.А. Поэтика стихий в романе Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский Лимб»: Влияние философии Гастона Башляра	200
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Абузярова Д.Л. Речевое поведение британских парламентариев: стратегии и тактики коммуникативного смягчения	211
Айметдинов А.Р. Особенности винительного падежа в русском и японском языках	221
Бредихина Ю.И., Пиванова Э.В. Миметические механизмы модификации концептуально-валёрного пространства в условиях институционального стратагемно-тактического варьирования	323
Булус. Ф., Ларина Т.В. Категории форм обращения во взаимодействии преподавателя и студентов в нигерийском варианте английского языка	242
Куренкова Е.В., Донина О.В. Трансформации образа «схватывания» при межъязыковом переходе	251
Малюжинский А.В. Протест в политическом дискурсе: функциональный аспект	261
Мирзиева Л.Р., Семенова А.Л. Культурно-прагматический аспект вежливого отказа в китайском и корейском языках	272
Сидельникова Е.А., Сазонова А.В. Психолингвистический механизм коллективного распознавания метафор: модель семантического резонанса	281
Хабибуллина Е.В., Гаранина О.В., Рахимова А.Р. Жаргон крысководов как новое социолектное явление русского языка	292
Iusupova L., Kuzmina O. Deutsche und englische Terminologie zu Ökologie und Energieeffizienz	301

CONTENT

• Pedagogy. Methodology and technology of vocational education

Andreeva J.V., Plyuschenko E.V. Narrative Analysis of Motivational Resources for Educational Storytelling for Media Students	164
Fonova E.G., Schitz O.A. Innovative Forms of Translation Education at the University: the Case of a Simulated Translation Bureau	173
Shamne N.L., Milovanova M.V. Electronic Vs Print Dictionary in the Practice of Teaching a Foreign Language	187

Philology. Literature of the peoples of the world

Altashina V.D., Moskalenko P.A. The Poetics of Elements in Michel Tournier's Novel "Friday, or the Pacific Limbo": The influence of Gaston Bachelard's Philosophy	200
--	-----

• Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics

Abuzyarova D.L. Speech Behaviour of British Parliamentarians: Strategies and Tactics of Communicative Mitigation	211
Aymetdinov A.R. The characteristics of the accusative case in the Russian and Japanese languages	221
Bredikhina Yu.I., Pivanova E.V. Mimetic Mechanisms for Modifying Conceptual-Evaluative Space in Institutional Strategy and Tactics Variation	232
Bulus F., Larina T.V. Categories of Address Forms in Teacher-student Interactions in Nigerian English	242
Kurenkova E.V., Donina O.V. Transformation of the Image of "Grasping" in Interlingual Transfer	251
Malyuzhinsky A.V. Protest in Political Discourse: a Functional Aspect	261
Mirzieva L.R., Semenova A.L. Cultural and Pragmatic Aspect of Polite Refusal in Chinese and Korean Languages	272
Sidelnikova E.A., Sazonova A.V. Psycholinguistic Mechanism of Collective Metaphor Recognition: a Model of Semantic Resonance	281
Khabibullina E.V., Garanina O.V., Rakhimova A.R. Rat-Farmers' Jargon as a New Sociolect Phenomenon in the Russian Language	292
Iusupova L.G., Kuzmina O.D. German and English Ecological and Energy Efficiency Terminology	301

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 37.8.79

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.164-172>

**НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ
ОБУЧАЮЩЕГО СТОРИТЕЛЛИНГА ДЛЯ
СТУДЕНТОВ-МЕДИАСПЕЦИАЛИСТОВ**

Ю.В. Андреева, Е.В. Плющенко

РЭУ им. Плеханова, Москва, Россия

¹andreevsemen@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0689-7760>

²evp.ipam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-7374-4501>

Аннотация. В статье представлен нарративный анализ кейсов практики применения сторителлинга в проектно-творческой деятельности студентов (журналистов и учащихся направления медиакоммуникации). Обучающий сторителлинг рассмотрен как форма творческой реализации нарративного подхода к созданию медиатекста, авторское медиапроизведение, имеющее композицию (сюжет), описание динамичного «образа Я», набор стратегий героя, ценностно-смысловых моделей, мотивационных структур. Обосновано, что обучающий сторителлинг влияет на развитие профессиональных навыков, студентов стимулирует мотивацию на творчество и обучение. Представлены этапы и технологии эффективного применения метода «обучающий сторителлинг» в студенческих проектах. Педагогический эксперимент, с участием 319 студентов Института «Первая академия медиа» РЭУ им. Плеханова, подтвердил гипотеза о том, что для студентов медиаспециальностей обучающий сторителлинг становится базовой технологией, формирующей ключевые творческие компетенции. Отмечен высокий уровень стремления студентов к освоению профессиональных навыков создания сторителлинга (82,7 %), (92,8 % участников обнаружили сходство личных признаков, действий с героем). Результаты вносят вклад в исследование лингвистических, смысловых структур мотивационных текстов цифровых поколений, продолжают исследования авторских текстов как формы самопрезентации, раскрывают ресурсы сторителлинга как технологии обучения.

Ключевые слова: нарративный анализ; образовательный сторителлинг; мотивация; медиаобразование; цифровое поколение (поколение Z)

Для цитирования: Андреева Ю.В., Плющенко Е.В. Нарративный анализ мотивационных ресурсов обучающего сторителлинга для студентов-медиаспециалистов. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 164–172. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.164-172>

NARRATIVE ANALYSIS OF MOTIVATIONAL RESOURCES FOR EDUCATIONAL STORYTELLING FOR MEDIA STUDENTS

J. V. Andreeva¹, E. V. Plyuschenko²

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹andreevsemen@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0689-7760>

²evp.ipam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-7374-4501>

Abstract. This article presents a narrative analysis of case studies of storytelling applied to the project-based creative work of students (journalists and media communications students). Educational storytelling is examined as a form of creative implementation of a narrative approach to media text creation, an author's media work characterized by a composition (plot), a description of a dynamic "self-image," a set of character strategies, value-semantic models, and motivational structures. It is substantiated that educational storytelling influences the development of professional skills and stimulates students' motivation for creativity and learning. The stages and technologies for effectively applying the "educational storytelling" method in student projects are presented. A pedagogical experiment involving 319 students from the First Media Academy of the Plekhanov Russian University of Economics (RUE) confirmed the hypothesis that educational storytelling becomes a fundamental technology for media students, developing key creative competencies. A high level of student commitment to mastering professional storytelling skills was noted (82.7%), and 92.8% of participants identified similarities in personal characteristics and actions with the protagonist. The results contribute to the study of the linguistic and semantic structures of motivational texts of digital generations, continue the study of authorial texts as a form of self-presentation, and reveal the resources of storytelling as a learning technology.

Keywords: narrative analysis; educational storytelling; motivation; media education digital generation (generation Z)

For citation: Andreeva J.V., Plyuschenko E.V. Narrative Analysis of Motivational Resources for Educational Storytelling for Media Students. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 164–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.164-172>

Актуальность проблемы исследования обусловлена нарастающим разрывом между современными практиками медиаиндустрии и консервативностью образовательных программ, что формирует требования пересмотра традиционных педагогических подходов. В медиаиндустрии наблюдается нарративный поворот: умение создавать, анализировать и адаптировать истории для разных платформ, с учетом аудитории и особенностей конкретной площадки становится важным навыком. Сторителлинг как метод создания контента превращается в ключевой инструмент журналистики, маркетинга, цифровых медиа. Ведущие университеты страны включают в подготовку медиас-

специалистов курсы по сторителлингу, подчёркивая его практическую значимость. Возникает необходимость в новых методах мотивации студентов, а также профессиональной необходимости формирования нарративных навыков. Сторителлинг в образовании рассматривался как приём обучения и мотивации студентов. В контексте медиаобразования, он приобретает статус самостоятельной педагогической методологии, что позволяет исследовать авторские стратегии создания истории, ценности и мотивы. Данный подход превращает студента из пассивного потребителя информации в активного создателя, исследователя и творца нарративных моделей. Обучение строится на практике: от анализа и критики чужих работ до разработки собственных проектов. Интеграция сторителлинга в учебный процесс активизирует мотивацию, отвечает запросам поколения Z и логике программ по формированию навыков специалистов в сфере медиа.

Теоретической основой стали работы, раскрывающие когнитивные, педагогические и филологические аспекты нарратива. Как отмечают Т.В. Акашева и Т.Ю. Ломтева, «сторителлинг создает прочную эмоциональную связь между учителем и обучающимися», стимулирует «запоминание рассказа» [1]. Важным аспектом является активная роль студента: «возникает приобретение и осмысление навыков разговорной речи с помощью обсуждения и разбора историй» [2]. Для студентов медиаспециальностей сторителлинг обладает двойной ценностью: он выступает и как мотивационный инструмент и формирует базовые творческие компетенции.

Современная медиаиндустрия требует от выпускника умения выстраивать нарратив в разных форматах. Артём Мушин-Македонский, первый российский член международной ассоциации National Storytelling Network рассматривает истории как основной способ передачи смыслов, формирования доверия [3]. Дамир Халилов предлагает практико-ориентированный взгляд на создание контента [4]. Весомый вклад в осмысление интерактивных форматов медиапродуктов вносят А. Уткин и Н. Покровская [5]. Зарубежные коллеги

разрабатывают технологии применения нарративов в обучении, (создание «обучающих историй»). Дж.Брунер пишет: «Нарративный способ организует опыт во временной последовательности, наделяет события смыслом, фокусируясь на человеческих намерениях и действиях...» [6]. Применяя метод истории, студенты инициируют работу «самопрессов», пытаясь как автор понять, описать и передать «читателю» явления сложного, трансформирующегося мира. Х.Макьюэн и К.Эган утверждают: «История - фундаментальная структура, с помощью которой разум организует и осваивает информацию. Обучение через историю соответствует когнитивным и эмоциональным паттернам ученика» [7]. Х.Барретт предлагает студенту «осмыслить свой путь, связать разрозненные знания и представить себя целостной личностью» [8]. Дж.Росс в статье «Сторителлинг как педагогика» подчеркивает: «Сторителлинг трансформирует пассивных потребителей информации в активных со-создателей знания» [9]. Этот подход находит прямое воплощение в коллективных проектах цифрового сторителлинга, где каждый студент становится соавтором общей истории.

Современные исследователи замечают тренд на мультимодальность, рассматривая сторителлинг как метод, синтезирующий разные каналы восприятия (визуальный, аудиальный, интерактивный), соединяющий нарративную форму с особенностями работы мозга. Фундаментальные положения нарративной психологии (Брунер) и педагогики (Макьюэн, Эган) получают экспериментальное подтверждение в работах нейроисследователей (Сторр) презентации образовательного опыта, когнитивных и эмоциональных процессов автора.

Целью исследования стало обоснование стандарта применения в учебном процессе «обучающего сторителлинга». *Задачей:* уточнить природу явления, в ходе педагогического эксперимента проверить эффективность применения данного метода для получения профессиональных навыков и усиления мотивации на обучение. *Методы и методики исследования:* педагогиче-

ский эксперимент проходил в 2 этапа: на первом - студентам было предложено применить методы нарративного разбора для критического анализа сторителлинга (на курсе «Креативный копирайтинг» разобрали социальную рекламу). На втором этапе студенты создавали авторские ролики на тему «Мой путь» (мотивационный сторителлинг). Для оценки 10 лучших работ применялся нарративный анализ по критериям: структура сюжета, архетип героя, ключевая метафора, стилистические приёмы (метафоры, гиперболы, повторы) и транслируемые ценности, для оценки второго задания провели контент анализ проектов. Авторский подход к исследованию медийного текста (креативные ауди-визуальные проекты) был ранее обоснован автором [10]. Технологии оценки эффективности применения новых форматов обучения, в частности, веб-квестов и иных цифровых методов так же описывали педагоги и филологи из казанской педагогической школы [11, 12].

Экспериментальный этап исследования

В эксперименте приняли участие студенты 2-3 курсов направления медиакоммуникации Института «Первая академия медиа» РЭУ им.Плеханова ИПАМ (всего 319 человек), в ходе второго задания было создано 69 мотивирующих роликов. В первом задании способность к эмоциональной эмпатии с героем вызвала больше отклика: (ролик «Собака» – 8.7/10, ролик «Выбор» – 5.2/10). Оценка личной релевантности сюжета («эта история могла бы произойти со мной / с близкими»): («Собака» – 7.9/10, «Выбор» – 3.8/10). Запоминаемость ключевого сообщения: («Собака» – 86% студентов смогли воспроизвести посыл, «Выбор» – 47% воспроизвели посыл истории). Семантический разбор содержания позволил студентам сфокусировать внимание на смысловых категориях проектов. Ролик «Собака» акцентировал внимание на следующих семиотических «фигурах»: «хозяин, ожидание, обида, вина, чувства». Ролик «Выбор»: «жизнь, яркие впечатления, отказ, лишнее, выбор».

Таблица 1. Мотивационные драйверы сторителлинга

<i>Мотивационный драйвер</i>	<i>Ролик про наркозависимость</i>	<i>Ролик про собаку</i>
Эмоциональный шок / Страх	Показаны тяжелые социальные последствия.	Страх и беспомощность потерянного животного.
Эмпатия и идентификация	Герой может быть похож на целевую аудиторию.	Собака как символ беззащитности, вызывает всеобщее сочувствие.
Контраст «было - стало»	Яркий контраст между «весельем» в начале и ужасом в конце.	Контраст между тоской на улице и уютом в новом доме.
Надежда и позитивное подкрепление	Показан возможный путь к выздоровлению.	Яркая демонстрация счастливого финала и благодарности.
Прямой призыв к действию	Лозунг: «Отбрось лишнее. Выбирай жизнь»	Лозунг: «Помоги. Возьми друга из приюта».

На втором этапе был разработан и применен алгоритм применения сторителлинга в учебном процессе:

1. Определение цели истории (объяснение, привлечение внимания, демонстрация роста).
2. Выбор нарративной структуры (классическая, «Путь героя», исследовательский детектив).
3. Интеграция данных в историю (не «у нас есть график», а «как видно на графике...»).
4. Выбор формата (видео, аудио, комикс, интерактивная презентация).
5. Включение рефлексии (анализ собственного пути создания истории).

Анализ 10 лучших авторских роликов позволил апробировать прием и выявить успешные обучающие стратегии (нарративные приемы).

«Главное начать»: героиня ролика проходит трансформацию от архетипа «Жертва» к архетипу «Мудрец». Эта эволюция позволяет зрителю проецировать на героиню разные грани собственной личности: от момента отчаяния до обретения внутренней опоры, что усиливает идентификацию. Автор

использует сразу несколько метафор: «стояние на месте - движение к результату», «замкнутая комната - открытый город», подход переводит абстрактную ценность обучения в конкретные, визуально фиксируемые достижения. Стилистические приёмы: контраст (резкое противопоставление начальных сообщений), повторение (многократное появление сообщений с негативным содержанием имитирует навязчивый внутренний диалог и тд). Императивы: «главное начать», «твои усилия привезут тебя к результату». Ролик апеллирует к ценностям поколения Z: самореализация через действие, компетентность как результат накопления опыта, принадлежность к сообществу, возможность выбора. *«Колесо баланса»*. Героиня проходит трансформацию от архетипа «Искатель» к «Мудрецу». Центральной метафорой ролика выступает «Колесо баланса». Стилистические приёмы: контраст, повторение. Работа апеллирует к ценностям поколения Z: самореализация через маленькие действия, компетентность через пошаговое развитие, принадлежность к сообществу, личный выбор. *«Спираль молчания»*. Ролик реализует структуру «Пути героя» с акцентом на внутреннюю трансформацию. Стилистические приёмы. контраст, повторение. Ролик апеллирует к ценностям поколения Z: самоопределение через диалог, преодоление изоляции, принадлежность к сообществу, компетентность через действие».

Выводы: Авторы применили комплекс приёмов для трансформации абстрактных проблем в процессе создания обучающего сторителлинга (мотивация, баланс, социальное давление, идентичность) в значимый для аудитории опыт. Высокая включенность студентов подтвердила гипотезу о ресурсе сторителлинга как педагогического инструмента активизации мотивации к обучению, развитию профессиональных творческих компетенций. Для эффективного использования метода важен выбор нарративных приемов: сюжет, использование семантических «фигур», эмоциональные языковые приемы (контракт, баланс и прочее). Применение обучающего сторителлинга в учебных программах для студентов медийных специальностей позволит формиро-

вать базовые навыки «рассказчиков», сформирует навык «управления» историями, помогут найти путь к сердцу зрителя.

Список литературы

1. Акашева Т.В., Ломтева Т.Ю. Сторителлинг как эффективный инструмент повышения мотивации на уроках иностранного языка. *Петровские образовательные чтения*; 2023. URL: <https://petrovskie-chteniya.ru/articles/storitelling-kak-effektivnyy-instrument-povysheniya-motivatsii-na-urokakh-inostrannogo-yazyka/> [дата обращения: 03.03.2026].
2. Брунер Дж. *Психология познания. За пределами непосредственной информации*. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1977. 413 с.
3. Мушин-Македонский А. *Нарративное лидерство: Как вдохновлять, убеждать и получать результат с помощью историй*. СПб.: Питер; 2021. 256 с.
4. Халилов Д. *Метод скользкой горки: Сторителлинг для Reels, Stories, TikTok-роликов и других форматов социальных сетей*. М.: Бомбора; 2024. 288 с.
5. Уткин А., Покровская Н. Белое зеркало: Сторителлинг в кино, VR и иммерсивном театре. М.: *Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»*; 2022.
6. Bruner J. The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*. 1991;18(1):1–21.
7. McEwan H., Egan K. Narrative in Teaching, Learning, and Research. *Teachers College Press*; 1995.
8. Barrett H.C. Researching Electronic Portfolios and Learner Engagement: The REFLECT Initiative. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2006;50(6):436–449.
9. Ross J. Just give them a map? The textual practice of storytelling. *Learning, Media and Technology*. 2012;37(2):215–218.
10. Андреева Ю.В., Липатова А.В. Авторский подход к нарративному анализу медиаконтента, потребляемому молодежной аудиторией. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;3(60):4–8. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.3.4-8
11. Генералова Л.М. Мультимодальный анализ предвыборных плакатов. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(4): 572–581. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.572-581>
12. Сагитова Р.Р., Шакирова А.А. Цифровые технологии активизации самообразовательной деятельности студентов вуза. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(4):481–490. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.481-490>

References

1. Akasheva T.V., Lomteva T.Yu. Storytelling as an effective tool for enhancing motivation in foreign language classes. *Petrovskie obrazovatel'nye chteniya*; 2023. Available from: <https://petrovskie-chteniya.ru/articles/storitelling-kak-effektivnyy-instrument-povysheniya-motivatsii-na-urokakh-inostrannogo-yazyka/> [accessed: 03.03.2026]. (In Russ.)
2. Bruner J. *Psychology of cognition: Beyond immediate information*. Transl. from English. Moscow: Progress; 1977. 413 p. (In Russ.)
3. Mushin-Makedonsky A. *Narrative leadership: How to inspire, persuade and achieve results through stories*. St. Petersburg: Piter; 2021. 256 p. (In Russ.)
4. Khalilov D. *The slide method: Storytelling for Reels, Stories, TikTok videos and other social media formats*. Moscow: Bombora; 2024. 288 p. (In Russ.)
5. Utkin A., Pokrovskaya N. *White mirror: Storytelling in cinema, VR and immersive theatre*. Moscow: Strelka Institute for Media, Architecture and Design; 2022. (In Russ.)
6. Bruner J. The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*. 1991;18(1):1–21.
7. McEwan H., Egan K. (Eds.). Narrative in Teaching, Learning, and Research. New York: *Teachers College Press*; 1995.

8. Barrett H.C. Researching Electronic Portfolios and Learner Engagement: The REFLECT Initiative. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2006;50(6):436–449.
9. Ross J. Just give them a map? The textual practice of storytelling. *Learning, Media and Technology*. 2012;37(2):215–218.
10. Andreeva Yu.V., Lipatova A.V. Author's approach to narrative analysis of media content consumed by youth audience. *Kazan Social and Humanities Bulletin*. 2023;3(60):4–8. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.3.4-8. (In Russ.)
11. Generalova L.M. Multimodal Analysis of Election Posters. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(4):572–581. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.572-581>
12. Sagitova R.R., Shakirova A.A. Digital technologies for enhancing self-educational activities of university students. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(4):481–490. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.481-490>

Авторы публикации

Андреева Юлия Валентиновна –
доктор педагогических наук, профессор
РЭУ им. Плеханова
Москва, Россия
Email: andreevsemen@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-0689-7760>

Плющенко Елена Вячеславовна –
Преподаватель–наставник
РЭУ им. Плеханова,
Москва, Россия
Email: evp.ipam@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-0689-7760>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.03.2026
Одобрена после рецензирования: 25.04.2026
Принята к публикации: 26.04.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Andreeva Julia Valentinovna –
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
Email: andreevsemen@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-0689-7760>

Plyuschenko Elena Vyacheslavovna –
Teacher-mentor
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
Email: evp.ipam@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-0689-7760>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.03.2026
Approved after peer reviewing: 25.04.2026
Accepted for publication: 26.04.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 378

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.173-186>

**ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ВУЗЕ:
КЕЙС ИМИТАЦИОННОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АГЕНТСТВА**

Е.Г. Фонова¹, О.А. Шитц²

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

¹*efonova@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>*

²*oschitz@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5418-1191>*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос организации учебной переводческой практики для студентов-переводчиков в форме сетевого имитационного переводческого агентства как инновационной модели учебной практики, которая направлена на формирование первичных профессиональных умений, навыков и компетенций в сфере письменного перевода. Учебная переводческая практика показана как важный структурный элемент обучения студентов-переводчиков как на ступени базового высшего образования и бакалавриата, так и на ступени специализированного высшего образования программ магистратуры. Особое внимание обращено на формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В целях оптимизации процесса сетевого взаимодействия всех участников используется цифровая платформа с набором удобных инструментов управления проектами и документами, которая открывает путь к быстрому и комфортному взаимодействию и росту продуктивности рабочих процессов. Такой тип проведения практики показан в контексте проектного обучения и приведён конкретный кейс, реализуемый в БФУ им. И. Канта, а именно создание двуязычного цифрового аннотированного каталога книжного собрания по философии, истории, политологии, риторике, теологии и этике, медицине, астрономии и математике Валленродтской библиотеки. Анализируются положительные и отрицательные стороны реализации такой переводческой и лингвистической задачи обучающимися и предлагаются пути повышения эффективности процесса организации учебной переводческой практики у студентов-лингвистов.

Ключевые слова: письменный перевод; обучение; учебная переводческая практика; дизайн учебного процесса; проектное обучение; методические рекомендации; имитационное переводческое агентство

Для цитирования: Фонова Е.Г., Шитц О.А. Инновационные формы обучения переводчиков в вузе: кейс имитационного переводческого агентства. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 173–186. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.173-186>

INNOVATIVE FORMS OF TRANSLATION EDUCATION AT THE UNIVERSITY: THE CASE OF A SIMULATED TRANSLATION BUREAU

E.G. Fonova¹, O.A. Schitz²

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹*efonova@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>*

²*oschitz@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5418-1191>*

Abstract. The article examines the organization of educational translation practice for translation students in the form of a networked simulated translation bureau as an innovative model of educational practice aimed at developing basic professional skills, abilities, and competencies in the field of translation. Educational translation practice is shown as an important structural element in the training of translation students, both at the level of basic higher education and bachelor's degree programs, and at the level of specialized higher education within master's degree programs. Special attention is paid to the formation of universal, general professional, and professional competencies. In order to optimize the network interaction among all participants, a digital platform with a set of convenient project and document management tools is used, enabling fast and convenient collaboration and increased productivity of work processes. This type of practice is shown in the context of project-based learning and a specific case study, currently being implemented at the Immanuel Kant Baltic Federal University, is presented: the creation of a bilingual digital annotated catalog of the Wallenrodt Library's collection of books on philosophy, history, political science, rhetoric, theology and ethics, medicine, astronomy, and mathematics. The positive and negative aspects of implementing this translation and linguistic task by students are analyzed, and ways to improve the effectiveness of organizing educational translation practice for linguistic students are proposed.

Keywords: translation; education; educational translation practice; instructional design; project-based learning; methodological guidelines; simulated translation bureau

For citation: Fonova E.G., Schitz O.A. Innovative Forms of Translation Education at the University: the Case of a Simulated Translation Bureau. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 173–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.173-186>

Имитационное переводческое агентство представляет собой современную модель организации учебной (а в случае выполнения заказа от реальных работодателей и производственной) переводческой практики, ориентированную на формирование профессиональных, общепрофессиональных и универсальных компетенций обучающихся в условиях, максимально приближенных к реалиям современной индустрии перевода.

Сама по себе такая форма не является новой, в частности, она активно применялась для проведения практики в рамках подготовки переводчиков, когда использовались в основном элементы симуляционного обучения или т.н. *case-study* (метод конкретных ситуаций) [1; 2; 3]. Новшеством в данном случае

является виртуальный сетевой формат агентства, который обеспечивает гибкость, доступность и расширенные возможности для взаимодействия, в том числе в межвузовском и международном контексте [4]. Несомненно, реализация работы виртуального переводческого агентства требует создания специализированной платформы для синхронизации действий всех участников процесса. Цифровые инструменты и Интернет-платформы сейчас активно внедряются в учебный процесс, например, при изучении иностранного языка [5].

Основными целями работы виртуального переводческого агентства можно назвать формирование профессиональной готовности студентов к практической переводческой деятельности в реальных условиях, обеспечение непрерывной проектной и коммуникативной деятельности в условиях, имитирующих реальные производственные процессы, расширение академического сотрудничества через создание сетевого формата взаимодействия между вузами, а также потенциальными работодателями и представителями индустрии, и, наконец, внедрение цифровых инструментов и технологий в учебную практику. Решение задачи повышения эффективности сетевого взаимодействия реализуется посредством внедрения цифровой платформы с расширенным инструментарием для управления проектами и документами. Применение указанной платформы является фактором, обуславливающим скорость и удобство коммуникации участников, своевременность обмена информацией, что способствует снижению рисков невыполнения поставленных перед исполнителями задач и, в конечном счёте, повышению результативности.

Имитационное переводческое агентство служит формой организации учебной переводческой практики в рамках реализации образовательных программ по направлению подготовки 45.03.02. и 45.04.02 «Лингвистика» для таких образовательных программ как «Перевод и переводоведение» (бакалавриат и базовое высшее образование) и «Перевод для международного бизнеса и дипломатии», «Перевод в международной деловой и дипломатической сферах» и «Аудиовизуальный перевод» (специализированное высшее образование про-

грамм магистратуры) на основании образовательного стандарта высшего образования, установленного самостоятельно федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по направлению подготовки 45.03.02 и 45.04.02 «Лингвистика» (далее СУОС) [6; 7].

Учебная переводческая практика присутствует в каждом учебном плане БФУ им. И. Канта по переводческим образовательным программам. Так, по программам бакалавриата («Перевод и переводоведение (английский язык и второй иностранный язык по выбору)») учебная переводческая практика проводится на 3 курсе (в 6 семестре) и составляет 5 зачетных единиц (далее ЗЕД). По программе базового высшего образования (пилотный проект по модернизации высшего образования в Российской Федерации) «Перевод и переводоведение» (5 лет обучения) учебная переводческая практика проводится на 3 и 4 курсах (в 5, 6, 7 и 8 семестрах) и её объём значительно увеличен – 14 ЗЕД.

Что касается программ специализированного высшего образования программ магистратуры, которые также вошли в пилотный проект, то переводческие программы «Перевод для международного бизнеса и дипломатии», «Перевод в международной деловой и дипломатической сферах» и «Аудиовизуальный перевод» являются прикладными, и по новой модели лингвистического образования реализуются 1 год. Тем не менее учебная переводческая практика для этих программ сохраняется и осуществляется в первом семестре в объёме 2 ЗЕД.

Решение о создании имитационного переводческого агентства как инновационной формы проведения учебной переводческой практики обусловлено тем, что область профессиональной деятельности выпускников переводческих образовательных программ довольно многообразна и разнопланова. Она включает в себя умение переводить как письменно, так и устно (последовательно и синхронно), а также редактировать специализированные тексты различной тематики (экономические, юридические, естественнонаучные, художественные,

технические), применять при необходимости машинный перевод и владеть его постредактированием, разбираться в вопросах межкультурной коммуникации. Помимо этого, студенты должны иметь фундаментальные знания в области лингвистики, знать историю и теорию перевода, хорошо ориентироваться в страноведческих аспектах и иметь широкий диапазон представлений в общегуманитарных дисциплинах, а одним из обязательных условий успешного прохождения учебной переводческой практики является высокий уровень владения иностранным языком (не ниже C1 по европейской шкале языковых компетенций) и современными информационными технологиями.

Проведению практики на бакалавриате и базовом высшем образовании предшествуют следующие дисциплины: «История перевода», «Теория перевода», «Письменный перевод с первого иностранного языка на русский язык» («Письменный перевод А-В / В-А»), «Устный перевод с первого иностранного языка на русский язык», «Этика профессии», «Информационные технологии в переводе», «Основы межкультурной коммуникации», «Профессиональный тренинг переводчика», включающие следующие темы: устный последовательный перевод А-В / В-А, письменный перевод А-В / В-А, интерпретация текста, аннотирование и реферирование научной литературы, основы терминологии, профессиональный кодекс переводчика, современные системы машинного перевода, редактирование текста и т.д. Для программ специализированного высшего образования учебная переводческая практика проходит параллельно с освоением переводческих дисциплин, но магистерские программы подразумевают большую готовность обучающихся к освоению профессиональных компетенций.

Одним из важных преимуществ данной формы организации практики является её междисциплинарный характер. Работа в имитационном переводческом агентстве требует от студентов интеграции знаний из различных областей, включая менеджмент, маркетинг и информационные технологии. Это помогает

развивать гибкость мышления и способность адаптироваться к разным профессиональным условиям.

Для успешного функционирования виртуального переводческого агентства были составлены методические рекомендации, определяющие цели и задачи практики, сроки и требования ее прохождения, структуру и содержание практики, функциональные роли, выполняемые практикантами и руководителями практики, образцы нормативных документов, порядок защиты отчётов, а также анализ слабых и сильных сторон внедрения такой формы проведения учебной практики в вузе в сравнении с примерами лучшего мирового опыта проведения переводческой практики.

Методические рекомендации для проведения учебной переводческой практики в форме имитационного переводческого агентства направлены на формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций обучающихся, получение профессиональных умений и опыта профессиональной переводческой деятельности, знакомство с работой переводческого агентства и возможность примерить на себя основные функциональные роли, существующие в реальной переводческой среде (от терминолога и редактора до администратора и руководителя переводческого проекта). Это позволяет погрузиться в профессиональную переводческую среду и способствует развитию требуемых компетенций на высоком уровне.

Студенты, обучающиеся на переводческих программах в соответствии с видом (видами) профессиональной деятельности, на который (которые) ориентирована образовательная программа, в рамках практики готовятся решать следующие профессиональные задачи:

- переводческая деятельность: обеспечение межкультурного общения в различных профессиональных сферах; выполнение функций посредника в сфере межкультурной коммуникации; использование видов, приемов и технологий перевода с учетом характера переводимого текста и условий перевода для достижения максимального коммуникативного эффекта; проведение ин-

формационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области перевода; составление словарей, глоссариев, методических рекомендаций в профессионально ориентированных областях перевода;

- консультативно-коммуникативная деятельность: проведение деловых переговоров, конференций, симпозиумов, семинаров с использованием нескольких рабочих языков; разработка и применение тактик разрешения конфликтных ситуаций в сфере межкультурной коммуникации; проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области межкультурной коммуникации; составление глоссариев, методических рекомендаций в профессионально ориентированных областях межкультурной коммуникации;

- информационно-лингвистическая деятельность: обработка русскоязычных и иноязычных текстов в производственно-практических целях; экспертный лингвистический анализ звучащей речи и письменных текстов на любом языке в производственно-практических целях; разработка и применение средств информационной поддержки лингвистических областей знания; разработка методов анализа, обработки, моделирования, формализации и алгоритмизации текстовых массивов; разработка, внедрение и сопровождение лингвистического обеспечения электронных информационных систем и электронных языковых ресурсов различного назначения;

- научно-исследовательская деятельность: изучение, критический анализ и проведение самостоятельных исследований в области лингвистики, лингводидактики, теории перевода и межкультурной коммуникации с применением современных методик научных исследований; выявление и критический анализ конкретных проблем межкультурной коммуникации, влияющих на эффективность обучения иностранным языкам, межкультурных и межъязыковых контактов; разработка, внедрение и сопровождение лингвистического обеспечения электронных информационных систем и электронных языковых

ресурсов различного назначения; системно-структурное исследование языков мира на базе информационно-коммуникационных технологий; проведение постоянной информационно-поисковой работы с целью повышения своего профессионального уровня;

- организационно-управленческая деятельность: планирование деятельности и руководство коллективами, решающими образовательные и лингвистические задачи; организация информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации; организация деловых переговоров, конференций, симпозиумов, семинаров с использованием нескольких рабочих языков; организация процессов по формализации лингвистического материала в соответствии с поставленными задачами.

В основу работы виртуального переводческого агентства положены принципы проектного обучения. Методика проектного обучения является одной из активно применяющихся образовательных технологий на разных уровнях обучения. Такое широкое распространение она получила благодаря тому, что является личностно-ориентированной технологией, в основе которой лежит деятельностный подход, направленный на выявление, развитие, рост творческих интересов и способностей каждого обучающегося, стимулирование его самостоятельной продуктивной учебной деятельности [8, с. 45]. В рамках проектного обучения участники оттачивают навыки самостоятельного и критического мышления, умения работать с информацией, анализировать и делать соответствующие выводы, систематизировать, оценивать проделанную работу. Такой подход позволяет будущим специалистам получить, с одной стороны, опыт работы в условиях, максимально приближенных к реальным, а с другой, оценить уровень сформированности собственных умений и навыков с тем, чтобы иметь возможность скорректировать индивидуальный образовательный трек с учётом полученного опыта.

В сентябре 2024 г. Высшая школа лингвистики БФУ им. И. Канта приступила к реализации проектной деятельности студентов, обучающихся по программе бакалавриата «Перевод и переводоведение», а также по программе магистратуры «Перевод в международной деловой и дипломатической сферах», предложив поучаствовать в масштабном проекте по созданию двуязычного цифрового аннотированного каталога книг по философии, истории, политологии, риторики, религии, медицине, астрономии и математике Валленродтской библиотеки XVI – XVIII вв., которая хранится в фондах научной библиотеки БФУ им. И. Канта. Необходимость реализации такого проекта связана с тем, что упомянутое собрание имеет уникальный характер, представляя собой редкие европейские издания, материалы которых не были ранее систематизированы в полной мере. Проект включает обзор книжного собрания, перевод названий книг с латинского, немецкого, французского, итальянского, венгерского и греческого языков на русский и английский языки, а также краткое описание каждого издания на английском языке с приложением цифровых копий главных страниц. Выбор в пользу описанной выше содержательной части, а также формата каталога обусловлен, в первую очередь, критериями удобства и доступности для конечного пользователя.

Жизненный цикл проекта предполагает наличие фаз, которые проходит проект до полного его завершения и получения результата. На первом этапе (Инициализация) рабочей группой, в которую входили не только участники со стороны исполнителя, но и со стороны заказчика в лице Культурно-просветительского центра Научной библиотеки БФУ им. И. Канта, были сформулированы цель, задачи и ожидаемые результаты, а также определён необходимый инструментарий для реализации проекта. На втором этапе (Планирование) были установлены сроки каждого этапа, составлена дорожная карта проекта, назначены исполнители и ответственные лица. На третьем этапе (Реализация) студентам-переводчикам была предоставлена возможность выбрать тематику и язык оригинальных изданий для выполнения сформулированных в рам-

ках проекта задач. Таким образом, все издания были распределены между исполнителями проекта, что оказало положительное влияние на результативность проекта. Данный этап совпал по срокам с учебной и производственной переводческой практикой студентов-бакалавров, в рамках которой стало возможно осуществить запланированный объём работы, а именно перевод названий и аннотирование изданий. Следующий этап проекта, который начался почти одновременно с этапом исполнения, а именно, Мониторинг и контроль, подразумевал отслеживание того, насколько своевременно реализуются основные задачи проекта, проверку корректности хода выполнения работ и качества результата каждой задачи, решение проблем и затруднений во время работы, а также внесение в план необходимых корректировок. На этом этапе роль контролёров и модераторов исполняли студенты-магистранты, которым, в рамках собственной переводческой практики, была предоставлена возможность оценить уровень и собственных переводческих умений и навыков, и своих навыков тайм-менеджмента и удалённой работы в команде. Последним, завершающим этапом работы стала подготовка отчётной документации, совместное обсуждение результатов работы, анализ допущенных ошибок и способов их устранения, а также возможные перспективы для данного проекта.

Первый опыт применения проектной технологии в долгосрочной перспективе в рамках Высшей школы лингвистики Балтийского федерального университета им. И. Канта позволил, во-первых, сделать выводы, которые дают возможность оценить не только работу по проекту, но и качество сформированных навыков у выпускников-переводчиков, тем самым открывая путь к гибкому планированию результатов обучения и проектной деятельности, а именно, (1) какие из перечня «жестких» (профессиональных) навыков специалиста в области перевода смогли реализовать: предпереводческий анализ исходного текста и переводческого задания, осуществление межъязыкового и межкультурного перевода письменно, постредактирование перевода, внесение необходимых смысловых, лексических, терминологических и стилистико-грамматических

изменений, проверка качества перевода и его соответствия переводческому заданию; (2) уровень каких «мягких» (универсальных) навыков оказался недостаточным: навык тайм-менеджмента, качественной коммуникации, навык эффективной мотивации к работе; (3) какие факторы оказали влияние на качество выполняемой работы: положительные – возможность исполнения проекта удалённо, гибкий временной график работы; отрицательные – сокращение живого общения, недостаточное владение требуемыми иностранными языками, которое, в свою очередь, в совокупности с неорганизованным рабочим временем исполнителей повлекло за собой возросшую вовлечённость руководителя проекта; нарушение сроков исполнения этапов проекта из-за недостаточного количества участников, которое отразилось и на перечне обязанностей руководителя проекта, вынужденному заниматься и техническим администрированием проекта.

А во-вторых, сформулировать ряд рекомендаций для успешной реализации конкретно лингвистических проектов, имеющих краткосрочный характер: привлекать к работе только профильных специалистов; кроме тех, кто будет реализовывать исключительно переводческие задачи, необходимо включать в команду и тех, кто будет отвечать за техническое сопровождение проекта (заполнять необходимые документы, следить за сроками, взаимодействовать с внутренними и внешними участниками, и т.д.).

И наконец, подобные междисциплинарные проекты открывают возможность привлечения к их реализации не только студентов-лингвистов, но и студентов нелингвистических специальностей, в компетенцию которых входят темы проектов, что, безусловно, повышает уровень качества ожидаемого результата, поскольку оценивание происходит и с лингвистической, и с узкопрофессиональной точек зрения. Кроме того, инициируемые сторонними организациями проекты позволяют студентам одновременно и усовершенствовать свои переводческие умения и навыки, и овладеть современными технологиями организации процесса перевода, и получить оценку качества выполненной работы

со стороны реального заказчика, что становится особенно актуальным в связи с всё возрастающим применением «цифрового перевода» и размыванию понятия ответственности переводчика за результат.

Ещё одним преимуществом реализации переводческих проектов в виртуальном переводческом агентстве является сетевая кооперация вузов, что позволяет создавать смешанные команды студентов из разных учебных заведений, расширять спектр языковых пар, экспертных направлений, отраслевых специализаций, обеспечивать масштабируемость и устойчивость модели, содействовать академической мобильности и обмену опытом.

Среди перспектив развития данной модели можно назвать расширение базы партнёрских организаций и заказчиков, разработка межвузовского консорциума виртуальных агентств (возможно, в рамках работы Консорциума по научно-образовательному взаимодействию федеральных университетов в сфере прикладной лингвистики и профессиональной педагогики в контексте цифровизации «Цифровые практики в лингвистике и образовании»), интеграция с международными платформами профессионального роста, создание базы данных типовых кейсов и переводческих проектов, включение в систему оценки образовательных достижений студентов (портфолио, микроквалификации и т.п.).

Таким образом, виртуальное имитационное переводческое агентство как форма реализации учебной переводческой практики становится эффективным инструментом модернизации языкового образования, соответствующим современным требованиям гибкости, технологичности и профессиональной релевантности.

Список литературы

1. Лузганова А.А. Применение метода case-study в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в области международных отношений. *Казанский лингвистический журнал*. 2022; 5(1): 113–120. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.1.113-112>
2. González D. *Multiple Voices in the Translation Classroom: Activities, Tasks and Projects*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2004.
3. Kiraly D. Towards Authentic Experiential Learning in Translator Education. *In The Interpreter and Translator Trainer*. 2015;9(2):199–213.
4. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025624192 Российская Федерация. «Сетевое имитационное переводческое агентство: структура, процессы, переводы»: заявл. 08.09.2025; опублик. 02.10.2025 / Е. Л. Боярская, Д. В. Захарова, Е. В. Шевченко [и др.]; заявитель Фе-

деральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

5. Линь Л., Обдалова О.А. Инновационная модель обучения языкам в цифровой среде. *Казанский лингвистический журнал*. 2025; 8(3): 309–319. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969/> [дата обращения: 27.02.2026].

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-04-02-lingvistika-992/> [дата обращения: 27.02.2026].

8. Реализация метода проектов в подготовке педагога (на примере гуманитарных дисциплин) [Текст] : монография / Н. П. Петрова, С. Р. Халилов ; Южный федеральный ун-т, КЧГУ им. У. Д. Алиева. Ставрополь: Изд-во СКФУ; 2015.

References

1. Luzganova A.A. *Case-study Method Implementation at Teaching Process of Professional Foreign Language at the International Relations Sphere*. Kazan Linguistic Journal. 2022;5(1):113–120. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.1.113-120> (In Russ.)

2. González D. *Multiple Voices in the Translation Classroom: Activities, Tasks and Projects*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2004.

3. Kiraly D. *Towards Authentic Experiential Learning in Translator Education*. In *The Interpreter and Translator Trainer*; 2015; 9 (2): 199–213.

4. Certificate of State registration of the database No. 2025624192 Russian Federation. *Network imitation translation agency: structure, processes, translations*: application 08.09.2025: published 02.10.2025 / E. L. Boyarskaya, D. V. Zakharova, E. V. Shevchenko [et al.]; applicant Immanuel Kant Baltic Federal University. (In Russ.)

5. Lin Liyuan, Obdalova O.A. The innovative pathways of foreign language teaching model in the digital environment. *Kazan Linguistic Journal*. 2025; 8(3): 309–319. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319> (In Eng.)

6. *Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's degree in the field of 45.03.02 Linguistics* Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969/> [Date of access: 27.02.2026]. (In Russ.)

7. *Federal State Educational Standard of Higher Education – Master's degree in the field of 45.04.02 Linguistics* Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-04-02-lingvistika-992/> [Date of access: 27.02.2026]. (In Russ.)

8. Implementation of the project method in teacher training (using the example of humanities disciplines) [Text]: monograph / N. P. Petrova, S. R. Khalilov; Southern Federal University, U. D. Aliyev Karachay-Circassian State University. Stavropol: NCFU Publishing House; 2015. (In Russ.)

Авторы публикации

Фонова Евгения Геннадьевна –
доцент
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
Калининград, Россия
Email: efonova@kantiana.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>

Шитц Ольга Александровна –
доцент
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
Калининград, Россия
Email: oschitz@kantiana.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5418-1191>

Authors of the publication

Fonova Evgenia Gennadievna –
associate professor
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia
Email: efonova@kantiana.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>

Schitz Olga Alexandrovna –
associate professor
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia
Email: oschitz@kantiana.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5418-1191>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 27.04.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Article info

Submitted: 06.03.2026

Approved after peer reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 27.04.2026

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 372.881.111.22

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.187-199>

**ЭЛЕКТРОННЫЙ VS ПЕЧАТНЫЙ СЛОВАРЬ В ПРАКТИКЕ
ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ**

Н.Л. Шамне¹, М.В. Милованова²

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

¹ nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

² mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования сравнительной эффективности электронных и печатных словарей при формировании лексической компетенции в процессе чтения на неродном языке. Обосновывается актуальность проблемы в контексте стремительной цифровизации образования и повсеместного вытеснения традиционных словарных инструментов их электронными аналогами. На материале проведенного эксперимента со студентами, изучающими неродной (немецкий) язык (уровень В1), демонстрируются различия в количественных показателях использования словарей (частота обращений, время поиска, успешность нахождения слов), а также в результатах немедленного и отсроченного (через две недели) тестирования усвоения лексики. Выявлено, что электронные словари обеспечивают статистически значимое преимущество в немедленном запоминании (на 7–9% выше по всем типам тестов), однако через две недели различия между группами нивелируются. На основе качественного анализа стратегий работы с лексикой (ретроспективные интервью) описываются различия в когнитивных и метакогнитивных стратегиях пользователей электронных и печатных словарей: первые чаще обращаются к дополнительным значениям и мультимедийным возможностям, но реже предпринимают усилия для запоминания; вторые компенсируют трудоемкость поиска развитием дополнительных стратегий. Выделяются плюсы и минусы использования разных типов словарей: с одной стороны – скорость доступа, снижение когнитивной нагрузки, мультимодальность электронных словарей; с другой стороны – формирование «иллюзии компетентности» и более высокий коэффициент забывания при работе с ними, а также более прочное, хотя и медленное, усвоение лексики при использовании печатных словарей. Предлагаются направления дальнейшего изучения возможностей применения разных типов словарей в процессе обучения неродному языку.

Ключевые слова: электронный словарь; печатный словарь; неродной язык; эксперимент; лексическая компетенция

Для цитирования: Шамне Н.Л., Милованова М.В. Электронный vs печатный словарь в практике обучения неродному языку. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 187–199. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.187-199>

ELECTRONIC VS PRINT DICTIONARY IN THE PRACTICE OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

N.L. Shamne¹, M.V. Milovanova²

Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹ nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

² mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Abstract. The article presents the results of an experimental study of the comparative effectiveness of electronic and printed dictionaries in the formation of lexical competence in the process of reading in a foreign language. The relevance of the problem is substantiated in the context of the rapid digitalization of education and the widespread replacement of traditional dictionary tools with their electronic counterparts. Based on the results of an experiment conducted with students studying a non-native (German) language (level B1), differences in quantitative indicators of dictionary use (frequency of use, search time, success of finding words) as well as in the results of immediate and delayed (after two weeks) testing of vocabulary acquisition are demonstrated. It was found that electronic dictionaries provide a statistically significant advantage in immediate memorization (7–9% higher across all types of tests), but after two weeks the differences between the groups level out. Based on a qualitative analysis of vocabulary management strategies (retrospective interviews), differences in the cognitive and metacognitive strategies of users of electronic and printed dictionaries are described: the former more often turn to additional meanings and multimedia capabilities but less often make an effort to memorize; the latter compensate for the labor-intensive nature of searching by developing additional strategies. The pros and cons of using different types of dictionaries are highlighted: on the one hand, speed of access, reduced cognitive load, and the multimodality of electronic dictionaries; on the other, the formation of an "illusion of competence" and a higher forgetting rate when working with them, as well as a more robust, albeit slower, acquisition of vocabulary when using printed dictionaries. Directions for further study of the possibilities of using different types of dictionaries in the process of teaching a foreign language are proposed.

Keywords: electronic dictionary; printed dictionary; foreign language; experiment; lexical competence

For citation: Shamne N.L., Milovanova M.V. Electronic Vs Print Dictionary in the Practice of Teaching a Foreign Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 187–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.187-199>

Современная лингводидактика переживает период фундаментальных изменений, обусловленных стремительной цифровизацией образования и повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий в практику преподавания иностранных языков [1; 2; 3]. Одним из наиболее заметных проявлений этих процессов стало вытеснение традиционных печатных словарей их электронными аналогами — мобильными приложениями, онлайн-ресурсами и интегрированными в электронные книги словарными системами. Для всех изучающих иностранные языки обращение к электронному словарю стало естественным способом снятия лексических трудностей при чтении. Од-

нако за внешней очевидностью преимуществ цифровых инструментов (скорость доступа, удобство использования, мультимедийные возможности) скрывается сложная методическая проблема, требующая глубокого научного осмысления.

В центре нашего исследовательского внимания находится вопрос о возможном влиянии типа используемого словаря (электронный / печатный) на эффективность усвоения лексики в процессе чтения на неродном языке. Обратим внимание на актуальность поставленного вопроса, поскольку чтение остается одним из основных источников обогащения словарного запаса при изучении неродного языка, а словарь выступает главным инструментом, опосредующим это обогащение. От выбора словарного инструмента зависят не только непосредственные результаты запоминания, но и сами когнитивные стратегии, которые использует обучающийся при обнаружении в тексте незнакомой лексики. Отметим также, что переход к преимущественно цифровым словарям происходит, как правило, без достаточного методического осмысления последствий этого перехода для качества формируемых лексических знаний.

Теоретическая база исследования опирается на два конкурирующих подхода в когнитивной психологии. Согласно гипотезе глубины обработки информации, более значительные когнитивные усилия, затраченные на поиск слова в печатном словаре (пролистывание страниц, анализ словарной статьи в линейном формате, необходимость приведения слова к начальной форме), должны способствовать лучшему удержанию лексической единицы в долговременной памяти [4]. В противовес этому теория когнитивной нагрузки предполагает, что избыточные усилия, не связанные напрямую с усвоением значения (так называемая внешняя когнитивная нагрузка), могут истощать ограниченные ресурсы рабочей памяти и препятствовать эффективному запоминанию. Электронные словари, снижая затраты на поиск, позволяют направить освободившиеся когнитивные ресурсы на семантическую обработку значения и его интеграцию в контекст [5].

Эмпирические исследования последних лет демонстрируют противоречивую картину. С одной стороны, мета-анализы и экспериментальные работы свидетельствуют о преимуществе электронных словарей в краткосрочном усвоении лексики, особенно при измерении непосредственных результатов запоминания [6]. С другой стороны, данные о долгосрочных эффектах остаются неоднозначными: некоторые исследования показывают нивелирование различий между группами через несколько недель [7], что может указывать на различную прочность сформированных на основе разных типов словарей лексических связей. Качественные исследования, кроме того, выявляют важные различия в метакогнитивных стратегиях: учащиеся с электронными словарями склонны полагаться на «легкость повторного обращения» и не прилагать усилий к запоминанию, тогда как пользователи печатных словарей чаще прилагают усилия [8].

Обратим внимание, что применительно к методике преподавания неродного языка (любого иностранного, в том числе русского как иностранного) в работах отечественных ученых преимущественно рассматривается проблематика использования в практике обучения какого-либо конкретного вида словаря – идеографического, сочетаемостного и др. [9; 10].

Цель настоящего исследования заключается в экспериментальном сравнении эффективности электронных и печатных словарей при формировании лексической компетенции у изучающих неродной язык в процессе чтения.

Для реализации поставленной цели был организован эксперимент с участием 64 студентов, изучающих неродной (немецкий) язык (разные направления подготовки, но уровень владения немецким языком В1). Участники были случайным образом распределены на две равные группы по 32 человека: экспериментальную группу (ЭГ), использовавшую электронный словарь, и контрольную группу (КГ), работавшую с печатным словарем. Предварительное тестирование подтвердило отсутствие статистически значимых различий в исходном уровне словарного запаса между группами ($p > 0.05$).

Для эксперимента был подготовлен аутентичный научно-популярный текст на немецком языке объемом 1800 знаков, содержащий 14 целевых слов (7 существительных, 4 глагола, 3 прилагательных), которые, согласно предварительному тестированию, были незнакомы всем участникам эксперимента. Целевые слова были равномерно распределены по тексту и встречались только по одному разу.

Группа ЭГ использовала мобильное приложение электронного словаря (на выбор участников: ABBYY Lingvo Live или Multitran) на личных смартфонах. Группа КГ работала с печатными двуязычными немецко-русскими словарями (издание 2018-2020 гг., объемом не менее 40 000 слов).

Эксперимент проводился в три этапа:

Этап 1 (Чтение и работа со словарем). Участникам обеих групп давалось 30 минут на чтение текста и работу с незнакомой лексикой. Инструкция предписывала обращаться к словарю при встрече с незнакомыми словами, но не ограничивала частоту обращений. Все действия участников фиксировались: в группе ЭГ с помощью специального приложения, отслеживающего историю запросов; в группе КГ путем подсчета маркерных вкладышей, оставляемых участниками на найденных словах.

Этап 2 (Немедленное тестирование). Сразу после завершения чтения участники выполнили три типа заданий:

1. Тест на пассивное узнавание (выберите правильный перевод из 4 вариантов).
2. Тест на активное воспроизведение (напишите перевод слова).
3. Тест на понимание в контексте (заполните пропуски в новых предложениях целевыми словами).

Этап 3 (Отсроченное тестирование). Через две недели без предварительного предупреждения участники повторно выполнили аналогичные тесты для оценки долгосрочного сохранения лексики в памяти. В промежутке между те-

стированиями участники не имели специальных заданий по повторению данных слов.

Результаты эксперимента оказали следующее.

1. Количественные показатели использования словарей.

Анализ частоты обращений к словарям выявил значимые различия в стратегиях работы с текстом (см. Таблицу 1, где t – это значение t -критерия (Student's t -test) статистического теста, который используется для сравнения средних значений двух групп; p – уровень статистической значимости (p -value), вероятность того, что наблюдаемые различия возникли случайно, при условии, что на самом деле никаких реальных различий между группами нет; для процента обработанных незнакомых слов используется показатель χ^2).

Таблица 1. Количественные показатели использования словарей

Показатель	Электронный словарь (ЭГ)	Печатный словарь (КГ)	Статистическая значимость
Среднее количество обращений к словарю	12.4	8.7	$t = 3.84$, $p < 0.01$
Среднее время одного обращения	28 сек	73 сек	$t = -6.91$, $p < 0.001$ (отрицательное значение показывает меньшие временные затраты)
Процент обработанных незнакомых слов	88%	62%	$\chi^2 = 8.23$, $p < 0.01$

Эксперимент показал, что участники, использовавшие электронный словарь, значительно чаще обращались к справочной литературе, но тратили на каждый поиск существенно меньше времени. Они также проверили больше незнакомых слов по сравнению с группой, работающей с печатными словарями. Примечательно, что участники КГ в 23% случаев принимали решение не проверять встретившееся незнакомое слово, тогда как в ЭГ этот показатель составил всего 8%.

2. Результаты немедленного тестирования.

Непосредственно после чтения были получены следующие результаты (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Результаты немедленного тестирования

Тип теста	Электронный словарь (ЭГ)	Печатный словарь (КГ)	Разница
Пассивное узнавание	78.3% правильных ответов	71.2% правильных ответов	+7.1%*
Активное воспроизведение	62.5% правильных ответов	53.9% правильных ответов	+8.6%*
Контекстное понимание	57.1% правильных ответов	48.3% правильных ответов	+8.8%*

* Примечание – различия статистически значимы при $p < 0.05$

Как свидетельствует Таблица 2, группа, в которой использовался электронный словарь продемонстрировала более высокие результаты по всем трем типам заданий сразу после чтения. Наибольший разрыв наблюдался в наиболее сложном задании на контекстное понимание, что может говорить о более глубокой семантической обработке лексики при использовании электронных словарей.

3. Результаты отсроченного тестирования (через 2 недели).

Через некоторое время, как показывает Таблица 3, результаты изменились.

Таблица 3. Результаты отсроченного тестирования

Тип теста	Электронный словарь (ЭГ)	Печатный словарь (КГ)	Разница	Коэффициент забывания (ЭГ/КГ)
Пассивное узнавание	51.6%	49.8%	+1.8% (не значимо)	34% / 30%
Активное воспроизведение	34.2%	31.5%	+2.7% (не значимо)	45% / 42%
Контекстное понимание	29.8%	27.1%	+2.7% (не значимо)	48% / 44%

Ключевое наблюдение в данном случае следующее: хотя группа с электронным словарем сохранила некоторое преимущество, статистически значимые различия между группами через две недели исчезли ($p > 0.05$). Обращает на себя внимание и разница в коэффициентах «забывания»: группа, работающая

с печатным словарем, продемонстрировала несколько более медленное забывание материала (разница 3-4%), но этот показатель не достиг статистической значимости.

4. Качественный анализ стратегий работы.

На следующем этапе дополнительный качественный анализ, проведенный с помощью ретроспективных интервью (по 10 участников из каждой группы), выявил важные различия в когнитивных стратегиях.

В группе, использовавшей электронный словарь, выявлено: 1) участники чаще просматривали дополнительные значения слов (72% против 34% в КГ); 2) 68% обращали внимание на примеры употребления (в КГ – 41%); 3) 43% прослушивали аудиопроизношение (в КГ такая возможность отсутствовала); 4) однако 61% участников признались, что не предпринимали специальных усилий для запоминания, полагаясь на «легкость повторного обращения».

В группе, работающей с печатным словарем, установлено следующее: 1) 83% участников мысленно или вслух проговаривали слово во время поиска; 2) 57% возвращались к ранее найденным словам для повторения; 3) 74% сообщили о «случайном» просмотре соседних словарных статей; 4) 48% использовали стратегию выписывания слов (в ЭГ – только 12%).

Приведенные качественные данные позволяют предположить, что разные типы словарей определяют различные метакогнитивные стратегии: электронные словари способствуют более широкому и быстрому охвату информации, тогда как печатные – более глубокой, хотя и медленной, обработке каждой лексической единицы.

5. Обсуждение результатов.

Полученные в ходе эксперимента данные позволяют сделать несколько важных выводов относительно исследуемой проблемы.

5.1. Отмечена краткосрочная эффективность электронных словарей в усвоении незнакомой лексики непосредственно в момент чтения текста. Это согласуется с теорией когнитивной нагрузки: снижение усилий на поиск инфор-

мации (в среднем 28 секунд против 73) позволяет направить освободившиеся когнитивные ресурсы на семантическую обработку значения и его интеграцию в контекст. Более высокие результаты в тесте на контекстное понимание поддерживают этот вывод.

5.2. С другой стороны, зафиксировано нивелирование проверяемого эффекта во времени. Однако этот важный результат – исчезновение статистически значимых различий в двух группах через две недели – требует особого внимания. Это может указывать на то, что более глубокая когнитивная обработка, спровоцированная трудоемкостью поиска в печатном словаре, оставляет соответственно более прочные мнемические следы. Несмотря на то, что начальные результаты ниже, группа, где использовался печатный словарь, продемонстрировала несколько более медленное забывание.

5.3. Можно говорить о действии компенсаторных механизмов. Так, участники, которые работали с печатными словарями, столкнувшись с объективными ограничениями (медленный поиск), компенсировали это развитием дополнительных стратегий запоминания: проговаривание, возвраты к ранее найденным словам, выписывание. Эти стратегии, будучи более трудоемкими, обеспечивали лучшее закрепление материала. Участники, использовавшие электронный словарь, напротив, демонстрировали иллюзию компетентности, полагаясь на легкую доступность информации и не прилагая усилий к запоминанию.

5.4. Возникает вопрос о роли мотивации и установок. Качественные данные указывают на важность психологического фактора: восприятие словаря как «легкодоступного инструмента» против восприятия его как «источника, требующего некоторых усилий» влияет на готовность прилагать старания к запоминанию. Это наблюдение открывает перспективу для педагогических интервенций, направленных на формирование осознанных стратегий работы со словарями независимо от их типа.

Подводя итоги, особо обратим внимание, что проведенное исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов:

1. Искусственность условий. Эксперимент проводился в лабораторных условиях (в аудитории), что могло повлиять на естественное поведение участников при чтении.
2. Однородность выборки. Участники представляли только один уровень владения языком (B1) и относительно одну возрастную группу.
3. Ограниченный объем материала. Использовался только один текст и ограниченный набор целевых слов.
4. Тип электронного словаря. В исследовании использовались стандартные двуязычные электронные словари без специализированных обучающих функций.

В дальнейшем такого рода исследование может быть расширено в следующих направлениях:

1. Изучение влияния разных типов электронных словарей (интегрированных в ридеры, с обучающими функциями, с алгоритмами интервальных повторений).
2. Исследование возможности формирования метакогнитивных стратегий, компенсирующих «иллюзию легкости» при работе с электронными словарями.
3. Лонгитюдные исследования с измерением не только лексического «прироста», но и развития общеучебных компетенций.
4. Изучение взаимодействия типа словаря с индивидуальными когнитивными стилями обучающихся.

В целом результаты проведенного исследования позволяют предложить следующие рекомендации для практики преподавания неродного (иностранного языка):

1. Дифференцированный подход. Использование электронных словарей может быть предпочтительным на начальных этапах работы с текстом, при установке на быстрое понимание содержания и снятие лексических трудностей.

2. Обучение стратегиям. Необходимо целенаправленное обучение студентов эффективным стратегиям работы с электронными словарями, включая осознанное отношение к процессу запоминания и преодоление «иллюзии доступности».

3. Комбинирование форматов. Оптимальной представляется модель, при которой электронные словари используются для первичного знакомства с лексикой и работы с большими объемами текста, а печатные – для углубленной проработки ключевой лексики, подлежащей активному усвоению.

4. Развитие метакогнитивных навыков. Важно формировать у студентов понимание, что словарь – независимо от его формата – лишь инструмент, а ключевым фактором запоминания остаются собственные когнитивные усилия и стратегии обработки информации.

Таким образом, вопрос о сравнительной эффективности электронных и печатных словарей не имеет однозначного ответа, сводящегося к предпочтению одного инструмента перед другим. Электронные словари обеспечивают преимущество в скорости доступа и немедленном усвоении лексики, печатные – способствуют более прочному долгосрочному запоминанию благодаря глубокой когнитивной обработке информации. Оптимальная методическая стратегия заключается не в выборе одного инструмента и отказе от другого, а в их осознанном и дифференцированном использовании с учетом целей обучения, этапа освоения языка, характера лексики и индивидуальных особенностей обучающихся. Формирование у студентов метакогнитивных стратегий работы со словарями разных типов и способности к осознанному выбору инструмента в зависимости от учебной задачи представляет собой важнейшее направление современной лингводидактики, отвечающее вызовам цифровой эпохи и потребностям развития автономной языковой личности.

Список литературы

1. Алексеева И.С., Бояркина А.В., Просюкова К.О., Тахтарова С.С. Дидактика перевода и трилингвизм: новый потенциал. *Казанский лингвистический журнал.* 2021; 4 (2): 302–318. DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.302-318.
2. Лиюань Л., Обдалова О.А. Инновационная модель обучения иностранным языкам в цифровой среде. *Казанский лингвистический журнал.* 2025; 8(3): 309–319. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>.
3. Шамне Н.Л., Милованова М.В. Использование цифровых технологий в рамках коммуникативного аспектного обучения неродному языку. *Казанский лингвистический журнал.* 2025; 8(2): 153–165. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>
4. Craik F.I.M., Lockhart R.S. Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior.* 1972; 11(6): 671–684.
5. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning. *Cognitive Science.* 1988; 12(2): 257–285.
6. Furenes M.I., Kucirkova N., Bus A.G. A comparison of children's reading on paper versus screen: A meta-analysis. *Review of Educational Research.* 2021; 91(4): 483–517.
7. Hodson P., Markwalder E. Kindle versus Duden: The effects of integrated and printed dictionaries on vocabulary retention in secondary school learners. *Language Learning & Technology.* 2025; 29(1): 101–119.
8. Lo S. Dictionary types and search strategies: Comparing online dictionaries, sentence-level machine translation, and word-level translation in vocabulary learning. *Computer Assisted Language Learning.* 2025; 38(2): 215–238.
9. Плотникова А.М., Слаутина М.В. Идеографические словари в практике преподавания лингвистических дисциплин. *Перспективы науки и образования.* 2019; 6(42): 172–182. doi: 10.32744/pse.2019.6.14.
10. Епифанова В.В. Использование двуязычных учебных сочетаемостных словарей на основе смысловой рубрикации на занятиях РКИ. *Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал.* 2023; 8(110). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15872>.

References

1. Alekseeva I.S., Boyarkina A.V., Prosyukova K.O., Takhtarova S.S. Translation didactics and trilingualism: the educational potential. *Kazanskiy lingvisticheskiy jurnal.* 2021; 4(2): 302–318. (In Russ.). DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.302-318.
2. Liyuan L., Obdalova O.A. The Innovative Pathways of Foreign Language Teaching Model in the Digital Environment. *Kazan linguistic journal.* 2025; 8(3): 309–319. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>.
3. Shamne N.L., Milovanova M.V. Using Digital Technologies in the Framework of Communicative Aspect Teaching a Foreign Language. *Kazan linguistic journal.* 2025; 8(2): 153-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.2.153-165>.
4. Craik F.I.M., Lockhart R.S. Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior.* 1972; 11(6): 671–684.
5. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning. *Cognitive Science.* 1988; 12(2): 257–285.
6. Furenes M.I., Kucirkova N., Bus A.G. A comparison of children's reading on paper versus screen: A meta-analysis. *Review of Educational Research.* 2021; 91(4): 483–517.
7. Hodson P., Markwalder E. Kindle versus Duden: The effects of integrated and printed dictionaries on vocabulary retention in secondary school learners. *Language Learning & Technology.* 2025; 29(1): 101–119.
8. Lo S. Dictionary types and search strategies: Comparing online dictionaries, sentence-level machine translation, and word-level translation in vocabulary learning. *Computer Assisted Language Learning.* 2025; 38(2): 215–238.
9. Plotnikova A.M., Slautina M.V. Ideographic dictionaries in the practice of teaching linguistic disciplines. *Perspectives of Science and Education.* 2019; 42(6): 172–182. doi: 10.32744/pse.2019.6.14.
10. Epifanova V.V. The use of bilingual educational combinatorial dictionaries based on meaning rubrication in RFL classes. *Universum: Philology and Art Criticism: Electronic Scientific Journal.* 2023; 8(110). Available from: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15872>.

Авторы публикации

Шамне Николай Леонидович –
Профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: nikolay.shamne@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>
Милованова Марина Васильевна –
профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: mv_milovanova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.03.2026
Одобрена после рецензирования: 25.04.2026
Принята к публикации: 03.05.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Shamne Nikolay Leonidovich –
Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: nikolay.shamne@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>
Milovanova Marina Vasilievna –
Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: mv_milovanova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Article info

Submitted: 07.03.2026
Approved after peer reviewing: 25.04.2026
Accepted for publication: 03.05.2026

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.

ПОЭТИКА СТИХИЙ В РОМАНЕ МИШЕЛЯ ТУРНЬЕ
«ПЯТНИЦА, ИЛИ ТИХООКЕАНСКИЙ ЛИМБ»:
ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ГАСТОНА БАШЛЯРА

В.Д. Алташина¹, П. А. Москаленко²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²ГБОУ СОШ № 412, Санкт-Петербург, Россия

¹v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

²poli.chinelle.mo@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние философии Гастона Башляра на поэтику романа Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский Лимб». Турнье, вдохновленный трудами своего учителя о четырех природных стихиях, выстраивает образы стихий в структуре романа как бинарные оппозиции. Процесс инициации Робинзона на острове напрямую связан с динамикой этих образов. Главная оппозиция в романе Турнье возникает между землей и воздухом. В ходе анализа мотивной структуры романа мы приходим к выводу, что герой Турнье – Робинзон Крузо – грезовидец земли. Воздушные метафоры в подсознании героя изначально имеют негативными коннотации. Воздух в поэтике Турнье и в философии Башляра – детская свободная стихия, с которой связан дикарь Пятница. Для Турнье, как и для Башляра, ребенок является идеалом, именно поэтому Пятница – инициатор Робинзона, способствующий его духовной метаморфозе.

В статье анализируется символическое наполнение антиномических образов, что позволяет углубить понимание характеров героев Турнье, их менталитета, сходств и различий их мышления. Пройдя испытание всеми четырьмя стихиями в «Лимбе Тихого океана», Робинзон Крузо становится Демиургом. Алхимический подтекст в романе связан с идеей трансмутации души, способной вновь обрести совершенство изначального андрогинного существа и его силы.

Ключевые слова: Мишель Турнье; Гастон Башляр; инициация; философский роман; французская проза

Для цитирования: Алташина В.Д., Москаленко П.А. Поэтика стихий в романе Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский Лимб»: Влияние философии Гастона Башляра. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 200–210. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.200-210>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.200-210>

THE POETICS OF THE ELEMENTS IN MICHEL TOURNIER'S NOVEL "FRIDAY, OR THE PACIFIC LIMBO": THE INFLUENCE OF GASTON BACHELARD'S PHILOSOPHY

V.D. Altashina¹, P.A. Moskalenko²

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

²School No. 412, Saint-Petersburg, Russia

¹v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

²poli.chinelle.mo@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

Abstract. This article examines the influence of Gaston Bachelard's philosophy on the poetics of Michel Tournier's novel «Friday, or the Pacific Limbo». Tournier, inspired by the works of his teacher on the four natural elements, constructs the images of the elements in the structure of the novel as binary oppositions. The process of Robinson's initiation on the island is directly related to the dynamics of these images. The main opposition in Tournier's novel arises between the earth and the air. In the course of analyzing the motivic structure of the novel, we come to the conclusion that Tournier's hero, Robinson Crusoe, is a dreamer of the earth. Air metaphors in the hero's subconscious initially have negative connotations. Air in Tournier's poetics and in Bachelard's philosophy is a childish free element, with which the savage Friday is associated. For Tournier, as for Bachelard, a child is an ideal, which is why Friday is Robinson's initiator, contributing to his spiritual metamorphosis. The article analyzes the symbolic content of antinomic images, which allows us to deepen our understanding of the characters of Tournier's heroes, their mentality, and the similarities and differences in their thinking. Having passed the test of all four elements in the «Limbo of the Pacific Ocean», Robinson Crusoe becomes the Demiurge. The alchemical subtext in the novel is connected with the idea of the transmutation of the soul, which is capable of regaining the perfection of the original androgynous being and its power.

Keywords: Michel Tournier; Gaston Bachelard; initiation; philosophical novel; French prose

For citation: Altashina V.D., Moskalenko P.A. The Poetics of Elements in Michel Tournier's Novel "Friday, or the Pacific Limbo": The influence of Gaston Bachelard's Philosophy. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 200–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.200-210>

Учение Гастона Башляра о четырех материальных стихиях оказало значительное влияние на формирование творческого метода Мишеля Турнье. В своих сочинениях Башляр описывал взаимоотношения субъекта и земных стихий – огня, воды, воздуха и земли. Он рассматривал коллективное бессознательное не через архетипы, а через стихии-первоэлементы, которыми наполнено воображение человека. Философ считает, что каждому воображению соответствует одна из четырех стихий. Любая поэтика берет свое начало из какой-либо мате-

риальной субстанции, потому что суть образов составляет материя, которая подчас не имеет формы. С ней связаны некие импульсы, интимные переживания, «онирические силы», составляющие бессознательное личности.

Грезами о материальных стихиях пропитано творчество Турнье. В названии автобиографии отражена некая игра слов – «Le vent Paraclet» (1977) – это и «Святой дух», и «Ветер-утешитель». Таким образом, он дает читателю ключ для восприятия и анализа текстов, намекая, что воздух – это стихия его воображения. Турнье пишет, что желал «восстановить сакральное измерение метеорологических явлений» (перевод наш – В.А., П.М.) [1, р. 7], то есть преодолеть разрыв между пуританским мировоззрением и живительной, питающей воображение стихией, которая и есть Святой дух. И, напротив, «засуха», отсутствие живительной влаги в воспитании детей становится у писателя метафорой косного мира взрослых.

В основе структуры романа «Пятница, или тихоокеанский Лимб» лежит процесс инициации и духовного прозрения Робинзона Крузо, Турнье видит в инверсию человеческих ценностей, поэтому решает переписать его. Природные стихии выстраиваются в систему бинарных образов, которые являются не произвольными деталями, а важной частью семантического кода текста. В момент кораблекрушения Робинзон становится свидетелем «адского разгула стихий» [2, с. 171] (здесь и далее переводы цитат Мишеля Турнье авторства И. А. Волевич). В самом начале романа капитан ван Дейсел предсказывает Робинзону судьбу, раскладывая таро, иронически называя его «маленьким Демиургом», который «борется со вселенским хаосом, пытаясь одолеть его с помощью всевозможных подручных средств» [2, с. 165]. Башляр пишет, что «воспринимать мир через четыре его стихии означает ощущать себя демиургом или полубогом» [3, с. 178]. Именно демиургом, подчиняющим стихии, мыслит себя Робинзон в начале романа и до встречи с Пятницей. Иллюзия Робинзона разрушается, когда корабль терпит крушение и лишается руля и ветрил, то есть неких атрибутов, призванных подчинить воздушную и водную стихии.

Оказавшийся на острове Робинзон вынужден трудиться. Башляр считает, что труд помещает субъекта в центр мироздания. В процессе обработки материи рождаются образы, динамические грезы, которые, согласно Башляру, возвышают нас и способствуют росту, «он [образ – В.А., П.М.] наделяет нас становлением растущего „Я“» [3, с. 45] (здесь и далее переводы цитат Мишеля Турнье авторства Б. М. Скуратова). Возвращаясь к природе, человек преобразуется, в силу вступает материальное воображение, поскольку психика, с точки зрения Башляра, всегда жаждет новых образов. Однако «возделывание сада» героя Турнье на Сперанце вначале представляет собой некую проекцию усвоенного опыта, труд его при этом лишен какого-либо грезовидения: он механически воссоздает на острове те законы, по которым привык существовать – пишет Хартию острова и Уголовный кодекс Сперанцы, строит Палату мер и весов, Дворец Правосудия и Храм. В действиях Робинзона замечен подход колонизатора, желающего облагородить дикую землю, сакральный элемент взаимодействия с материей при этом теряется.

Башляр выделяет два способа взаимоотношения субъекта с земной стихией. Первый связан с сопротивлением, землю от других стихий отличает ее твердость. Это провоцирует волю субъекта: «Сопротивляющийся мир, – по словам Башляра, – выводит нас за пределы статического бытия, за пределы нашего существования. Так начинаются тайны энергии. С этих пор мы становимся пробужденными существами» [3, с. 30]. Воображение и воля неразрывно связаны: все существо субъекта желает подчинить субстанцию, а материя провоцирует воображение создавать орудия труда. Так, Робинзон самостоятельно изготавливает мотыгу для вспахивания земли, когда же настает момент сбора урожая, он использует для этого найденную на корабле абордажную саблю.

В то же время в сознании Робинзона возникает оппозиция между формой и материей, между островом как диким пространством, требующим преобразования, и «другим островом» – местом «онирических грез» героя. Первоначально главным его стремлением было «приручить» Сперанцу, создав знакомый

пейзаж: он занимается межеванием пространства, строит загоны для скота, сравнивает нелюбимую дикую землю с лугом у себя на родине, который, в отличие от Сперанцы, был не однородной хаотической массой, а представлял собой «растительный космос, где материя полностью исчерпала себя в форме» [2, с. 220].

В процессе развития ребенка, с точки зрения Башляра, его материальное воображение «затвердевает», обретая мужественность, воля к подчинению таких субстанций, как древесина, камень и железо. Но в раннем детстве материальное воображение пластично, как и обрабатываемые субстанции – глина и тесто.

Формой сублимации глубинных переживаний для Робинзона служит замешивание теста для выпечки хлеба. Он вспоминает, как в детстве наблюдал за ремеслом пекаря и мечтал стать булочником: «Я всегда отдавал предпочтение не формам, а материи. Осязать и вдыхать – эти два способа познания мира волновали и посвящали меня в его сущность куда больше, нежели зрение и слух» [2, с. 241]. Башляр характеризует лепку как детскую грезу. Процесс замешивания теста являет собой интимный акт, пекарь вовлечен в борьбу двух стихий – водной и земной. Он поочередно присуждает победу то одной, то другой, испытывает сопричастность замешиваемой материи, поскольку сама плоть человека, согласно Башляру, – это первотесто.

Робинзон чувствует себя демиургом, потому что управляет стихиями в процессе замеса и выпечки. При обработке теста, по утверждению Башляра, рождаются грезы, характеризующиеся особенной волей к власти, «мужской радостью проникновения внутрь субстанции, интимного покорения земли, подобного покорению земли водой, причастности к силе, растворяющей „безвозвратно“» [3, с. 51]. Тесто соотносится в воображении Робинзона с женским началом. Грезы вырастают до уровня мироздания, являя собой космогонический акт творения. Таким образом, создание хлеба в романе – это сакральный процесс: ощущение гибкости материи дарует герою утраченное чувство полноты. Это интимное действие, как и все обряды исцеления, преследует цель

вернуться к истокам, а подлинный исток, согласно М. Элиаде, понимается как «извержение невероятной энергии, жизни и плодородия, которое сопровождало сотворение мира» [4, с. 39] (перевод В.П. Большакова). В архаических обществах люди верили, что таким образом жизнь может быть начата заново, в связи с этим сотворение космогонического мифа есть обновление. В романе данный процесс – один из важных этапов на пути рождения нового Робинзона.

Субстанция теста рождает нежные грезы о детстве, сама Сперанца одушевляется, представая в воображении героя, то матерью, то женой. Так, можно убедиться, что инициация Робинзона происходит в обратном порядке — от взрослости он движется к состоянию ребенка. В связи с этим еще одна форма взаимодействия субъекта с земной стихией, по Башляру, – это погружение в нее, которое символизирует возвращением на родину, Башляр выделяет такие образы, как дом, живот, пещера, которые сходятся в едином смысле: с ними связаны «грезы о покое», о первозданном состоянии в материнском лоне [5, с. 61]. Он считает, что именно в этом пространстве происходит «конденсация глубинных сил» [6, с. 170]. Робинзон обнаруживает на острове грот, и, пробираясь через узкий лабиринт, погружается в него. Он ощущает себя плодом Сперанцы. Впервые герой находится в блаженном безвременье. Теперь уже сам Робинзон представляет собой «комочек податливого теста во всемогущей каменной длани острова» [6, с. 270]. От активной роли волевого преобразователя герой переходит в состояние незащитного ребенка, созревающего в недрах земли.

Главная оппозиция в романе возникает именно между землей и воздухом. Именно по причине бури и урагана случилось кораблекрушение, разрушившее привычный уклад жизни Робинзона. И напротив, строя корабль, герой надеется на бурю, но корабль так и остается далеко на суше.

Стихией Пятницы в романе является воздух. Пятница грезит о воздухе, постоянно заставляя объекты летать. Он мастерит луки и боласы, его излюбленной игрой является стрельба в небо: «Эту [стрелу – В.А., П.М.] я не найду, –

ответил Пятница, – потому что она никогда не падать на землю» [2, с. 355]. Такая греза, согласно Башляру, является асцензиональной, то есть предполагает бесконечное воспарение, он выделяет также асцензиональное становление — стремление к вознесению, которое может быть рассмотрено в парадигме различных мифологий и религий. Духовная жизнь, с точки зрения Башляра, всегда ищет высоты, а поэтические образы по сути своей воздушны: «В человеческом воображении полет трансцендирует рост» [7, с. 94]. Грезовидца воздушной стихии не терзают страсти, как и страх падения, «онирическое ощущение состоит в подлинно субстанциальной легкости, в легкости всего существа, в легкости-в-себе, причина которой грезовидцу неведома» [7, с. 48]. Именно воздух в поэтике Мишеля Турнье соотносится с образами детей и Святого духа. Эта стихия игры, в которой отсутствует какой-либо утилитарный смысл. Пятница высмеивает действия Робинзона и его ложную «земную» серьезность. Именно Пятнице отведена роль инициатора, который должен способствовать его духовному росту. Турнье переворачивает традиционный ритуал посвящения, поскольку его совершает не зрелый человек, а ребенок.

Перемена жизни на острове происходит, когда Пятница курит трубку и случайно взрывает бочонки с порохом. При синтезе двух стихий – воздуха и огня – пещера Робинзона взрывается. Сгорают все вещи из его прежней жизни. Воздух освобождает и другие стихии: напугавшись огня, козы ломают забор, взрывной волной сметаются возведенные здания. Сила стихий выталкивает героя из замкнутого внутреннего пространства, рушатся возведенные оковы, кажущиеся герою защитой от агрессивного внешнего мира. Отказ от всего, что разделяет, тем самым уничтожая целостность, знаменует собой открытие первоначального единства природы и человека. Вновь разрушается иллюзия Робинзона о себе как о демиурге. Он оказывается бессильным перед воздухом: «Казалось, арауканец явился совсем из другого мира, враждебного земному царству своего хозяина» [2, с. 349]. Буйство стихий символизирует новый мир в его становлении.

Одним из главных «первострахов» Башляр называет страх падения, он утверждает, что грезы о полете способствуют его превозмоганию, в то же время падение в воображении представляет собой «болезнь воображения подъема», «неизбывную тоску по высоте» [7, с. 133].

Робинзон воспитан как набожный пуританин, им во всем движет философия умеренности. Желание преодолеть границы человеческих возможностей понимается как тщеславие. Детская греза о полете омрачается у героя страхом падения в адскую бездну. В романе не раз встречаются христианские коннотации: «Начиналась его истинная жизнь на острове после периода душевного падения» [2, с. 205]. Жизнь на острове для героя – «темная бездна страданий» [2, с. 205]. Возвыситься же можно только через труд и аскетизм, и Робинзон считает, что Святой Дух является ему именно в тот момент, когда он создает Уголовный кодекс Сперанцы.

Робинзон вспоминает ужас, испытанный в детстве, когда он решил подняться на колокольню Йоркского собора, поэтому ключевой эпизод в инициации героя на острове связан именно с преодолением им страха высоты. Робинзон взбирается на скалу: «Здесь были только земля и воздух, а между ними Робинзон, прикипший к камню, словно трепещущий мотылек, и в мучительном усилии стремящийся преодолеть переход от первой стихии ко второй» [2, с. 360]. Куколка-Робинзон оборачивается мотыльком. Благодаря Пятнице Робинзон становится демиургом, достигая гармонии и слияния с жизнью стихий.

Турнье, как и Башляр, полагал, что ребенок – существо, не отягощенное нормами общественной морали, его взгляд открыт, в его грезах о полете еще нет страха бездны. Жизнь Робинзона – это иллюстрация мысли Турнье о том, что догмы в воспитании лишь ограничивают взгляд человека, его действия становятся механическими и абсурдными. Для Турнье Святой Дух – не абстракция и не часть высшей бюрократической структуры, как для Робинзона, а ребенок, свободный Пятница, выходец из другой цивилизации, в сознании которого отсутствует христианская дихотомия падения и возвышения души.

Заключительный этап становления «нового человека — символическое убийство Пятницей козла — Андоара. Робинзон пишет в дневнике: «Андоар — это был я. Старый самец, одинокий и гордый...» [2, с. 382]. Смерть козла — животного-двойника символически означает смерть старого Робинзона. Ритуал Пятницы в романе представляет собой алхимическое действо. Согласно Башляру, целью алхимиков является перелицовка субстанции, «подобно тому, как выворачиваются перчатки» [6, с. 15]. Для алхимиков трансмутация — форма доведения субстанции до совершенства: на первом этапе она умерщвляется, чтобы позднее быть возрожденной.

Пятница придает тело козла всем четырем стихиям. Он желает кардинально изменить сущность животного, заставив его летать и петь. Высушенный на солнце пергамент Пятница превращает в фантастическую золотую птицу. Из головы козла Пятница создает эолову арфу, «то было поистине первозданная, нечеловеческая музыка стихий — мрачный зов земли, гармония небесных сфер и тоскливый стон принесенного в жертву большого козла» [2, с. 371]. Пятница грезит о динамической, становящейся материи, он видит за формой потенциал к преображению, поэтому в черном козле он увидел золотую птицу, а в Робинзоне — запертого, испорченного цивилизованным миром ребенка в теле старика [8, с. 41]. Кроме того, интересно, что Пятница изначально пребывает в «Лимбе Тихого океана», как и Вергилий — проводник Данте, данная параллель присутствует в тексте. В культуре существует тоpos Вергилия как поэта-чародея, обладавшего магическими знаниями и обманувшего смерть, придав своему телу нетленность. Это скрытое сравнение в тексте Турнье становится символом бесконечной силы поэтического воображения, коим обладает Пятница, его ритуал способствует метаморфозе во внешности Робинзона: сбрав бороду патриарха, тот вновь обретает молодость. В начале повествования капитан ван Дейсл говорит Робинзону о младенческой невинности обитателей Солнечного города [2, с. 170]. Турнье использует в романе выражение алхимиков «золотой младенец», подчеркивая совершенство духа того, кто всегда хранит в себе детскость. По-

следняя страница романа являет собой «гелиофанию», мистическое ожидание божества Солнца.

Так, очевидно глубинное влияние концепции Гастона Башляра о типах воображения материи в романе Турнье. Робинзон в начале – грезовидец земли, желающий подчинять стихии, однако иллюзия господства героя постоянно разрушается. Благодаря Пятнице происходит духовная метаморфоза Робинзона, он учится детскому, неутилитарному видению мира. В финале романа, пройдя испытание в «Лимбе» Тихого океана, Робинзон – demiurge и дитя Солнца, свободный от всех условностей социума – новый человек.

Список литературы

1. Tournier M. *Le vent Paraclet*. Paris: Folio / Galimard; 1978. (На фр. яз.)
2. Турнье М. *Пятница, или Тихоокеанский Лимб*. Санкт-Петербург: Амфора; 2004.
3. Башляр Г. *Земля и грезы воли*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2000.
4. Элиаде М. *Аспекты мифа*. Москва: Академический проект; 2010.
5. Кондакова А.С., Алташина В.Д. Музыка как приют и как неистовая сила в романе Паскаля Киньяра «Вилла Амалия». *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1):57–67. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67>
6. Башляр Г. *Земля и Грезы о покое*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2001.
7. Башляр Г. *Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 1999.
8. Нигматуллина А.М., Хафизова И.И. Понятие познания в романе Умберто Эко «Имя Розы». *Казанский лингвистический журнал*. 2021;1(4):38–47. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.1.38-47>
9. Алташина В.Д. Естественный человек Д. Дефо и М. Турнье. Москва: *Другой XVIII век: сб. научных трудов. Экон-форум*; 2002:60–68.
10. Киричук Е.В., Шевченко О.А. Художественные особенности философской сказки Мишеля Турнье «Амадина, или Два сада». Омск: *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2021;15(2):49–59. DOI: [10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6](https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6)
11. Элиаде М. *Азиатская алхимия*. Москва: Янус-К; 1998.
12. Bouloumié A. *Michel Tournier: Le Roman mythologique*. Paris: J. Corti; 1988. (На фр. яз.)
13. Tournier M. *Vendredi ou les limbes du pacifique*. Paris: Folio / Galimard Publ; 1998. (На фр. яз.)

References

1. Tournier M. *The Wind Spirit*. Paris: Folio / Galimard; 1978. (In French.)
2. Tournier M. *Friday, or the Pacific Limbo*. Saint Petersburg: Amphora; 2004. (In Russ.)
3. Bachelard G. *Earth and Reveries of Will*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2000. (In Russ.)
4. Eliade M. *Aspects of Myth*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2010. (In Russ.)

5. Kondakova A.S., Altashina V.D. Music as a Shelter and as a Violent Force in Pascal Quignard's Novel "Villa Amalia". *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1):57–67. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67> (In Russ.)
6. Bachelard G. *Earth and Reveries of Repose*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2001. (in Russ.)
7. Bachelard G. *Air and Dreams: An Essay on the Imagination of Movement*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 1999. (In Russ.)
8. Nigmatullina A.M., Khafizova I.I. The concept of knowledge by Umberto Eco in "The Name of the Rose". *Kazan linguistic journal*. 2021;1(4):38–47. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.1.38-47> (In Russ.)
9. Altashina V.D. The Natural Man by D. Defoe and M. Tournier. Moscow: *Another XVIII century: collection of scientific works. Ekon-forum*; 2002:60–68. (In Russ.)
10. Kirichuk E.V., Shevchenko O.A. Artistic features of Michel Tournier's philosophical tale "Amadina, or Two Gardens". Omsk: *Science of Man: Humanitarian Studies*. 2021;15(2):49–59. DOI: [10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6](https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6) (In Russ.)
11. Eliade M. *Asian Alchemy*. Moscow: Ianus-K; 1998. (In Russ.)
12. Boulommier A. *Michel Tournier: Mythological Novel*. Paris: J. Corti; 1988. (In French.)
13. Tournier M. *Friday, or the Pacific Limbo*. Paris: Folio / Galimard; 1998. (In French.)

Авторы публикации

Authors of the publication

Алташина Вероника Дмитриевна –
профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Altashina Veronika Dmitrievna –
Professor
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Москаленко Полина Алексеевна –
учитель литературы ГБОУ СОШ № 412
Санкт-Петербург, Россия
Email: poli.chinelle.mo@list.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

Moskalenko Polina Alekseevna –
Literature teacher at School No. 412
Saint Petersburg, Russia
Email: poli.chinelle.mo@list.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Conflicts of Interest Disclosure

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Article info

Поступила в редакцию: 06.11.2025
Одобрена после рецензирования: 20.02.2026
Принята к публикации: 25.02.2026

Submitted: 06.11.2025
Approved after peer reviewing: 20.02.2026
Accepted for publication: 25.02.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

Peer review info

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81`42

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.211-220>

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ БРИТАНСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ:
СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО СМЯГЧЕНИЯ**

Д.Л. Абузярова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

cooly.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Аннотация. В статье исследуется коммуникативная категория митигации в британском парламентском. Предлагается когнитивно-дискурсивная модель митигативной ситуации, описывающая процесс коммуникативного смягчения как трехуровневый механизм: оценку параметров коммуникативной ситуации (степень агональности, статусно-ролевая дистанция, структура адресата), активацию митигативных прескрипций (антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация, эмоциональная сдержанность) и выбор стратегий с их тактико-языковой реализацией через систему лексических, синтаксических и прагматических митигаторов. Подробно анализируются три ключевые стратегии речевого поведения – аргументации, дискредитации и самопрезентации, – каждая из которых реализуется через специфический набор тактик и языковых средств. Стратегия аргументации включает восемь тактик, сгруппированных по трём основаниям: лексические тактики смягчения пропозиции, тактики управления субъектной перспективой и синтаксические тактики смягчения. Стратегия дискредитации охватывает четыре тактики, разделённые на имплицитную и процедурную критику. Стратегия самопрезентации объединяет четыре тактики, связанные с субъектной референцией и статусным урегулированием. Исследование демонстрирует, что митигация в британском парламентском дискурсе представляет собой не факультативный стилистический приём, а институционально закреплённый механизм, обеспечивающий баланс между агональностью, персуазивностью и соблюдением парламентского этикета. Особое внимание уделяется парадоксальным случаям, когда самопринижение или формальное извинение способствуют повышению доверия аудитории, а митигативные перформативы позволяют выдвигать серьёзные возражения, сохраняя конструктивную тональность диалога. Полученные результаты вносят вклад в теорию дискурса, политическую лингвистику и теорию межкультурной коммуникации, предлагая комплексный инструментарий для анализа коммуникативного смягчения в институциональных типах дискурса.

Ключевые слова: митигация; парламентский дискурс; когнитивно-дискурсивная модель; стратегии речевого поведения; митигативные тактики; британская лингвокультура

Для цитирования: Абузярова Д.Л. Речевое поведение британских парламентариев: стратегии и тактики коммуникативного смягчения. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 211–220. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.211-220> (In Eng.)

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.211-220>

SPEECH BEHAVIOUR OF BRITISH PARLIAMENTARIANS: STRATEGIES AND TACTICS OF COMMUNICATIVE MITIGATION

D.L. Abuzyarova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

cooly.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Abstract. The article investigates the communicative category of mitigation in British parliamentary discourse. A cognitive-discursive model of the mitigation situation is proposed, describing the softening process as a three-level mechanism: assessment of communication parameters (degree of agonality, status-role distance, and addressee structure), activation of mitigation prescriptions (anti-conflict, non-categoricalness, non-impositivity, glorification, and emotional restraint), and selection of strategies with their tactical and linguistic implementation through a system of lexical, syntactic, and pragmatic mitigators. Three key speech behaviour strategies are analyzed in detail – argumentation, discrediting, and self-presentation – each realized through a distinct set of tactics and linguistic means. The argumentation strategy includes eight tactics grouped into lexical, subjective-perspective, and syntactic categories. The discrediting strategy comprises four tactics divided into implicit and procedural criticism. The self-presentation strategy encompasses four tactics related to subjective reference and status regulation. The study demonstrates that mitigation in British parliamentary discourse represents an institutionally entrenched mechanism ensuring a balance between agonality, persuasiveness, and adherence to parliamentary etiquette, rather than a facultative stylistic device. Particular attention is paid to paradoxical cases where self-deprecation or formal apology enhances audience trust, and where mitigative performatives allow raising serious objections while maintaining constructive dialogue. The findings contribute to the theory of discourse, political linguistics, and intercultural communication, offering a comprehensive framework for analyzing communicative softening in institutional settings.

Keywords: mitigation; parliamentary discourse; cognitive-discursive model; speech behaviour strategies; mitigation tactics; British linguoculture

For citation: Abuzyarova D.L. Speech Behaviour of British Parliamentarians: Strategies and Tactics of Communicative Mitigation. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 211–220. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.211-220>

Parliamentary discourse, being a central genre of political communication, is characterized by agonality, ritual organization, and strict communicative norms. British parliamentary culture, which has evolved over centuries, places particular emphasis on the principle of politeness, creating a favorable institutional environment for the functioning of mitigation strategies. In contemporary linguistics, mitigation is understood as the use of linguistic means and methods aimed at reducing the illocutionary force of an utterance, minimizing communicative risks, and preserving the “face” of communicants [1, 2, 3, 4]. Despite a considerable number of studies, the systemic

organization and cognitive mechanisms of mitigation remain a subject of debate, and its specificity in parliamentary discourse has not received adequate attention.

For a systematic description of parliamentarians' speech behaviour, the study proposes a cognitive-discursive model of the mitigation situation. Within this approach, the process of communicative softening is viewed as a sequential progression through three cognitive levels. At the first level, the parameters of the communicative situation are assessed – the degree of agonality, status-role distance between communicants, and the structure of the addressee (opponent, parliamentarians as a verdictive instance, public opinion as a conclusive addressee). The result of this assessment is the activation of a corresponding set of mitigation prescriptions: anti-conflict, non-categoricalness, non-impositivity, glorification, or emotional restraint [3]. At the second level, depending on the communicative goal, one of three strategies is selected – argumentation, discrediting, or self-presentation. At the third level, a specific tactic is chosen and linguistically realized through a system of mitigators – lexical, grammatical, and syntactic means of softening [2, 5]. This model enables not only the systematization of observed patterns but also the prediction of the choice of mitigation means depending on the communicative context. Let us turn to a sequential analysis of each of the three identified strategies.

The first of the strategies under consideration – the strategy of mitigative argumentation – is oriented toward modifying the propositional content of the utterance and reducing the categoricalness of the assertion. In conditions of high persuasiveness and responsibility for the reliability of information, the parliamentarian seeks to present the thesis not as an indisputable fact, but as a subjective opinion, assumption, or probabilistic assessment. Within this strategy, eight tactics are identified, which can be grouped according to three criteria depending on which aspect of the utterance the softening effect targets.

First, it is necessary to examine lexical tactics of propositional softening, as they are the most frequent and diverse in composition. These include the tactic of softening presupposition, realized through modal adverbs *perhaps*, *maybe*, *possibly*. An

illustrative example is the speech of Lieut-Colonel Sir Arthur Heneage in the House of Commons (1930), where the speaker discusses the effect of the Gas Undertakings Order on unemployment: *Perhaps there is some plot behind it to connect this with the Coal Bill*. The adverb *perhaps* introduces a speculative assumption cautiously, creating an effect of hypotheticality and leaving room for alternative interpretations while implicitly criticizing the Government's motives.

Alongside the tactic of softening presupposition, the tactic of approximation is actively employed, realized through adverbs *approximately*, *roughly*, *nearly*. These means allow operating with imprecise data, relieving the speaker of responsibility for the absolute accuracy of the assertion. Mr. George Trevelyan's speech (1877) contains a characteristic example concerning military expenditure: *our Army consisted, speaking roughly, of 200,000 men in time of peace, while we had very nearly 400 generals*. The mitigators *roughly* and *nearly* signal to the audience that the subsequent figures are approximate, allowing the speaker to criticize the excessive number of generals without being held to exact statistical precision. In turn, the tactic of semantic limitation (*a bit*, *a little*, *somewhat*) reduces the intensity of a negative evaluation without changing its essence. In debates on the Disqualification Acts (2000), Reverend Dr. Ian Paisley states: *I think that there is a bit of confusion here*, using the diminutive *a bit* to soften criticism of the Minister's statement and to create space for clarification.

In addition to lexical means, tactics of managing subjective perspective play an important role in the implementation of the argumentation strategy. This group is represented by the tactic of indefinite reference, realized through collocations with *some* (*some people*, *some cases*, *some sort of*), as well as the tactic of responsibility sharing, where the pronoun *we* in mitigative performatives (*we do not wish*, *we are unable to support*) "blurs" the authorship of the utterance. In debates on the Dangerous Dogs Bill (1991), Mr. Michael Shersby states: *I am not sure that I command the agreement of the House in saying that we do not wish such a situation to develop here*. The pronoun *we* and the mitigative performative *do not wish* allow the speaker

to express a position that might be controversial while presenting it as a shared concern rather than a personal opinion.

Furthermore, the argumentation strategy includes syntactic tactics of softening, among which the tactic of directive softening (modal verbs *could*, *would*, *may*, *might*, passive constructions) and the tactic of disagreement softening (conditional constructions combined with speech acts of gratitude) stand out. In the House of Commons debates on the London Underground Victoria Bill (1990), Mr. Peter Snape uses the construction: *I should be grateful if he would use his habitual contacts with London Underground management to see whether anything can be done about the problem*. The conditional construction transforms a request for action into a polite expression of gratitude, minimizing the communicative pressure on the addressee. In debates on Greenwich Hospital (1957), Mr. Michael Maitland Stewart addresses the executive branch with a query: *Could we possibly be told if there are any local education authorities which have proved unwilling to pay fees for any boys for whom they are responsible who are going to this school?* The modal verb *could*, the adverb *possibly*, and the passive construction *be told* create an effect of maximum delicacy, allowing the speaker to pose a potentially critical question while formally remaining within the bounds of a polite inquiry. Thus, the argumentation strategy demonstrates a wide range of mitigation means, the choice of which is determined by specific parameters of the communicative situation.

Turning to the analysis of the second strategy, it should be noted that the strategy of mitigative discrediting is aimed at regulating the evaluative modus of the utterance, primarily in situations of expressing criticism, disagreement, or negative reaction to the actions of political opponents. In parliamentary practice, where direct confrontation acts as an institutionally conditioned element of communication, this strategy allows criticism to be carried out without violating norms of politeness. Within the strategy, four tactics are identified, which can be grouped into two categories depending on the mode of presenting the critical assessment.

The first group consists of tactics of implicit criticism, including the tactic of implicit evaluation presentation, realized through rhetorical questions, including those with negation (*is that not due to, is it not a fact*) and the interrogative word Why, as well as the tactic of litotic softening (*it is not very nice*). In debates on housing policy (1980), Mr. Clive Soley uses a rhetorical question: *Is that not due to his policy and the moratorium?* The question *Is that not due to* masks the accusation as an invitation to explain, leaving the addressee the opportunity to offer an alternative interpretation while implicitly holding the Government responsible for the housing crisis.

The litotic construction *it is not very nice* in debates on Cyprus (1959) allows acknowledging a problematic situation in a softened form: *it is not very nice for some of our finest troops to be engaged on police duties*. The speaker does not deny the negative nature of the situation but diminishes its intensity, allowing criticism of the military deployment while maintaining respect for the troops and avoiding direct confrontation with the Government.

The second group within the discrediting strategy consists of tactics of procedural criticism, including the tactic of indirect indication of error (softened request to the Speaker – *perhaps you could*) and the tactic of disagreement softening (mitigative performatives with modal verbs *might, could, conditional constructions*). In the Debate on the Address (1950), Mr. Boothby contains an address to the Speaker: *perhaps you could indicate whether there is any such possibility*. The mitigator *perhaps you could* allows expressing concern about the fishing industry crisis while formally remaining within the framework of a procedural request to the Speaker. Lord Drumalbyn (1971) uses an expanded system of softening: *perhaps I may suggest to the House that the two sides should be invited to go through it*. The mitigative performative *I may suggest* and the adverb *perhaps* create an effect of maximum politeness when expressing a recommendation to the House.

Finally, the third of the identified strategies – the strategy of mitigative self-presentation – is oriented toward managing subjective perspective and distributing

responsibility for the content of the utterance. In parliamentary discourse, characterized by a high degree of social responsibility, the communicant's ability to adjust the degree of expression of the subjective component acquires significant importance. Within the strategy, four tactics are identified, which can also be grouped into two categories depending on the direction of the mitigative impact.

Tactics of subjective reference include the tactic of subjectivity expression, realized through mitigative performatives (*perhaps I may suggest, I should like to, I would suggest*) and the statement of incompetence (*I am in no way an expert*), as well as the tactic of indirect indication of error, where accusation is masked as an apology or polite request (*Could I ask, May I beg, I apologise, I must confess*). In debates on the Ecclesiastical Titles Assumption Bill (1851), Mr. Roundell Palmer uses the construction: *I would suggest that it is a difficulty which lies at the root, not of the question before us, but of the whole previous question*. The performative *I would suggest* creates an effect of polite advice rather than a categorical assertion. The mitigative performative *I apologise* in Sir Matthew Ridley's speech (1898) is used to soften criticism: *I apologise for raising the ire of the honourable Gentleman by describing what had occurred as trades union outrages*. A formal apology masks the potential offense, allowing the speaker to maintain a constructive tone while acknowledging the contentious nature of the description. The statement of incompetence in the House of Lords debates on Marine Science and Technology (1969): *I would, with some diffidence and as in no way an expert in such matters, venture to suggest* – paradoxically increases audience trust, lowering expectations and creating an image of a modest orator.

The second group within the self-presentation strategy consists of tactics of status regulation, including the tactic of glorification, aimed at raising the status of the addressee through speech acts of gratitude (*I thank*), expressive syntactic constructions (*what a pleasure*), predicatives of self-deprecation (*I am relatively new*), introductory constructions (*with permission*), as well as the tactic of subjective refocusing, realized through passive constructions (*a mistake was made, it has been decided*) and

conditional caveats (*if I am not misinformed*). In debates on the Isles of Scilly (1953), Mr. R.A. Butler uses the construction: *I should like to say what a pleasure it was for me to meet the deputation from the Isles*. The exclamatory construction emphasizes a positive attitude and creates a favorable communicative environment, demonstrating respect for the islanders and their concerns. The self-deprecation predicative in Mr. Ian Pearson's speech (1996): *I confess that I am relatively new to the concept of landfill taxes* allows lowering audience expectations before making critical remarks, positioning the speaker as humble and open to correction.

In the study by P.A. Akhmetzyanova devoted to the comparative analysis of propositional mitigation in German and British political discourse, it is noted that in British parliamentary discourse the strategy of assertive mitigation is realized through ten tactics, among which the most frequent is the tactic of expressing the subjectivity of the utterance (17%), realized through the means of the modus of supposition. An interesting feature of British linguoculture is also the manifestation of the self-deprecation tactic, constituting 9% of the total number of cases, which reflects the high value of the cultural script of self-deprecation in English communicative culture, where it is perceived as a way of creating a friendly atmosphere and reducing tension in communication [6]. These observations are consistent with the results of the present study, in which self-deprecation and subjectivity expression tactics also occupy a significant place in the repertoire of mitigation means used by British parliamentarians.

The conducted research allows asserting that mitigation in British parliamentary discourse represents a systemically organized, cognitively conditioned mechanism, rather than a heterogeneous set of disparate devices. The proposed cognitive-discursive model, describing the softening process as a three-level transition from situation assessment through activation of prescriptions to strategy selection and tactical-linguistic realization, enables systematization of observed patterns of speech behaviour. The argumentation strategy is realized through lexical, subjective-perspective, and syntactic tactics, with non-categoricalness, anti-conflict, and non-

impositivity as dominant prescriptions. The discrediting strategy, realized through tactics of implicit and procedural criticism, serves institutionally acceptable forms of expressing disagreement, activating prescriptions of anti-conflict and emotional restraint. The self-presentation strategy, realized through tactics of subjective reference and status regulation, serves to create the image of a modest, competent, and institutionally loyal politician, activating prescriptions of glorification, non-categoricalness, and anti-conflict. In some cases, mitigation tactics function paradoxically: the statement of one's own incompetence or a formal apology contribute to increasing audience trust, while mitigative performatives allow raising serious objections while maintaining the constructive tone of dialogue. Mitigation in British parliamentary discourse acts not as a facultative stylistic device, but as a pragmatically conditioned mechanism ensuring a balance between persuasiveness, cooperativeness, and status-role constraints.

References

1. Sheygal E.I. Semiotics of Political Discourse. Volgograd: *Peremena*; 2000. (In Russ.)
2. Fraser B. Conversational mitigation. *Journal of Pragmatics*. 1980;4:341–350.
3. Caffi C. Mitigation. *Elsevier*; 2007.
4. akhtarova S.S. The Category of Communicative Mitigation (Cognitive-Discursive and Ethnocultural Aspects). Volgograd; 2009. (In Russ.)
5. Prince E.F., Frader J., Bosk C. On hedging in physician-physician discourse. In: *Linguistics and the Professions*. Norwood: Albex; 1982. pp. 83–97.
6. Akhmetzyanova P.A. Propositional mitigation in German and British political discourse: strategy of assertive mitigation. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(3):387–397. (In Russ.)

Автор публикации

Абузярова Дарья Леонидовна –
Старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: cooly.93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.04.2026
Одобрена после рецензирования: 15.05.2026
Принята к публикации: 27.05.2026
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Abuzyarova Darya Leonidovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: cooly.93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.04.2026
Approved after peer reviewing: 15.05.2026
Accepted for publication: 27.05.2026
The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`366.544

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.221-231>

**ОСОБЕННОСТИ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В РУССКОМ И
ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ**

А.Р. Айметдинов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

aymetdinov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9500-1121>

Аннотация. В данной статье были рассмотрены особенности винительного падежа в русском и японском языках. Материалом исследования послужили примеры, взятые из корпусов русского и японского языков. Для русского языка было обнаружено большое разнообразие предлогов, с которыми винительный падеж может использоваться, и значений, которые винительный падеж может передавать. Для японского языка был обнаружен более узкий круг конструкций, в которых винительный падеж может использоваться, частиц, которыми он может выражаться, и более узкий круг значений. Единственное значение, которое винительный падеж может передавать в обоих языках полностью – это значение темы. Семантика мест, через которые и из которых осуществляется движение и примеры со значением «несмотря на» также могут выражаться винительным падежом в обоих языках, но с ограничениями либо в русском, либо в японском языке. Примеры со значением причины чувства и инструмента действия могут передаваться винительным падежом только в японском языке. Семантика же становления, предела и истечения срока – только в русском языке. В дальнейшем это исследование планируется продолжить за счет рассмотрения других падежей и привлечения языков с другими структурами.

Ключевые слова: русский язык; японский язык; винительный падеж; приставка; частица

Для цитирования: Айметдинов А.Р. Особенности винительного падежа в русском и японском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 221–231. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.221-231>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.221-231>

**THE CHARACTERISTICS OF THE ACCUSATIVE CASE IN THE RUSSIAN
AND JAPANESE LANGUAGES**

A.R. Aymetdinov

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
aymetdinov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9500-1121>

Abstract. In this article, we have studied the characteristics of the accusative case in the Russian and Japanese languages. The material for this study consisted of example sentences taken from Russian and Japanese corpora. In the Russian language, we have discovered a great variety of prepositions, that the accusative case could be used with, as well as a great variety of the meanings

the accusative case could convey. In the Japanese language, we have found a smaller variety of grammatical structures that included the accusative case, of particles with which the accusative case could be indicated and a smaller variety of meanings. The only meaning that could be conveyed in both languages completely was that of a topic. The semantics of the place to be traversed, the place one leaves, and the examples of sentences with “despite” could also be conveyed using the accusative case in both languages, albeit in a limited number of cases for either of the languages. The semantics of the source of an emotion and the instrument of an action could be conveyed using the accusative case only in the Japanese language. The semantics of limit, elapsed time, and of becoming something could be conveyed with the accusative case only in the Russian language. This study can be furthered by including other cases or languages with other morphosyntactic structures.

Keywords: Russian language; Japanese language; accusative case; preposition; particle

For citation: Aymetdinov A.R. The characteristics of the accusative case in the Russian and Japanese languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 221–231. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.221-231> (In Russ)

В данной работе представлено сопоставление особенностей винительного падежа существительных в русском и японском языках. Хотя эти два языка имеют разную морфосинтаксическую структуру (русский язык – флективный, а японский – агглютинативный), они оба являются номинативно-аккузативными. Как можно увидеть из самого названия, в таких языках винительный падеж является одним из самых важных. Так, например, при изучении русского языка именно винительный падеж рекомендуется изучать вслед за именительным [1, с. 15]. Также интерес представляет то, каким образом различия в морфосинтаксической структуре и сходства в стратегии кодирования глагольных актантов влияют на особенности винительного падежа. На наш взгляд, эти два фактора и обуславливают актуальность данной работы.

В рамках данной работы представлено сопоставление особенностей образования и употребления винительного падежа в изучаемых языках. Материалом для исследования послужили примеры употребления винительного падежа, взятые из корпусов русского (НКРЯ – Национальный корпус русского языка) [2] и японского (BCCWJ – Balanced corpus of contemporary written Japanese) [3] языков. Примеры на японском языке были глоссированы с использованием Лейпцигской системы правил глоссирования. Для японского языка была использована латинизация Хепбёрна.

В русском языке винительный падеж образуется с помощью соответствующего окончания. Эти окончания зависят от склонения, рода (для существительных 2 склонения), числа и одушевленности предмета (Таблица 1).

Таблица 1. Основные формы винительного падежа в русском языке

		1 склонение	2 склонение		3 склонение
одуш. пр.	ед. ч.	маму	коня	животное	лань
	мн. ч.	мам	коней	животных	ланей
неодуш. пр.	ед. ч.	школу	стол	поле	брошь
	мн. ч.	школы	столы	поля	броши

Стоит отметить, что есть узкий круг конструкций, в которых одушевленные предметы множественного числа по форме совпадают не с родительным падежом, а с именительным (Примеры 1 и 2).

(1) А ты, кстати, собираешься серьезно *уйти в профессионалы*? [НКРЯ]

(2) Позже *в монахи постригся*, облачился в рясу, камилавку да в отшельники и подался. [НКРЯ]

Так, нельзя сказать «уйти в профессионалов» или «*постричься в монахов*», несмотря на то что «*профессионалов*» и «*монахов*» – это формы винительного падежа для этих существительных во всех остальных случаях (Примеры 3 и 4).

(3) Он был повар по призванию. В этой профессии любители превосходят *профессионалов*. [НКРЯ]

(4) Он не уставал бранить монашество и *монахов*, но, в сущности, смотрел дальше них... [НКРЯ]

В дополнение к окончаниям винительный падеж в русском языке также может требовать предлоги. Так, в работе Ширшиковой А.А. рассматривается употребление винительного падежа с предлогом «в» [4, с. 412–416], а в работе Лёнгрен Л. – с предлогом «о» [5]. Из Национального корпуса русского языка можно также привести примеры употребления винительного падежа с предлогами «на» (5), «за» (6), «под» (7), «через» (8), «про» (9), «сквозь» (10), «по» (11), «включая» (12) и «спустя» (13).

(5) Учебники в стороне, горкой, точно так же, как и тогда, когда он их швырял *на стол*, а на мониторе снова битва. [НКРЯ]

(6) Одни из них бегут за мной и не могут догнать; другие убегают от меня за горизонт, и я не могу их догнать. [НКРЯ]

(7) Не нога, а плетка. Спрячь *под воду*, пока не остыла. [НКРЯ]

(8) С консервированной фасоли и кукурузы слить жидкость. Чеснок пропустить *через пресс*. [НКРЯ]

(9) Он *про ТК* говорил, а не *про людей*. [НКРЯ]

(10) Идете и идете *сквозь эту грязь*... [НКРЯ]

(11) В период с сентября 2002 г. *по март* 2004 г. в данный проект включились девять районов Нижегородской области. [НКРЯ]

(12) Также обсудили возможную программу его работы, *включая формы* дальнейшего сотрудничества. [НКРЯ]

(13) В этот момент вся площадь замирает, а *спустя мгновение* раздаются аплодисменты... [НКРЯ]

Помимо основного значения винительного падежа, прямого дополнения, (Примеры 3 и 4) в рассмотренных примерах можно обнаружить и другую семантику. Так, в примерах 1 и 2 прослеживается семантика становления. В примерах 5, 6, 7, 8 и 10 отчетливо прослеживается семантика направления движения. В примере 9 винительный падеж используется для обозначения темы, в примере 11 – для обозначения предела, в примере 12 – для включения предмета в некоторое множество, а в примере 13 – для обозначения истечения промежутка времени.

В японском языке винительный падеж образуется с помощью частицы «*wo*», стоящей после определяемого существительного [6, с. 299]. Впрочем, эта частица может быть опущена (Пример 14) [7, с. 1213], роль существительного при этом будет определяться контекстом. Это один из показателей того, что в японском языке контекст крайне важен для грамматики [8, с. 21].

(14) chinamini ima, pantsuichimai=de *kakigoori* tabe-nagara suzun-de i-masu.

[BCCWJ]

кстати сейчас, одно.лишь.нижнее.белье=INSTR *строганный.лед*.ACC ку-
 шать-SIMUL охлаждаться-GER быть-NPAST.

Кстати, я сейчас в одном нижнем белье охлаждаюсь, кушая *строганный лед*.

Еще один способ обозначения прямого дополнения в японском языке – это частица «*ga*» с некоторыми прилагательными [9]. Хотя эта частица служит для обозначения именительного падежа, примеры использования ее с такими прилагательными как «*suki*» – ‘*нравящийся*’ (15) и «*hoshii*» – ‘*желаемый*’ (16) можно интерпретировать только через призму винительного падежа.

(15) okusan=ha hontouni *toukyousanpo*=ga suki=datta=n=desu=ka. [BCCWJ]

ваша.жена=TOP действительно *прогулки.по.Токио*=NOM
 нравящийся=PAST=CONF=POL=QUEST.

Ваша жена действительно любила *прогулки по Токио*, не так ли?

(16) itton=gurai=no *sekisairyou*=ga hoshii=desu. [BCCWJ]

одна.тонна=примерно=POSS *грузоподъемность*=NOM желаемый=POL.

Хочу *грузоподъемность* примерно в одну тонну.

Способы применения частицы «*wo*» в японском языке включают не только обозначение прямого дополнения. Так, в работе Ёды Ю. рассматриваются случаи использования этой частицы с такими глаголами как «*aruku*» – ‘*шагать*’, «*hashiru*» – ‘*бежать*’ и «*deru*» – ‘*выходить*’ [10]. Так, например, с глаголом «шагать» частица «*wo*» будет обозначать место, через которое осуществляется движение (пример 17), а с глаголом «*deru*» – место, из которого осуществляется движение (пример 18).

(17) tokai=no *michi*=wo arui-te i-ru=to, michi=no *migigawa*=wo aruk-u hito

hidarigawa=wo aruk-u hito samazama=da. [BCCWJ]

город=POSS улица=ACC шагать-GER быть-NPAST=SUC, улица =POSS
правая.сторона=ACC шагать-ATTR человек левая.сторона=ACC шагать-ATTR
человек разный=NPAST.

Когда хожу *по улицам* города, встречаются разные люди, идущие *по пра-
вой* и *по левой стороне* улицы.

(18) kigae-te, manshon=wo de-ru. [BCCWJ]

переодеться-GER, многоквартирный.дом=ACC выходить-NPAST.

Переодевшись, выхожу из дома.

Также эта частица может обозначать причину какого-либо чувства (при-
мер 19), и тему в составе конструкции сущ. + «*no koto wo*» (пример 20).

(19) daga hontou=no seikousha=ha kekka=yorimo katei=wo tanoshi-mu.
[BCCWJ]

но истина=POSS успешный.человек=TOP результат=нежели
процесс=ACC радоваться-NPAST.

Но истинные успешные люди *от процесса* получают большее удоволь-
ствие, чем от результата.

(20) ima=demo sono jiki=no koto=wo hana-su=toki, kimochi=no takamari=wo
osae-rare-masen. [BCCWJ]

сейчас=даже *тот период*=POSS *вопрос*=ACC говорить-NPAST=когда
чувства=POSS повышение=ACC подавлять-POT-NPAST.NEG.POL.

Даже сейчас, когда говорю *о том периоде*, не могу не расчувствоваться.

Еще одна конструкция, в которой используется частица «*wo*», это сущ. +
«*tokoro wo*». Данная конструкция используется в значении «несмотря на»
(Пример 21).

(21) doumo, o=yasumi=juu=no tokoro=wo totsuzen o=sawaga-se-mashi-te
moushiwakearimasen. [BCCWJ]

очень, HON=отдых=в.процессе=POSS место=ACC неожиданно
HON=шуметь-CAU-POL-GER извините.

Прошу прощения за то, что потревожил Вас *несмотря на то, что Вы от-дыхали*.

Также в японском языке есть конструкция сущ. + «*wo tooshite*», обозначающая инструмент действия (пример 22)

(22) *toshiko=ga shiriai=no hito=wo tooshi-te shoukaisa-re-ta=tokade...*
[BCCWJ]

Тосико=NOM *знакомый*=POSS человек=ACC *пройти*-GER познакомить-PASS-PAST=хотя...

Хотя Тосико была представлена *знакомыми*...

Итак, мы рассмотрели способы образования и семантику винительного падежа в русском и японском языке и обнаружили следующие особенности. С точки зрения образования русский язык обнаруживает большое разнообразие окончаний, обусловленное его флективным строем и наличием грамматических категорий рода, числа и одушевленности. Также мы обнаружили 11 предлогов, с которыми может использоваться винительный падеж, причем эти предлоги вместе с контекстом определяют семантику винительного падежа.

В японском языке образование винительного падежа ограничено двумя частицами («*wo*» и «*ga*»), которые можно опустить в разговорной речи. При этом одна из частиц («*ga*») может использоваться только с определенными глаголами и прилагательными. Также мы обнаружили 3 конструкции, в состав которых входит частица «*wo*», что заметно меньше количества предлогов, с которыми винительный падеж может использоваться в русском языке.

С точки зрения семантики, помимо значения прямого дополнения винительный падеж может использоваться в русском языке для обозначения направления движения, становления, темы, предела, включения в множество и истечения промежутка времени. Среди них в японском языке винительным падежом передается только тема (пример 20). Направление движения в японском может передаваться винительным падежом только для узкого круга глаголов, например, «*wataru*» («*пересекать*») (пример 23).

(23) makino: *hashi=wo too-ru=toki*, choudo asahi=*ga nobot-ta*. [BCCWJ]

Макино мост=*ACC* пересечь-*NPAST*=когда, как.раз
утреннее.солнце=*NOM* взойти-*PAST*.

Ровно когда Макино *пересек мост*, утреннее солнце взошло.

Семантика предела в японском оформляется с помощью предельного падежа (частица «*made*») [6, с. 300], семантика включения – буквально, с помощью глагола «*fukumeru*» («*включать*») (пример 24), семантика истечения промежутка времени – конструкцией сущ. + «*no ato*» (пример 25), а семантика становления – с помощью конструкции сущ. + «*ni naru*» (пример 26).

(24) tennai=*ni=ha watashi=wo fukume-temo gonin=shika i-na-katta=desu*.

[BCCWJ]

внутри.магазина=*LOC* я=*ACC* включать-*GER.EMP* 5.человек=кроме
быть-*NEG-PAST*=*POL*.

В магазине *даже включая меня* было только 5 человек.

(25) sorekara *ichijikan=no ato*, kio=*ha gakuseiryō=no nakaniwa=ni i-ta*.

[BCCWJ]

после.этого один.час=*POSS* после, Кио=*TOP*
студенческое.общешитие=*POSS* двор=*LOC* быть-*PAST*.

После этого, *спустя час* Кио была во дворе студенческого общежития.

(26) watashi=*no baai*, yonjuusansai=*de sakka=ni nat-ta*. [BCCWJ]

я=*POSS* случай, 43.года=*LOC* писатель=*DAT* стать-*PAST*.

Что касается меня, я стал писателем в 43 года.

В японском языке семантика винительного падежа включает прямое дополнение, место, через которое осуществляется определенное движение, место, из которого осуществляется движение, причину чувства, тему, значение «несмотря на» и значение «посредством». Среди них, как уже упоминалось, в русском языке с помощью винительного падежа оформляются только значения темы (пример 9), движения через что-то (пример 10) и, в несколько иных контекстах, значение «несмотря на» (пример 27). Семантика места, из которого

осуществляется движение в русском языке может передаваться винительным падежом только для узкого круга глаголов, например, «покинуть» (пример 28). Причина чувства, как и любая другая причина, в русском языке передается предлогом «из-за» или «от» и существительным в родительном падеже (перевод примера 19), а значение «посредством» – творительным падежом (перевод примера 22)

(27) Фильм еще не видела, но обязательно в ближайшие дни схожу, *не смотря на отзывы* — хочу сама заценить. [НКРЯ]

(28) С этим наставлением, которое спасло бы множество жизней в голодные годы, будь оно услышано, Дюма *покинул Россию*. [НКРЯ]

Итак, рассмотрев особенности винительного падежа существительного в русском и японском языке, мы обнаружили большое разнообразие в семантике винительного падежа в русском языке и меньшее – в японском. При этом мы обнаружили, что в обоих языках возможна передача семантики темы. Семантика мест, через которые и из которых осуществляется движение и примеры со значением «несмотря на» также могут выражаться винительным падежом в обоих языках, но здесь наблюдается меньшее совпадение контекстов, для которых это возможно. Другие же семантики не могут передаваться винительным падежом в том или ином языке. В дальнейшем это исследование можно продолжить за счет рассмотрения других падежей и за счет привлечения языков с другими структурами.

Список литературы

1. Мухаммад Л. П. Описание русских падежей в аспекте современной лингводидактики (начальный этап обучения). *Русистика*. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-russkih-padezhey-v-aspekte-sovremennoy-lingvodidaktiki-nachalnyy-etap-obucheniya> [дата обращения: 01.10.2025].
2. Национальный корпус русского языка. 2003–2024. URL: ruscorpora.ru [дата обращения: 01.10.2025].
3. Maekawa K., Yamazaki M., Ogiso T. et al. Balanced corpus of contemporary written Japanese. *Language Resources and Evaluation* 2014;48(2):345–371. <https://doi.org/10.1007/s10579-013-9261-0>.
4. Ширишкова А. А. Внутренняя функционально-грамматическая омонимия предлога В1, оформляющего винительный падеж, и предлога В2, оформляющего предложный падеж, в русском общезыковом дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018; 11-2(89):409–416. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.39>.

5. Лённгрен Л. Русский предлог о с винительным падежом: валентностный анализ. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 2020. №3. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.39>.
6. Нечаева Л.Т. Особенности перевода двойных падежей в японском языке. *Преподаватель XXI век.* 2021;2(2):298–302. DOI: 10.31862/2073-96132021-2-298-302.
7. Sugimura M., Miyamoto Y., Morita C. Case Particle Omission in Nominative-Accusative Dependency in Japanese. *Proceedings of the 38th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation.* 2024; 1213–1223. URL: <https://aclanthology.org/2024.paclic-1.117.pdf> [дата обращения: 04.10.2025].
8. Прокофьев М.И. Преимущества японского исторического романа как средства формирования лингвокультурологической компетенции. *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(1): 19–28. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.19-28>.
9. Прякина Л. В. Двойственная природа некоторых объектных значений в японском языке. *Известия Восточного института.* 1999. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoystvennaya-priroda-nekotoryh-obektnyh-znacheniy-v-yaponskom-yazyke> [дата обращения: 06.10.2025]
10. Yoda Y. Removing Accusative Marked Object from Verbal Root: A Case of Motion Verb in Japanese. 2020. URL: <https://web.stanford.edu/group/cslicpublications/cslicpublications/ja-ko-contents/JK28/poster23.pdf> [дата обращения: 06.10.2025].

References

1. Mukhammad L.P. Russian cases in aspect of modern linguodidactics (the initial stage of study). *Russistika.* 2014 №3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-russkih-padezhey-v-aspekte-sovremennoy-lingvodidaktiki-nachalnyy-etap-obucheniya> [accessed: 01.10.2025]. (In Russ.)
2. The Russian National Corpus. 2003–2024. Available from: ruscorpora.ru [accessed: 01.10.2025] (in Russ.)
3. Maekawa K., Yamazaki M., Ogiso T. et al. Balanced corpus of contemporary written Japanese. *Language Resources and Evaluation.* 2014;48(2):345–371. <https://doi.org/10.1007/s10579-013-9261-0>.
4. Shirshikova A. A. Internal functional-grammatical homonymy of the preposition “B1” governing the accusative case and the preposition “B2” governing the prepositional case in the Russian national discourse *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2018;11-2(89) :409–416. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.39> (In Russ.)
5. Lönngren L. The Russian preposition “o” with the accusative case: a valency analysis. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2020. №3. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.39> (In Russ.)
6. Nechaeva L.T. The Nuances of Double Cases Translation from Japanese. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education.* 2021;2(2):298–302. DOI: 10.31862/20739613-2021-2-298-302 (In Russ.)
7. Sugimura M., Miyamoto Y., Morita C. Case Particle Omission in Nominative-Accusative Dependency in Japanese. *Proceedings of the 38th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation.* 2024; 1213–1223. Available from: <https://aclanthology.org/2024.paclic-1.117.pdf> [accessed: 04.10.2025]
8. Prokofiev M.I. Advantages of the Japanese Historical Novel as a Means of Forming Linguocultural Competence. *Kazan Linguistic Journal.* 2024;7(1): 19–28. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.19-28> (In Russ.)
9. Lyudmila V. Pryakhina Dual Nature of Some Objective Meanings in Japanese *Izvestiya Vostochnogo instituta.* 1999. №4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoystvennaya-priroda-nekotoryh-obektnyh-znacheniy-v-yaponskom-yazyke> [accessed: 06.10.2025)].
10. Yoda Y. Removing Accusative Marked Object from Verbal Root: A Case of Motion Verb in Japanese. Available from: <https://web.stanford.edu/group/cslicpublications/cslicpublications/ja-ko-contents/JK28/poster23.pdf> [accessed: 06.10.2025].

Автор публикации

Айметдинов Альберт Радикович –
преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный

Author of the publication

Aymetdinov Albert Radikovich –
Instructor
Kazan (Volga region) Federal University

университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: aymetdinov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-9500-1121>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09.11.2025

Одобрена после рецензирования: 15.12.2025

Принята к публикации: 27.01.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: aymetdinov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-9500-1121>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Article info

Submitted: 09.11.2025

Approved after peer reviewing: 15.12.2025

Accepted for publication: 27.01.2026

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'23 + 81'27

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.232-241>

**МИМЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МОДИФИКАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНО-ВАЛЁРНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРАТАГЕМНО-ТАКТИЧЕСКОГО
ВАРЬИРОВАНИЯ**

Ю.И. Бредихина¹, Э.В. Пиванова²

¹*Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия
bredichinajulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>*

²*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
elina888@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7591-6482>*

Аннотация. В настоящей статье авторы рассматривают принцип теории коммуникативного мимесиса в рамках институционального дискурса социальной работы. Целью настоящего исследования является определение роли миметических механизмов коммуникативного подражания в повышении функционально-прагматического потенциала стратегемно-тактических альтернатив в коммуникативном пространстве дискурса социальной работы. Научная новизна результатов исследования заключается в интерпретации мимесиса как ядерного пространства инструментализации когнитивного базиса субъекта коммуникации, создания псевдоидентификационного пространства. В рамках герменевтико-ноэматического и дискурсивно-модусного анализа полилогических форм некооперативной интеракции миметический процесс при достижении двусторонней симметричной модели коммуникации разделяется на интенциональный, построенный на феноменологической рефлексии, или неинтенциональный ноэматический, создаваемый интуитивно на основе аффективно-эмотивного подражания. Кроме того, миметические практики, имея амфиболическую природу, выступают в качестве дискурсивного маркера различных коммуникативных тактик, используемых для достижения поставленной цели по трансформации концептуально-валёрного пространства контркоммуниканта. Коммуникативный миместис в качестве интенционального или неосознанного механизма противонаправленного деструктивного паттерна рассматривается как ёрничество, формирующее коммуникативные барьеры, приводящие к недопониманию и полному прекращению интеракции. С другой стороны, миметические приемы как конструктивные имитативные схемы являются действенным механизмом гармонизации. Перспективным является применение комплексного анализа имитативных некооперативных коммуникативных практик в аспекте создания конфликтных или синтонных форм общения.

Ключевые слова: мимесис; личностная идентификация; концептуально-валёрное пространство; дискурс социальной работы; стратегемно-тактическое варьирование

Для цитирования: Бредихина Ю.И., Пиванова Э.В. Миметические механизмы модификации концептуально-валёрного пространства в условиях институционального стратегемно-тактического варьирования. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 232–241. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.232-241>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.232-241>

MIMETIC MECHANISMS FOR MODIFYING CONCEPTUAL-EVALUATIVE SPACE IN INSTITUTIONAL STRATEGY AND TACTICS VARIATION

Yu.I. Bredikhina¹, E.V. Pivanova²

¹Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

bredichinajulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

²North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

elina888@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7591-6482>

Abstract. This article examines the principle of communicative mimesis theory within the institutional discourse of social work. The study aims to determine the role of mimetic mechanisms of communicative imitation in enhancing the functional and pragmatic potential of strategy and tactic alternatives in the communicative space of social work discourse. The scientific novelty of the results lies in the interpretation of mimesis as a core space for the instrumentalization of the communicant's cognitive base, creating a pseudo-identification space. Within the framework of hermeneutic-noematic and discursive-modus analysis of polilogical non-cooperative forms of interaction, the mimetic process is divided into intentional, based on phenomenological reflection, and non-intentional noematic, created intuitively based on affective-emotive imitation, when a two-way symmetrical communication model is achieved. Furthermore, mimetic practices, being amphibolic in nature, act as a discursive marker for various communicative tactics used to achieve the stated goal of transforming the conceptual-evaluative space of the counter-communicant. Communicative mimesis, as an intentional or unconscious mechanism of a counter-directional destructive pattern, is viewed as mockery, creating communicative barriers that lead to misunderstanding and complete cessation of interaction. At the same time mimetic techniques, as constructive imitative patterns, are an effective mechanism for harmonization. A comprehensive analysis of imitative non-cooperative communicative practices in terms of creating conflictual or syntonic forms of communication is prospective.

Keywords: mimesis; personal identification; conceptual-evaluative space; social work discourse; strategy-tactics variation

For citation: Bredikhina Yu.I., Pivanova E.V. Mimetic Mechanisms for Modifying Conceptual-Evaluative Space in Institutional Strategy and Tactics Variation. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 232–241. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.232-241> (In Russ)

Когниоречевое взаимодействие, ориентированное на ликвидацию потребностных лакун в условиях формирования целеориентационного пространства, как многофункциональный процесс, имеющий прогнозируемый результат, присутствует только в человеческой группе.

По мере эволюции сообществ происходит развитие коммуникации для эффективной социализации и формирования личности, единой социально-дискурсивной реальности. Коммуникация – это антропо- и социо-центрическое

взаимодействие, направленное на развитие способности социальной интеграции, в ходе которой формируются как новые области информационного континума, так и их деятельностного опредмечивания. В. М. Бехтерев указывал, что эти процессы модифицируют субъективное содержание адресата, так как производимые продуцентом действия оставляют «след» в психической сфере, и претворяются в непосредственном подражании [1, с. 234-235]. О том, что человеку свойственно уподобление писал и И. П. Павлов, которое за счет постоянных повторений формирует у человека системность [2].

Настоящее исследование фокусируется на анализе когниокоммуникативных механизмов стратагемно-тактического варьирования. Системо- и антропоцентрические элементы имплементируются на основе интеракционной теории, трактующей миметические проявления как способ формирования, поддержания и прогнозирования результатов интеракции, способствующие снятию коммуникативных барьеров. В качестве эмпирического материала анализа послужил корпус материалов устных обращений граждан и реакций на них агентов социальных институтов. Данная методология позволяет выявить многослойность миметического некооперативного взаимодействия и определить его значимость в реактивном пространстве. Определение функционально-прагматической нагрузки позволяет измерить модификационный потенциал и значимость для «перитекстового» формирования социальной реальности.

Понятие «мимесис» имеет разные интерпретации: подражание, мимикрия, диссимуляция, удвоение, театральность, реализм, идентификация, соответствие, изображение, правдоподобие, сходство [3].

Мимесис долго интерпретировался философами, как нечто, тождественное идеальной природе, выраженное в искусстве. Только в XIX в. появились новые коммуникативные интерпретации его как имитации, формирующей некооперативное дискурсивное пространство.

Так, социолог Г. де Тард, писал, что «человек склонен к подражанию» социальных действиях, в которых «главным законом подражания является его

стремление к бесконечному распространению». Вместе с тем он отмечал, что подражание является не врожденным, а приобретенным человеческим фактором, «освобожденным от биологической формы-наследственности» [4, с. 68, 347]. Итальянские ученые обнаружили зеркальные нейроны, обеспечивающие репликацию социальной перцепции, что придает мимесису не только социально-ритуальный, но и филогенетический статус [5, с. 109].

В своих работах Г. Тард подчеркнул силу межличностного коммуникативного подражания, как «уравнивающего и цивилизующего начала», могущественным агентом которых является разговор [6, с. 129].

Между тем несмотря общие социальные репрезентации, каждый человек, благодаря персональной «системе контроля», управляющей «процессом поиска в памяти» и «активацией имеющихся знаний» индивидуально интерпретирует ситуации, явления, действия, речь [7, с. 145-146].

Необходимо отметить, что в процессе взаимодействия, коммуникативно-деятельностные образцы призматизируются в установках контркоммуникантов и фиксируются в их концептуально-валёрном пространстве. «Обусловленность ценностных и целевых доминант социокультурной памятью в эпизодическом подтверждении значимости не вызывает сомнений» [8, с. 121-122].

Институциональный дискурс является сложноорганизованной системой коммуникативного взаимодействия между разностатусными представителями определенного института. Его конвенционализированные единицы транслируют доминантные цели каждой из сторон дуальной интеракции и «третичного агента», «способствующего сопоставлению действий участников общения с инскрипциями социального института и ситуативной адаптации коммуникативного действия к общепринятым модельным образцам» [9, с. 49]. Коммуникативное пространство является открытой саморегулирующейся средой с элементами перевыражения, речевые образцы изменяются в соответствии с индивидуальным когнитивным стилем, сформированным не только личным опытом, но и наблюдением за социально значимыми последствиями действий (викарное

научение), происходит трансляция убеждений в рамках нормирования институциональными компонентами.

Анализируя интенциональную, построенную на феноменологической рефлексии, или неинтенциональную ноэматическую миметизацию в рамках исходно развернутой некооперативной модели дискурса социальной работы можно констатировать его дуализм: с одной стороны, это компонент речевой техники, внедряемый в речевую тактику, гармонирующий общение, с другой, элемент словесного ёрничества, формирующий коммуникативные барьеры, приводящие к недопониманию и полному прекращению интеракции.

Клиент ещё до вступления во взаимодействие со специалистом убежден, что заранее детерминировал «рабочие» алгоритмы будущей интеракции, сформировал концепцию будущности на основе прогностических метасхем [10]. Представители класса клиентов выбирают тактику отзеркаливания, вербального, поведенческого, эмоционального мимесиса, как сближающую практику, направленную на установление межличностной связи и формирование коллективной интенциональности. В этом случае можно интерпретировать мимесис как особую стратегию митигации, направленной на смягчение возможных негативных последствий высказывания [11, с. 560]:

– Здравствуйте! / – Здравствуйте! / – Ваш вопрос? / – Наш вопрос по поводу компенсации. / – Данная компенсация назначается отдельной категории граждан, имеющих документ на льготу... / – Документ на льготу. / – Представьте, пожалуйста, Ваши документы. / – Наши документы [12].

Клиент уверен, что избранный прием, подчеркивающий схожесть когнитивного и институционального актива при наличии единого пространства целей и «убаюкивающий» бдительность агента, вызовет эмпатию оппонента и поможет реализовать прогнозируемую перлокуцию. Тактика редупликации как эхопатернификация является выбором клиента в «конфликтогенных ситуациях, направленный на сохранение лица, как своего, так и адресата, и обеспечения эффективности коммуникативного контакта» [13, с. 402]. Коммуникативная си-

туация может отклоняться от ожиданий адресанта, ведь конструктив речевых партнеров персонифицирован, что создает точки бифуркации векторов коммуникации и изменения моделей взаимодействия и сотрудничества:

– ...программа откроется! **Валентина Ивановна**, у Вас программа работает? / – Да, **Валентина Ивановна**, что там с программой? / – Почему Вы за мной повторяете? Я разговариваю не с Вами, а с коллегой! [12].

В бифуркационных точках риторика участников общения наполняется ироничными и эмоциональными элементами (тактика анализ-минус в стратегии негативного мимесиса), что нивелирует закреплённость коммуникативных социально-ритуальных действий и ведет к «размыванию институциональности <...>, распространению гибридных интердискурсивных образований и слияние личностного и институционального общения» [14, с. 14]:

– А Вам выплата уже **произведена!** / – Как **произведена?** / – **Посмотрите историю движения денежных средств! Вы там все увидите!** / – **Все увидите!** (гримасничает, смеется, передразнивает агента) **Конечно, мы все увидим!** Это и все, что вы тут вообще можете сказать! [12].

Фиглярство дополняет взаимодействие обертонами и модифицирует институциональные компоненты. Интеграция в коммуникативное пространство негативного мимесиса формирует агрессивную реакцию. Осознав фрустрацию и полный «провал» исходных интенций, клиент имитирует единицы языка оппонента с целью коммеморации адресанта и подключает дискредитацию агента с экспрессивной демонстрацией и манифестацией вседозволенности. В. И. Карасик отмечает, что дискурс является текстом, характеризующим реальную ситуацию общения и контркоммуникантов [15, с. 56]. Трансляция агрессии зависит от окружающего социокультурного пространства и психического склада личности. Однако конситуативные и контекстуальные корректуры вносятся на основе интимизированных общепринятых паттернов.

О. С. Иссерс пишет о том, что «феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего», регулирующего как физи-

ческую, так и интеллектуальную деятельность своего собеседника [16, с. 21]. Экспликация экспрессивного потенциала в мимесисе зависит от гендерной принадлежности адресанта. Межличностный эмоциональный интеллект женщины-клиента более развит – она успешно управляет чужими эмоциями, однако, не всегда контролирует свои. Миметическое поведение женщины-клиента, аффективная ригидность, вызванная фрустрацией, практически неподвластно когниовербальной интервенции и коррекции, усугубляется симптомами эмоциональной лабильности. В конфликтном взаимодействии женщина-клиент чаще проявляет открытую агрессию, чего нельзя сказать о мужчине-клиенте. Он чаще демонстрирует пассивно-агрессивное поведение, проявляющееся в форме намеков и шутливых комментариев.

Агент может использовать сходные коммуникативные паттерны в рамках гетерогенного мимесиса, однако, модулирующий потенциал актов третичного агента практически нивелирует такую миметизацию:

– В случае несогласия с ответом на Ваш вопрос, Вы можете обратиться к руководителю отдела! / – Конечно мы можем обратиться к руководителю отдела! Где он там у вас сидит? [12].

Мимесис помогает подстраиваться к окружающему миру, избегать или провоцировать конфликты, на его основе реплицируются «модели синтаксиса, нормы поведения, законы природы, моральные и духовные образцы» [17, р. 10].

– Валентина Ивановна, давайте от плохого к хорошему. Обращений много, а мы у себя одни. Как Вы провели отпуск? / – Ой, прекрасно. Были в таком чудесном месте? Вот фото! / – Ого, и мне тоже туда что ли съездить! А дайте номерок! [12].

Готовность воссоздать образ оппонента служит тактикой «открытого» мимесиса, устанавливающей доверительные отношения, что выводит коммуникативное действие на интенционально-нравственный уровень учета индивидуальных пертинентностей и формирует интимизированную коллективную релевантность компонентов целеполагания.

Потребность в общении является одной из доминантных, врожденных антропологических потребностей человека, благодаря которому происходит осознанный выбор и фиксация в концептуально-валёрном пространстве образцов и личностных стереотипов, формирующих индивидуальный миметический спектр. Воспроизведение паттернов, приобретенных в течении жизни и являющихся структурной составляющей когнитивного базиса подчеркивает, что каждый индивид, несмотря на свою уникальность, является частью социальной структуры. Мимесис конструирует портрет личности и способствует социальной адаптации. Соответственно мимесис – не эпизодическое, но закономерное проявление патернификации в рамках культурных образцов и проявляемое в той или иной коммуникативной ситуации. Альтернации стратагемно-тактического варьирования происходят в структуре персонального миметического спектра, формирующегося на основе преломления паттернов в концептуально-валёрном пространстве.

Список литературы

1. Бехтерев В.М. *Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности. в 2-х т.* Т. 1. СПб.: Алетейя; 1999.
2. Павлов И.П. *Условный рефлекс.* М.: Изд-во Акад. мед. наук СССР; 1952.
3. Potolsky M. *Mimesis.* New York: Routledge; 2006.
4. Тард Г. де *Законы подражания* = (Les lois de l'imitation). СПб.: Ф. Павленков; 1892.
5. Риццолатти Дж., Синигалья К. *Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания.* М.: Языки славянских культур; 2012.
6. Тард Г. де *Общественное мнение и толпа.* М.: ЛЕНАНД; 2015.
7. Дейк Т.А. ван *Язык. Познание. Коммуникация.* М.: Прогресс; 1989.
8. Бредихин С.Н., Бредихина Ю.И., Махова И.Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы. *Научная мысль Кавказа.* 2021; 2(106):119–124. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-106-2-119-124>.
9. Бредихина Ю.И. Речеактовая специфика гармонизации коммуникации в дискурсе социальной работы. *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* Гуманитарные науки. 2025;3(897):48–55.
10. Бредихин С.Н. Метасредства как сложные структуры «схем действия» в пределах герменевтического понимания. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* 2013; 4:110–113.
11. Абузярова Д.Л. Диахронический аспект использования митигативных тактик в британском парламентском дискурсе. *Казанский лингвистический журнал.* 2025; 8(4): 557–571. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.557-571>.
12. Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. URL: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmyBN6mODA>. [дата обращения: 08.04.2026].
13. Мирзиева Л.Р., Тахтарова С.С., Куликова Е.Н. Митигативная специфика редупликации глагола в китайском языке (на примере сериала «Вместе»). *Казанский лингвистический журнал.* 2020; 4(3): 385–411.

14. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2021;1:14–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>.
15. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности. *Вестник Российского университета Дружбы Народов.* Серия: Лингвистика. 2016;20(4):56–77. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77>.
16. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ; 2008.
17. Gifford P. *René Girard and Mimetic Theory.* St Andrews Encyclopaedia of Theology. St. Andrews: University of St. Andrews; 2023.

References

1. Bekhterev V.M. *Psyche and life.* Selected works on personality psychology. in 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteya; 1999. (In Russ.)
2. Pavlov I.P. *Conditioned reflex.* M.: PH of the Academy of Medical Sciences of the USSR; 1952. (In Russ.)
3. Potolsky M. *Mimesis.* New York: Routledge; 2006. (In Eng.)
4. Tarde G. de *Laws of imitation = (Les lois de l'imitation).* St. Petersburg: F. Pavlenkov, 1892. (In Russ.)
5. Rizzolatti G., Sinigaglia C. *Mirrors in the brain: on the mechanisms of joint action and empathy.* M.: Languages of Slavic Cultures; 2012. (In Russ.)
6. Tarde G. de *Public opinion and the crowd.* M.: LENAND; 2015. (In Russ.)
7. Dijk T.A. van *Language. Cognition. Communication.* M.: Progress; 1989. (In Russ.)
8. Bredikhin S.N., Bredikhina Yu.I., Makhova I.N. Methods for intimization of the concept & value space of counter-communicants in the institutional discourse of social work. *Scientific Thought of Caucasus.* 2021; 2(106): 119–124. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-106-2-119-124>. (In Russ.)
9. Bredikhina Yu.I. Speech act specifics of communication harmonization within the social work discourse. *Vestnik of Moscow state linguistic university. Humanities.* 2025; 3(897): 48–55. (In Russ.)
10. Bredikhin S.N. Metameans as Complex Structures of the “Schemes of Acting” within Hermeneutical Understanding. *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University.* 2013; 4: 110–113. (In Russ.)
11. Abuzyarova D.L. The Diachronic Aspect of the Use of Mitigative Tactics in British Parliamentary Discourse. *Kazan Linguistic journal.* 2025; 8(4): 557–571. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.557-571>. (In Russ.)
12. Personal archive of researcher Yu.I. Bredikhina. URL: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmyBN6mODA>. [accessed 08.04.2026].
13. Mirzieva L.R., Tahtarova S.S., Kulikova E.N., Mitigative specific of verb replication in chinese language (on the example of the TV-series “We are together”). *Kazan linguistic journal.* 2020; 4(3): 385–411. (In Russ.)
14. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Modern discourse developmental trends. *Current issues in philology and pedagogical linguistics.* 2021; 1: 14–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>. (In Russ.)
15. Karasik V.I. discourse manifestation of personality. *Russian Journal of Linguistics.* 2016; 20(4): 56–77. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77>. (In Russ.)
16. Issers O.S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech.* Moscow: LKI; 2008. (In Russ.)
17. Gifford P. René Girard and Mimetic Theory. *St Andrews Encyclopaedia of Theology.* St. Andrews: University of St. Andrews; 2023. (In Eng.)

Авторы публикации

Бредихина Юлия Игоревна –
кандидат филологических наук, старший
преподаватель
Ставропольский государственный
педагогический институт
Ставрополь, Россия

Authors of the publication

Bredikhina Yulia Igorevna –
PhD in Philology, Senior Lecturer
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia
Email: bredichinajulia@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Email: bredichinajulia@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Пиванова Элина Викторовна –
кандидат филологических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: elina888@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7591-6482>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.03.2026
Одобрена после рецензирования: 15.05.2026
Принята к публикации: 27.05.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Pivanova Elina Viktorovna –
PhD in Philology, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: elina888@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7591-6482>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 07.03.2026
Approved after peer reviewing: 15.05.2026
Accepted for publication: 27.05.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК [811.111(73)+811.161.1]'27'38'42 <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.242-250>

**КАТЕГОРИИ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ В НИГЕРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Ф. Булус¹, Т.В. Ларина²

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹1042245121@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-0428>

²larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Аннотация. Формы обращения, являясь социолингвистическими параметрами межличностного взаимодействия, различаются в разных языках, культурах и контекстах. Эти различия касаются как набора форм, их категорий, так и функционирования. Особый интерес представляют формы обращения в вариантах английского языка, поскольку они демонстрируют влияние местных языков и культур на заимствованный язык. Цель исследования – определить категории форм обращения, используемые нигерийскими преподавателями в адрес студентов, и выделить социальные, прагматические и культурные факторы, влияющие на их выбор. Были рассмотрены два контекста: формальный (в аудитории) и неформальный (вне аудитории). Материалом послужили данные анкетирования, в котором участвовало 180 студентов из 10 нигерийских университетов, и этнографические наблюдения. Данные были проанализированы качественно и количественно с использованием интерактивной социолингвистики, теории форм обращения, лингвопрагматики, теории вежливости и культурологии. Результаты показали, что, помимо имен собственных, которые являются наиболее часто используемой категорией, преподаватели нигерийских университетов используют в адрес студентов также культурно-специфичные категории, включающие термины родства, текнонимы, описательные формы обращения, названия кланов и географические названия. Исследование также выявило контекстуальную вариативность форм обращения, сдвиг в использовании обращений в формальном и неформальном контекстах: культурно-специфичные формы обращения используются чаще в неформальном контексте, чем в формальном, выступая как средство реализации стратегий сближения. Выявленные категории и их функционирование указывают на особенности нигерийской культуры и идентичности, такие как семейная ориентация, принадлежность к группе, близость и солидарность. Полученные результаты способствуют пониманию влияния культуры на формы обращения в нигерийском варианте английского языка в ситуации многоязычной академической среды.

Ключевые слова: формы обращения; категории форм обращения; взаимодействие преподавателя и студента; лингвокультурная идентичность; академический дискурс; нигерийский вариант английского языка

Для цитирования: Булус. Ф., Ларина Т.В. Категории форм обращения во взаимодействии преподавателя и студентов в нигерийском варианте английского языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 242–250. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.242-250> (In Eng.)

CATEGORIES OF ADDRESS FORMS IN TEACHER-STUDENT INTERACTIONS IN NIGERIAN ENGLISH

F. Bulus¹, T.V. Larina²

RUDN University, Moscow, Russia

¹1042245121@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9931-0428>

²larina-tv@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Abstract. Address forms, which are sociolinguistic parameters in interpersonal communication, differ across languages, cultures and contexts. These differences relate to both the set of forms and their usage. The study aims to identify the categories of address forms used by Nigerian university teachers to students, and to highlight the social, pragmatic and cultural factors that influence their choice. Two contexts were explored: formal (in-class) and informal (out-of-class). The materials for the study were collected through questionnaires with participation of 180 Nigerian students from 10 universities. The data were analyzed qualitatively and quantitatively, using interactional sociolinguistics, theory of address terms, pragmatics, politeness and cultural studies. The findings showed that Nigerian university teachers use several categories of address terms when speaking to their students. In addition to names, which is the most frequently used address category, they also use culture-specific categories including kinship terms, teknonyms, descriptive terms, clan names and geographical names. The study also revealed some variation in the use of these terms depending on the context, with a marked shift in patterns between classroom and non-classroom settings. In informal settings, culture-specific forms of address are more common than in formal settings. These forms act as a means of implementing rapprochement strategies. The identified categories and their usage indicate certain features of Nigerian culture and identity, such as family orientation, ingroup affiliation, closeness and solidarity. The study contributes to the understanding of the impact of culture on address forms and their functioning in Nigerian English, particularly in a multilingual academic setting.

Keywords: address forms; address categories; teacher-student interaction; lingua-cultural identity; academic discourse; Nigerian English

For citation: Bulus F., Larina T.V. Categories of Address Forms in Teacher-student Interactions in Nigerian English. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 242–250. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.242-250>

1. Introduction

The address forms (AFs hereafter) and their usage are a vivid example of the interaction between language, culture, society, cognitive processes and communication, which are at the heart of modern linguistic research, characterized by the anthropocentric approach [1, 2, 3, among many others]. AFs are highly context-dependent linguistic practices that are essential for effective communication in various contexts, including academic environments, which are becoming increasingly

multicultural [4, 5, 6]. However, the studies of AFs in African academic settings, particularly in Nigerian one, are not numerous [e.g., 7, 8, 9]. A systematic investigation of the address categories functioning, as well as sociolinguistic factors that influence AFs in Nigerian classroom interactions represent a significant gap in the existing literature.

Thus, this study aims to identify the categories of AFs used by teachers to students in Nigerian multilingual academic settings and to reveal the social, pragmatic and cultural factors that impact their choice.

The paper attempts to address the following research questions:

- 1) What categories of address forms do Nigerian teachers use addressing their students?
- 2) Do address categories in teacher-student interaction differ in formal and informal situations?
- 3) What socio-cultural values are encoded in Nigerian English address forms used in teacher-student interaction?

2. Address forms in a multilingual context

The study of AFs in Nigerian English is complicated due to the fact that the Nigerian sociolinguistic landscape is characterized by a rich diversity of languages, with over 500 indigenous languages coexisting with English which serves as the official language and medium of instruction in higher education institutions.

The English language has a status of an official language in Nigeria alongside with the major indigenous languages such as Yoruba (spoken in the south of the country), Igbo (spoken in the East) and Hausa (spoken in the north). Kachru's [10] three-circle model classifies Nigerian English as an Outer Circle variety, where English serves as an official and second language in a multilingual context. Nigerian English is described as "the variety or varieties of English used in Nigeria, characterised by phonological, lexical, and grammatical features that reflect the influence of Nigerian indigenous languages and the socio-cultural context of its speakers." [11, p.7]. Emphasising the influence of indigenous languages and the socio-cultural con-

text of its speakers on English, this definition lacks the usage of English varieties, their pragma-discursive characteristics.

However, Nigerian linguistic landscape is marked by functional multilingualism, where speakers easily code-switch and codemix between English, Nigerian Pidgin and indigenous languages depending on context, interlocutor and communicative purpose [12]. Akujobi and Umoh [13] highlight the emergence of distinct varieties of Nigerian English, each carrying sociolinguistic implications for communication patterns and social identity construction. These varieties reflect not merely phonological or lexical differences but encode deeper cultural values regarding hierarchy, respect, and social distance that fundamentally shape address behavior [14]. These attitudes significantly affect communicative practices and influence individual language choices [15].

The categories of AFs used by Nigerians in their communicative practice emphasize not only the linguistic diversity of their language, but also the inability of the adopted language, such as English, to fully express their cultural ideologies and worldviews [see also 16]. Thus, the AFs used in Nigerian English are derived from the diverse indigenous languages, which convey the sociocultural values, norms, linguacultural identities, cultural pragmatics, beliefs and social relationships of Nigeria in the English language. Consequently, they contribute to the development of an English variety known as Nigerian English. These AFs represent a clear example of the linguistic and cultural adaptation and naturalization of English in Nigeria.

Methodology

The purpose of this study is to identify the address categories employed by teachers in teacher-student interaction in Nigerian multicultural university setting and underscore the social, pragmatic and cultural factors that influence their choice.

The materials for the study were primarily collected through questionnaires. To enhance the reliability of the findings, the questionnaires were also supplemented by ethnographic observations. The designed questionnaire was randomly distributed among 10 Nigerian universities, and responses from 180 Nigerian students were col-

lected. The data were analyzed both qualitatively and quantitatively, drawing on interactional sociolinguistics, pragmatics, the theory of address research, as well as cultural studies. The analysis was conducted within two contexts: in class (formal context) and outside class (informal context).

3. Results and discussion

The results revealed that teachers employ several categories of Afs which demonstrate some contextual variation. In addition to names, which is the most frequently used category of addressing students, they use culture-specific categories, such as kinship terms, teknonyms, descriptives, clan names and geographical names (see Table 1).

Table 1: Address categories in teacher-student interaction

Categories	Context	
	In class %	Outside class %
Names	67	39
First names	15	20
Surnames	30	6
First name+surname	17	4
Nicknames	5	9
Culture-specific categories	33	61
Kinship terms	13.8	27.2
Descriptive terms	10.7	16
Clan names	3.5	7.9
Teknonyms	2.6	5.8
Geographical names	2.4	4.1
TOTAL	100	100

The results demonstrate that the most frequently employed category of address terms in teacher-student interactions within Nigerian academic settings comprises names (67% in class and 39% out of class). They are first names (the individual's unique given identifier), e.g. *Seth*, *Adamu*, *John*, surnames (patronymic, or family names), e.g. *Ewan*, *Musa*, *Chukwuemake* or a combination of first name + surname, e.g. *Seth Ewan*, *Adamu Musa*, *John Chukwuemake*, and nicknames (an informal

identifier, often a shorten form of one's given name or based on traits or hobbies), e.g. *Abraham - A.B, Elizabeth – Eli, Ronaldo, foodie*.

In classroom contexts, teachers predominantly address students by their names (67%) with some variation depending on their communicative intention. To maintain formality surnames (30 %) or the combination of first name + family name (17%) are used. The teacher-student relationship remains largely formal, with students identified by their names. To establish some familiarity, teachers use first names (15%) and nicknames (5%).

The findings reveal that the second most preferred address category in teacher-student interactions are kinship terms. Contrary to practices in Western cultures, Nigerian teachers address students using kinship terms such as *son, daughter, Nwam* (my child for both male and female in Igbo), and *Yata/Dana* (daughter/son in Hausa) to convey affection, concern, and to emphasize sociocultural values such as family orientation, collectivist ideology and in-group solidarity. The use of kinship terms signifies a shift from an official setting to a communal mindset. Notably, 27.2% of teachers prefer kinship terms outside the classroom, compared to only 13.8% within the classroom. This indicates their informality as a stylistic feature.

Teknonyms which are conventional kinship-based practices of identifying parents by their children's name (e.g. *maman Sissmeon* 'mother of Simeon', *babban Fawaz* 'father of Fawaz') are also used to some extent in addressing the students who have children. The results show minimal use of teknonyms in the classroom while it doubles outside the class (2.6% to 5.8%). As Khalil and Larina state [17, p.3] "teknonyms are markers of politeness in cultures with we-orientation and we-identity", however, their pragmatic meaning significantly depends on a context. Thus, teachers address students who have children with teknonyms to minimize distance and create empathy.

The findings also highlight an intriguing category employed by teachers when addressing students, which is descriptive terms based on physical attributes, occupations, skills and attire. For example, teachers might use terms like e.g. *Tallman* (when

addressing a tall student), *Shorty* (for someone who is short), *Motion/Action* (for an active student), *Yellow* (referring to someone with fair skin), *Businesswoman*, among others. This category underscores informality and friendliness towards students. Other times, they serve as a quick way to identify students when the teacher forgets their name due to the large number of students in the class.

The results show that teachers employ other culture-specific terms to address students such as clan names. They link the student to their ancestral lineage. These terms vary across different clans/genealogies and can include names like *Ngai*, *Kal-bang*, *Mabe*, *Ene*, which immediately highlights a student's genealogy. Teachers use clan names to address students with whom they have close personal relationships or are from the same clan. In class, this accounts for 3.2% against 7.5% outside of class. Teachers use these clan names to address students with whom they have close personal relationships.

Geographical terms of address, when teachers address students with the name of their hometowns is a common practice in Nigeria for identification and social bonding. For example, *Lagosian* may be used for students from Lagos, a large metropolitan city in southwestern Nigeria, and *Zagon Kataf* is used for students from Zagon Kataf, a local government area in southern Kaduna State. In our data such addresses were not frequent and recorded 2.4% in a formal context and 4.1% in an informal context.

The study found some differences in how the address categories are used in formal and informal situations. The findings show that 67% of teachers address students with names inside the classroom, while 33% use culture-specific categories. However, outside the classroom, the trend is reversed, with the use of names declining to 39%, while the use of culture-specific categories increases to 61%. This suggests that in less formal settings, such as those outside the academic world, where the formal academic hierarchy is less strict, primordial identities like ethnicity and ancestry can be more prominent and influential as forms of social identity.

Conclusion

This study identified six categories of address forms employed by teachers addressing their students in Nigerian English. In addition to traditional name category including first names, nicknames, surnames, or full names, they include culture-specific categories such as kinships, teknonyms, descriptives, clan names and geographical names. These categories encode the Nigerian we-identity and its characteristic values, such as closeness, solidarity, community and family orientation.

The findings revealed some contextual variation in the use of these categories, the marked shift in address patterns between classroom and non-classroom settings. Names dominate in classroom settings, reflecting institutional formality and the strategic negotiation of relational distance. Culture-specific categories are more typical of informal contexts though they are also used in class. The decline in formal naming practices and the rise in culture-specific categories, suggests that academic formality temporarily suppresses, rather than erases, linguacultural identities.

The study contributes to understanding the impact of culture on AFs in multilingual academic environments and highlights the integration of sociolinguistic, pragmatic, cultural and communication research.

References

1. Bilá M., Ivanova S.V. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*. 2020;24(2):219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252
2. Larina T.V. Language, culture, cognition and communication: The paradigms of modern linguistic research. *Russian Journal of Linguistics*. 2026;30(1):7–32. DOI: 10.22363/2687-0088-48905
3. Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction (2nd ed.)*. Mouton de Gruyter; 2003.
4. Larina T., Suryanarayan N. Address forms in academic discourse in Indian English. N. Baumgarten & R. Vismans (Eds.), *It's different with you: Contrastive perspectives on address research*. John Benjamins PC; 2023. P. 142–170. DOI: 10.1075/tar.5.06lar
5. Soomro M.A., Larina T. Mister, bro, or ada? Styles of addressing among multilingual Pakistani students. *GEMA Online Journal of Language Studies*. 2023;23(2):127–146. DOI: 10.17576/gema-2023-2302-08
6. Zhou Q., Larina T.V. Power and solidarity in pronominal forms of address: A case study of Chinese and Russian teacher-student interactions. *Training, Language and Culture*. 2024;8(1):87–100. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-87-100
7. Afful J.B.A. Address terms among university students in Ghana: A case study. *Language and Intercultural Communication*. 2006;6(1):76–91. DOI: 10.1080/1470847060866890
8. Awoonor-Aziaku L. Address terms in classroom discourse: A case of university of Cape Coast students in Ghana. *Open Journal of Modern Linguistics*. 2021;11(3):497–510. DOI: 10.4236/ojml.2021.113037
9. Mensah E. O. A sociolinguistic study of address terms in a Nigerian university's staff club. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. 2021;57(4):677–707. DOI: 10.1515/psic-2021-0024

10. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. R. Quirk, H. G. Widdowson (Eds.). Cambridge University Press; 1985. P. 11–36. DOI: 10.1017/S0267190500003032

11. Ugwuanyi K.O., Aboh S.C. Nigerian English: History, functions and features. *World Englishes*. 2026;45(1):7–18. DOI: 10.1111/weng.12732D

12. Jowitt D. *Nigerian English*. Vol. 18. Walter de Gruyter GmbH & Co KG; 2018.

Авторы публикации

Authors of the publication

Булус Фелиша –

Аспирант

*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Email: 1042245121@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9931-0428>

Bulus Felicia –

Postgraduate student

*RUDN University
Moscow, Russia*

Email: 1042245121@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9931-0428>

Ларина Татьяна Викторовна –

Доктор наук, профессор

*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Email: larina-tv@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Larina Tatiana Victorovna –

Doctor Habil, full Professor

*RUDN University
Moscow, Russia*

Email: larina-tv@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.03.2026

Одобрена после рецензирования: 15.04.2026

Принята к публикации: 27.04.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 07.03.2026

Approved after peer reviewing: 15.04.2026

Accepted for publication: 27.04.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-2

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.251-260>

**ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА «СХВАТЫВАНИЯ» ПРИ
МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕХОДЕ**

Е.В. Куренкова¹, О.В. Дониная²

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

¹kurenkova.elena94@mail.ru

²olga-donina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1053-540X>

Аннотация. Статья посвящена анализу межъязыковой трансформации английского образа «схватывания» при переводе на русский язык метафорически мотивированных сочетаний с абстрактными существительными, относящимися к скрытому классу мелких объектов (криптоклассу *Res Parvae*). Материалом исследования послужили данные русско-английского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. В анализ были включены контексты с классификаторами *cast, catch, grab, grasp, grip, pick, seize, throw* в сочетании с абстрактными существительными, отобранными на основе описания криптоклассов в работе О. О. Борискиной. Цель исследования состоит в выявлении основных способов трансформации исходного метафорического образа в русском языке и определении наиболее продуктивных семантических моделей, его замещающих. Проведенный анализ показал, что образ «схватывания» сохраняется в переводе лишь в 20% случаев. В остальных примерах он либо замещается другими метафорическими моделями, либо полностью стирается. Наиболее продуктивными типами реметафоризации в русском языке являются глаголы движения и пространственной динамики, глаголы чувственно-умственного восприятия, а также глаголы обладания, утраты, речевой деятельности и каузации. Полученные результаты позволяют рассматривать выявленные трансформации как системное проявление различий в категоризации абстрактных сущностей в английском и русском языках.

Ключевые слова: перевод метафор; параллельный подкорпус; НКРЯ; криптоклассы; языковая картина мира

Для цитирования: Куренкова Е.В., Дониная О.В. Трансформации образа «схватывания» при межъязыковом переходе. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 251–260. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.251-260>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.251-260>

**TRANSFORMATIONS OF THE IMAGE OF "GRASPING" IN
INTERLINGUAL TRANSFER**

E. V. Kurenkova¹, O. V. Donina²

Voronezh State University, Voronezh, Russia

¹kurenkova.elena94@mail.ru

²olga-donina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1053-540X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the interlingual transformation of the English “grasping” image when translating metaphorically motivated collocations with abstract nouns belonging to the hidden class of small objects (the cryptotype *Res Parvae*) into Russian. The re-

search is based on data from the Russian-English parallel subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. The analysis includes contexts with the classifiers *cast*, *catch*, *grab*, *grasp*, *grip*, *pick*, *seize*, *throw* combined with abstract nouns selected according to the description of cryptotypes in O. O. Boriskina's work. The aim of the study is to identify the main ways of transforming the original metaphorical image in the Russian language and to determine the most productive semantic models that replace it. The conducted analysis has shown that the “grasping” image is preserved in translation only in 20 % of cases. In the remaining examples, it is either replaced by other metaphorical models or completely erased. The most productive types of remetaphorization in Russian include: verbs of motion and spatial dynamics; verbs of sensory and cognitive perception; verbs denoting possession, loss, speech activity, and causation. The obtained results allow us to consider the identified transformations as a systemic manifestation of differences in the categorization of abstract entities in the English and Russian languages.

Keywords: metaphor translation; parallel corpus; RNC; cryptotypes; the linguistic picture of the world

For citation: Kurenkova E.V., Donina O.V. Transformation of the Image of “Grasping” in Interlingual Transfer. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 251–260. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.251-260> (In Russ.)

Языковая картина мира — это отражённый средствами языка образ реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, специфичной для того или иного этноса. Она фиксирует не только объективные характеристики окружающей действительности, но и субъективные интерпретации, обусловленные культурно-историческим опытом сообщества. Особенность языковой картины мира заключается в ее тесной связи с такими процессами, как восприятие, познание и осознание действительности человеком [1, с. 141]. Мышление народов, говорящих на различных языках, едино по своей сущности, следовательно, различные языки должны содержать некоторые всеобщие признаки. Особенности развития каждого конкретного языка самобытны, но все же они не выходят за пределы универсальных категорий языка вообще. Этот факт общности делает возможным изучение как самих языков, так и языковых картин мира. [2, с. 139]. Особенно важно уделять внимание изучению сходств и различий языковых картин мира, поскольку такие данные позволяют выявить универсальные и специфические черты человеческого мышления, а также проследить взаимосвязь между языком, культурой и когнитивными

процессами. Это углубляет понимание того, как язык не просто отражает мир и участвует в его конструировании в сознании носителей.

В Воронежской типологической школе разработана универалистская концепция, согласно которой наличие явных грамматических классов (таких как род, именные классы, классификаторы) в одних языках мира служит теоретической основой для поиска аналогичных, но скрытых категориальных систем в других языках. Предполагается, что, если в языке отсутствуют эксплицитно выраженные классы (например, морфологически маркированные именные классы), то в других языках они могут существовать в имплицитной форме. В таком случае соответствующие категории получают статус криптоклассов: их можно выявить через анализ сочетаемости лексем, синтаксических конструкций, переводческих соответствий и семантических закономерностей, а не по формальным маркерам.

Выделение криптоклассов в языках представляет собой ценный инструмент для углублённого изучения языковой картины мира, поскольку они позволяют проследить, как носители языка концептуализируют окружающую действительность и формируют уникальную языковую картину мира.

Согласно определению А. А. Кретьева, криптокласс представляет собой скрытую лексико-грамматическую категорию: она предполагает распределение имён по классам на основе определённого категориального признака, при этом принадлежность к классу обязательно выражается в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу). Кроме того, такая категория имеет соответствие в явной (морфемно выраженной) грамматической категории хотя бы одного языка мира [3, с. 9].

В рамках настоящего исследования анализируется криптокласс *Res Parvae*. Членство имен в данном криптоклассе диагностируется прежде всего в транзитивных конструкциях, где коллексемами выступают имена-эталоны рукоятного и предикаты, в семантике которых содержатся «намеки» на действия с рукоятным предметом [4, с. 208]. Цель исследования состоит в том, чтобы опре-

делить, сохраняется ли образ «схватывания» при переводе на русский язык, а также выявить основные модели реметафоризации, замещающие этот образ. Материалом исследования послужили данные русско-английского параллельного подкорпуса НКРЯ. В выборку вошли контексты с классификаторами *cast, catch, grab, grasp, grip, pick, seize, throw* в сочетании с 496 абстрактными существительными, выделенными на основе работы О. О. Борискиной [4]. Инструментом для анализа послужил параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), поскольку благодаря использованию параллельных корпусов, пользователь может получить в свое распоряжение набор аутентичных контекстов, представляющих интересующую его структуру в ее естественном окружении, а также самые разнообразные эквиваленты этой структуры в языке цели» [5, с. 416].

На первом этапе исследования была осуществлена выгрузка примеров по запросу классификатор криптокласса *Res Parvae (cast, catch, grab, grasp, grip, pick, seize, throw)* + абстрактное существительное. В результате было выгружено 1565 примеров с указанными классификаторами.

Далее, полученные примеры распределялись по трем основным категориям в зависимости от трансформации их метафорического содержания [6]:

- 308 примеров использования метафоры-эквивалента (когда образ «схватывания», присутствующий в английских примерах, сохранялся и в русском языке) (примеры 1–2).
- 468 примеров использования реметафоризации (когда образ «схватывания», присутствующий в английских примерах в переводах заменялся другим) (примеры 3–4).
- 789 примеров использования деметафоризации (когда образ «схватывания», присутствующий в английских примерах в переводах стирался). (примеры 5–6).

1) «*I did not know the right way to set to work, and, trying to **catch fame** by the tail, got on the wrong side of her.*» – «Я не знал настоящих способов и, желая **схватить славу** за хвост, зашел не с той стороны.»

2) «*She finds 'Splinter,' and Ally slaps her and says it should be her turn to **pick the music**, anyway.*» – «Элли ударяет ее и заявляет, что сейчас ее очередь **выбирать музыку**.»

3) «*When he **caught sight** of the orphans...*» – «Когда **взгляд** его упал на Бодлеров...»

4) «*Joe **caught at the idea** and said he would like to try, too.*» – «И Джо **воспламенился этой мыслью** и сказал, что ему тоже хотелось бы попробовать.»

5) «*They covered each other with sand so as not to be too easily seen and dug their trench in a place where the searchlights **threw least light**.*» – «Они обсыпали друг друга песком, чтобы быть незаметнее. Работали в таком месте, куда прожектор **доставал** слабее всего.»

6) «*Alexei **cast all caution** to the winds now...*» – «Теперь Алексей **не осторожничал**...»

После распределения примеров на три основные группы дальнейший анализ был сосредоточен на массиве данных, относящихся к группе реметафоризации. Учитывая, что метафора часто несет в себе глубокие культурные коннотации, уникальные для конкретного языка или культуры [7, с. 266], на этом этапе исследования были поставлены задачи выявить языковые средства, заменяющие образ «схватывания» в русском языке и определить наиболее частотные образы, формируемые при переходе от физического действия к его метафорическим аналогам. Опираясь на классификацию Костициной Р. В., примеры группы реметафоризации были распределены на следующие группы, исходя из семантической направленности глаголов [8]:

- Группа глаголов деятельности, движения и положения в пространстве (214 примеров, что составило 45% от анализируемых примеров).
- Группа глаголов чувственно-умственного восприятия (134 примера – 28%).

- Группа глаголов обладания и проявления свойств / состояний (25 примеров – 5%).
- Группа глаголов отчуждения, утраты/ отторжения (24 примера – 5%).
- Группа глаголов речевой деятельности (22 примера – 4,6%).
- Группа глаголов обладания/ передачи/получения объекта (17 примеров – 3,5%).
- Группа глаголов воздействия (14 примеров – 3%).
- Группа глаголов поиска (8 примеров – 1,6%).
- Группа глаголов бытия (5 примеров – 1,2%).
- Группа глаголов отношения / оценки (3 примера – 0,6%).
- Группа глаголов преодоления (2 примера – 0,4%).

Глаголы деятельности, движения и положения в пространстве — это наиболее продуктивная модель реметафоризации. Абстрактный объект категоризуется как находящийся в пространстве или вовлеченный в динамический процесс. Типичные схемы: направленное движение, попадание в поле восприятия, проникновение, падение, перенос, прокладывание пути. Примеры: *cast light* → *пролить свет*; *catch sight* → *взгляд упал*; *pick way* → *прокладывать путь*; *throw balance* → *вывести из равновесия*; *seize opportunity* → *воспользоваться возможностью*; *pick fight* → *вступить в борьбу*; *throw party* → *устроить вечеринку*. Абстрактная сущность при этом представляется как объект, который: перемещается, падает, направляется, достигается, открывается, входит в сферу действия.

Глаголы чувственно-умственного восприятия — вторая по частотности группа, которая включает глаголы, обозначающие когнитивное восприятие и понимание. Наиболее характерные лексемы: *понять*, *осознать*, *постигнуть*, *заметить*, *услышать*, *уяснить*, *вникнуть*, *увидеть*. Примеры: *grasp idea* → *понять идею*; *grasp principle* → *уяснить принцип*; *grasp truth* → *постигнуть истину*; *catch hint* → *понять намек*; *catch sound* → *услышать звук*; *catch*

movement → заметить движение; *pick way* → нащупывать путь; *pick point* → увидеть точку. В данной группе наблюдается переход от мануальной метафоры к перцептивной.

Группа глаголов обладания, передачи и получения объекта в ряде случаев категоризируется через модель присвоения или получения. Примеры: *seize opportunity* → воспользоваться возможностью; *pick knowledge* → приобрести знания; *catch hint* → получить намек; *pick habit* → перенять привычку; *seize power* → вернуть силу; *pick disease* → получить болезнь. Здесь мы видим, что объект интерпретируется как ресурс, доступный для получения или использования.

В этой группе глаголов воздействия абстрактный объект категоризируется как объект приложения силы. Примеры: *cast spell* → наложить заклинание; *throw balance* → выбить из колеи; *seize target* → наносить удары; *throw system* → заставлять работать; *cast spirit* → изгонять нечистого.

В группе глаголов отчуждения, утраты или отторжения объект интерпретируется как утрачиваемый или отбрасываемый. Примеры: *throw chance* → унустить возможность; *throw life* → пожертвовать жизнью; *throw language* → отречься от языка; *snatch vision* → видение исчезло; *cast shame* → потерять стыд.

Примеры глаголов речевой деятельности: *cast doubt* → выразить сомнение; *throw hint* → высказать намек; *pick answer* → ответить на вопрос; *throw truth* → высказать правду.

Глаголы поиска отражает случаи, в которых исходный образ «схватывания» заменяется моделью целенаправленного обнаружения или подбора объекта: *pick word* → подыскивать слово; *pick way* → искать проход; *catch sight* → искать глазами.

Глаголы бытия и состояния: *pick conversation* → разговор начался; *throw trial* → процесс состоялся.

Таким образом, мы увидели, что реметафоризация носит не случайный, а системный характер: русские переводные соответствия группируются вокруг ограниченного набора семантических моделей. Следовательно, при передаче криптоклассного признака в русском языке действует не единичная переводческая замена, а регулярный набор языковых стратегий.

Наиболее частотной оказывается группа глаголов деятельности, движения и положения в пространстве. Это значит, что в русском языке абстрактные сущности, связанные в английском тексте с образом «схватить / ухватить / схватиться за», чаще переосмысляются через схемы направленного движения, перемещения, попадания, падения, проникновения, вывода, вхождения, прокладывания пути. Иначе говоря, английская кинестетическая модель захвата в русском переводе нередко заменяется пространственно-динамической моделью.

Второй по значимости тип реметафоризации образуют глаголы чувственно-умственного восприятия: понять, заметить, услышать, осознать, уяснить, постигнуть, вникнуть и др. Это особенно показательно для сочетаний с существительными типа *idea* ‘идея, мысль, суть’, *fact* ‘факт’, *principle* ‘принцип’, *truth* ‘правда, истина’, *sound* ‘звук, крик, эхо, голос, шум, рыдание’, *word* ‘слово’, *sight* ‘взгляд, глаза’, *hint* ‘намек, соображение’. Здесь английский образ присвоения через «схватывание» в русском языке систематически заменяется образом восприятия, осмысления и когнитивного доступа. Полученные данные позволяют предположить, что в анализируемом материале при передаче подобных сочетаний в русском языке более продуктивной оказывается не мануальная, а перцептивно-интеллектуальная модель концептуализации абстрактного объекта.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что при межъязыковой передаче конструкций криптокласса *Res Parvae* образ «схватывания» сохраняется лишь в 20% случаях, тогда как в 30% примеров он подвергается реметафоризации, а в 50% – деметафоризации. Наиболее продуктивными моделями реметафоризации оказываются пространственно-динамическая и перцептивно-когнитивная. Это позволяет говорить о системном характере межъязыковой

трансформации исходного образа и о перераспределении его семантического потенциала между несколькими концептуальными доменами в русском языке.

Список литературы

1. Фаткуллина Ф.Г., Чжан Сяюй. Концепт радость / 高兴 в русских и китайских лингвокультурах. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 140–149.
2. Щербо П.А. К вопросу о возможности сопоставительного анализа фрагментов языковых картин мира (на примере понятия «возраст» в русском, английском и французском языках). *Известия МГТУ «МАМИ»*. 2012; 2 (14):138–144.
3. Кретов А.А. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков. *Вестник Воронежского государственного университета*. 2010; 1: 7–12.
4. Борискина О.О. *Криптоклассы английского языка*. Воронеж: Истоки; 2011.
5. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология. *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*. 2015; 6: 413–449.
6. Швейцер А.Д. *Теория перевода*. Москва: Наука; 1988.
7. Ни Сыюй, Фаткуллина Ф.Г. Переводческий анализ метафор в китайской и русской поэзии (на примере произведений Ли Юя). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(2): 263–272.
8. Костицина Р.В. Новый аспект семантической классификации глагольной лексики русского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023; 16 (8): 2592–2599.

References

1. Fatkullina F.G., Zhang Xiaoyu. The Concept Joy / 高兴 in Russian and Chinese Linguocultures. *Kazan Linguistic Journal*. 2026; 9(1): 140–149. (In Russ.)
2. Shherbo P.A. (2012). Towards a Comparative Analysis of Linguistic Worldview Fragments: Exploring the Concept of “Age” Across Russian, English, and French Languages. *Izvestija MGTU «MAMI»*. 2012; 2 (14): 138–144. (In Russ.)
3. Kretov A.A. The Role of Hidden Categories in the Typological Description of Romance Grammar. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2010; 10: 7–12. (In Russ.)
4. Boriskina O.O. *Cryptotypes of the English language*. Voronezh, Istoki; 2011. (In Russ.)
5. Dobovol'skij D.O. Corpus of Parallel Texts and Comparative Lexicological Research. *Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova*. 2015; 6: 413 – 449. (In Russ.)
6. Shvejcer A.D. *Theory of translation*. Moscow, Nauka; 1988. (In Russ.)
7. Ni Siyu, Fatkullina F.G. Translation Analysis of Metaphors in Chinese and Russian Poetry (On the Example of Works by Li Yu). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2): 264–272. (In Russ.)
8. Kosticina R.V. A New Aspect of the Semantic Classification of Russian Verbal Vocabulary. *Philology. Theory & Practice*. 2023; 16 (8): 2592 – 2599. (In Russ.)

Авторы публикации

Куренкова Елена Вадимовна –
преподаватель
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Email: kurenkova.elena94@mail.ru

Донина Ольга Валерьевна –
кандидат филологических наук, доцент,
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Email: olga-donina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1053-540X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Authors of the publication

Kurenkova Elena Vadimovna –
Lecturer
Voronezh State University
Voronezh, Russia
Email: kurenkova.elena94@mail.ru

Donina Olga Valerievna –
Ph.D., Associate Professor,
Voronezh State University
Voronezh, Russia
Email: olga-donina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1053-540X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.03.2026

Одобрена после рецензирования: 17.04.2026

Принята к публикации: 27.05.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Article info

Submitted: 06.03.2026

Approved after peer reviewing: 17.04.2026

Accepted for publication: 27.05.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-114.4

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.261-271>

**ПРОТЕСТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АСПЕКТ**

А.В. Малюжинский

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
lionm444@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-5190-9302>*

Аннотация. Статья посвящена исследованию политического протеста как сложного коммуникативного и дискурсивного феномена в условиях современных общественно-политических трансформаций. Актуальность работы обусловлена ростом протестной активности, усложнением форм выражения несогласия и расширением каналов политической коммуникации, что требует комплексного лингвистического осмысления протестного дискурса. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации коммуникативных функций политического протеста в рамках политического дискурса. Методологической основой работы послужили дефиниционный и этимологический анализ, дескриптивно-аналитический и дискурсивный методы. Эмпирический материал включает словарные дефиниции понятия «протест» в русской и англоязычной традициях, а также видеоматериалы современных антитрампистских протестов в США. Анализ протестной коммуникации осуществляется с учетом социального, политического и культурного контекста, а также характеристик участников и адресатов коммуникации. В результате исследования протест рассматривается как конфликтный речевой жанр и особая форма политического участия. Автор выделяет и описывает пять ключевых коммуникативных функций политического протеста: агональную, идентификационную, побудительную, информативную и эмотивную. Показано, что указанные функции реализуются через специфические языковые средства, лозунги и риторические стратегии. Сделан вывод о том, что политический протест представляет собой не только социально-политическое явление, но и значимый объект лингвистического анализа, позволяющий глубже понять механизмы речевого воздействия, формирования коллективной идентичности и общественного мнения.

Ключевые слова: протест; политический дискурс; коммуникативная интенция; речевое поведение; публичность; агональность; эмотивность

Для цитирования: Малюжинский А.В. Протест в политическом дискурсе: функциональный аспект. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 261–271. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.261-271>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.261-271>

PROTEST IN POLITICAL DISCOURSE: A FUNCTIONAL ASPECT

A. V. Malyuzhinsky

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

lionm444@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-5190-9302>

Abstract. The article examines political protest as a complicated communicative and discursive phenomenon in the context of contemporary socio-political transformations. The relevance of the study is determined by the growing intensity of protest activity, the increasing complexity of forms of dissent, and the expansion of channels of political communication, which necessitate comprehensive linguistic analysis of protest discourse. The aim of the study is to identify and systematize the communicative functions of political protest. The methodological basis of the research includes definitional and etymological analysis, as well as descriptive-analytical and discourse analysis methods. The empirical material consists of dictionary definitions of the concept of “protest” in Russian and English linguistic traditions, as well as video materials of contemporary anti-Trump protests in the United States. Protest communication is analyzed with regard to its social, political, and cultural context, as well as the characteristics of the participants and addressees of communication. As a result of the study, protest is conceptualized as a conflict-type speech genre and a specific form of political participation. The author identifies and describes five key communicative functions of political protest: agonistic, identificational, mobilizing, informative, and emotive. It is demonstrated that these functions intersect with the functions of political discourse and are realized through specific linguistic means, slogans, and rhetorical strategies. The study concludes that political protest should be viewed not only as a socio-political phenomenon but also as a significant object of linguistic analysis, enabling a deeper understanding of mechanisms of verbal influence, collective identity formation, and public opinion shaping.

Keywords: protest; political discourse; communicative intention; speech behavior; publicity; agonality; emotivity; expressivity

For citation: Malyuzhinsky A.V. Protest in Political Discourse: a Functional Aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 261–271. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.261-271> (In Russ)

В условиях глобальных общественно-политических трансформаций протест становится важным объектом междисциплинарного научного интереса. Возрастающая частота и разнообразие протестных форм, активное вовлечение граждан в политическую повестку и расширение каналов выражения несогласия указывают на необходимость глубокого осмысления этого феномена как с социокультурной, так и с лингвистической точек зрения.

Учитывая, что протест в первую очередь манифестируется через речевые практики, мы убеждены, что его анализ позволяет углубить представления о

дискурсивных механизмах формирования общественного мнения, мобилизации и самоидентификации социальных групп.

В последние десятилетия протест как объект изучения активно осмысляется в рамках политологии, социологии, культурологии и лингвистики. Так, в политологических исследованиях акцент сделан на институциональных аспектах и стратегиях коллективного действия [1]. В лингвистике протест рассматривается как разновидность конфликтного речевого жанра с характерными прагматическими признаками [2], а также как способ выражения личной и групповой идентичности [3]. Однако, несмотря на возрастающее количество работ, проблема функционального потенциала протестного дискурса и его прагматической структуры остаётся недостаточно изученной. В частности, нерешённым остаётся вопрос о системной классификации коммуникативных функций политического протеста и их соотношении с функциями политического дискурса в целом.

Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела. Процедура дискурсивного анализа протестных выступлений представляет собой поэтапное исследование протестной коммуникации как текста и как действия в социальном, политическом и культурном контексте. Участником общения в данном случае выступают, с одной стороны, американцы, которые выступают против политики президента Д. Трампа, либеральные активисты, афроамериканские сообщества, молодежь и феминистские группы, а с другой – трамписты, республиканцы, администрация президента США. Контекст коммуникации – возвращение Д. Трампа на пост президента, его риторика и действия, которые спровоцировали протесты. Ключевыми темами были угрозы демократии, авторитаризм / фашизм, гендерное и расовое неравенство, защита конституции и прав меньшинств. Анализу подверглись высказывания протестующих с учетом указанных выше факторов. Выбор именно американского политического контекста обусловлен рядом специфических черт политического дискурса США, отмеченных исследователями ранее. Среди них: уникальность исторического пути, установление модели парламентаризма, тесная связь процесса формиро-

вания политических институтов с религиозными догмами, развитие капитализма и, как следствие, империалистические амбиции, многонациональный состав населения [4, с. 537].

Понятие «протест» (от лат. *protestari* — свидетельствовать, заявлять) в научном дискурсе трактуется как «публичное выражение несогласия, неодобрения или несогласия с идеей или действием, обычно политическим. Крайняя форма социального протеста может перерасти в революцию, переворот» [5, с. 30].

Для более детального рассмотрения содержания анализируемого понятия обратимся к толковым словарям. Согласно С.И. Ожегову, *протест* это 1. *Решительное возражение против чего-н.* 2. *Заявление о несогласии с каким-н. решением (офиц.)* [6]. В трактовке Т.Ф. Ефремовой, *протест* предстает как *решительное возражение против чего-либо, категорическое заявление о несогласии с чем-либо, о нежелании чего-либо* [7]. Ф.Ф. Ушаков определяет *протест* как *категорическое возражение против чего-нибудь, решительное заявление о несогласии с чем-нибудь, о нежелании чего-нибудь* [8].

В англоязычной традиции *protest* определяется в Cambridge dictionary как *a strong complaint expressing disagreement, disapproval, or opposition. An occasion when people show that they disagree with something by standing somewhere, shouting, carrying signs, etc* [9].

Merriam-Webster трактует *protest* как *a solemn declaration of opinion and usually of dissent: such as A: a sworn declaration that payment of a note or bill has been refused and that all responsible signers or debtors are liable for resulting loss or damage; B: a declaration made especially before or while paying that a tax is illegal and that payment is not voluntary* [10].

Обращение к толковым словарям продемонстрировало, что словарные дефиниции не отличаются разнообразием и трактуют протест практически идентично, что позволяет нам выделить такие дифференциальные признаки понятия, как интенция возражения / несогласия, решительный и категоричный характер.

В научной картине мира обнаруживается сходная трактовка данного понятия, которое рассматривается как речевое действие, характеризующееся решительным возражением против чего-либо или заявлением о несогласии с каким-либо решением [11]. В рамках коммуникативного подхода протест интерпретируется как особая коммуникативная система со своими пространственно-временным, предметным и коллективно-личностным измерениями. Протест относится к речевым жанрам конфликтного типа и сопровождается такими периферийными жанрами, как возражение, возмущение и коммуникативный саботаж [12, с. 30-31].

С точки зрения интенциональной направленности протест выступает в качестве «средства самовыражения и способа построения своего собственного образа» [13, с. 148].

И наконец в политологии выделяется «протест политический», т.е. «проявление негативного отношения к политической системе в целом, ее отдельным элементам, нормам, ценностям, принимаемым решениям в открыто демонстрируемой форме» [14]. К протестным формам поведения относятся митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, подписание петиций, массовые и групповые насильственные акции. Причинами, обуславливающими протестное поведение, являются: депривация, кризис традиционных норм и ценностей политической культуры, делегитимизация политического режима.

Дж. Дженкинс и Б. Кландерманс акцентируют внимание на коллективном характере действий протестующих, направленных на изменение государственной власти, политики или взаимоотношений «гражданин-государство» [1, с. 6]. С. Тэрроу, в свою очередь, определяет протест как разрушительное коллективное действие, нацеленное на институты власти и элиты для достижения групповых целей [16, с. 150]. Он выделяет пять ключевых аспектов: отказ от институциональных механизмов; потенциал насилия; экспрессивный, часто аллегорический характер требований; направленность на элиты и другие группы; наличие определенной стратегии несмотря на экспрессивность. Таким образом, политический протест предстает как коллективная форма политического участия,

часто характеризующаяся прямым противостоянием и использованием символики и риторики. Еще одной значимой характеристикой протеста стала его театрализация. Цель театрализации уличного протеста – привлечение интереса к мероприятию со стороны общественности и средств массовой информации [2, с. 46].

Анализ эмпирического материала позволяет выделить 5 основных функций протеста. Рассмотрим и обоснуем каждую из них подробнее.

- Агональная функция политического протеста заключается в выражении несогласия и протеста против действий властей. Эта функция напрямую исходит из определения протеста и выступает основополагающей. Также ее реализация подтверждается примерами:

No Trump! No KKK! No fascist USA!

(<https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

В данном примере мы наблюдаем выражение протеста против президента Д. Трампа и его политики. Протестующие-американцы в данном случае выражают свое отрицательное отношение, во-первых, к личности самого Д. Трампа, во-вторых, приписываемым ему взглядам и, в-третьих, его политическому курсу.

Структурно высказывание протестующих строится на категоричном отрицании: «*No Trump!*» — прямая декларация несогласия с личностью и политикой Дональда Трампа. «*No KKK!*» — ассоциативная связь власти с ультраправыми экстремистскими группировками. «*No fascist USA!*» — радикальное отрицание возможного сдвига США в сторону авторитаризма.

Таким образом, протестный лозунг одновременно демонстрирует политическую конфронтацию и претензию к легитимности власти, выполняя агональную функцию в полной мере. Его скандируемая форма усиливает эффект прямого противостояния, формируя объединённую протестную идентичность и создавая оппозиционный нарратив.

Screw project 2025! (<https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

Данное высказывание направлено против «Project 2025», который ассоциируется с подготовкой республиканской платформы и возврата Д. Трампа к власти. Фраза *Screw Project 2025!* представляет собой эмоционально окрашенное неприятие стратегического политического плана, с одной стороны, и перформативный акт неприятия будущего политического курса, который воспринимается протестующими как угрожающий демократии, с другой. В данном случае агональная функция проявляется в форме антиципирующего конфликта — протест не только против текущей власти, но и против предполагаемого развития событий, заранее маркируемого как неприемлемое.

- Идентификационная (ориентационная) функция способствует формированию коллективной идентичности — «мы» (протестующие) выступаем против «них» (власти /оппонентов). Кроме того, протест позволяет артикулировать цели и задачи политического движения, а также сформулировать план действий по их достижению.

Education against indoctrination. Protect our kids.
(<https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

Фраза *Education against indoctrination* противопоставляет две модели воспитания: образование — как позитивный, рациональный, просветительский идеал и «индоктринация» — как негативное, насильственное внедрение идеологии. Таким образом протестующие выстраивают оппозицию между собой — сторонниками свободного и критического мышления — и властью, обвиняемой в идеологическом давлении. Употребление местоимения «*our*» — маркер групповой принадлежности, который объединяет всех, чьи семьи пострадают от реформ, а также выступают образом общего будущего, общих ценностей, общих интересов.

- Побудительная (мобилизационная) функция направлена на воздействие на адресата, регулирование его действий и поступков. Отметим, что протест мобилизует не только адресата, но и потенциальных участников протеста,

которые не согласны с действиями объекта, против которого он направлен. Тем самым данная функция носит двойственный характер.

Impeach Trump! (<https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

Данный лозунг представляет собой императивное высказывание, адресованное как власти, так и гражданскому обществу, с целью инициировать начало процедуры импичмента. Он предельно лаконичен и категоричен, что придает высказыванию ясную директивную силу — это не обсуждение, а требование. Протестный лозунг транслирует ощущение срочности и необходимости немедленных действий, тем самым привлекая к участию в протесте тех, кто разделяет позицию, но ещё не активен. Выражение четкой цели — смены политического лидера через легальный механизм — создает ощущение возможности влияния на ситуацию, что усиливает мобилизационный потенциал.

Democrats wake up! (<https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

Адресатом выступает демократическая партия и ее сторонники, то есть группа, которая формально уже оппозиционна Д. Трампу, но, по мнению протестующих, недостаточно активна. Цель протеста – призыв к действию и активности, направленной на сопротивление администрации Д. Трампа.

- Информативная функция отвечает за передачу информации. Западные исследователи концептуализируют протест как коммуникативный акт, влияющий на распространение информации в обществе: коллективные действия могут свидетельствовать о широте и глубине поддержки политической идеи, протесты могут служить информативным сигналом о приоритетах избирателей [16, с. 333].

I think the majority of this country is for abortion... just all the minority groups that are just get ignored by politicians and so I'm here today to show my support (0:40-0:50 <https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

В данном примере автор протестного высказывания подчеркивает, что разделяет ценности угнетенных групп и протестует вместе с ними по идеологическим соображениям. Это сообщение информирует аудиторию о расколе меж-

ду общественным мнением и действиями властей, тем самым указывая на демократический дефицит.

- Эмотивная функция отвечает за выражение и провоцирование эмоций как способа воздействия на участников, оппонентов и наблюдателей. В рамках политического дискурса она играет ключевую роль в усилении мобилизации, привлечении внимания и формировании эмоционального фона протеста.

There is so much bias and hatred and I have been a victim of it. (6:20-6:30 <https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>).

«*Bias*» и «*hatred*» — «предвзятость» и «ненависть» используются для подчеркивания необоснованной дискриминации по отношению к протестующим с целью вызвать сочувствие. Самоидентификация в качестве жертвы в свою очередь активизирует эмоциональный отклик у слушателей и наблюдателей, вызывая сочувствие, усиливая моральную легитимность протеста. Таким образом, эмотивные высказывания усиливают личностную значимость протеста для его участников и сторонников, превращая его из абстрактного политического акта гражданского сопротивления в эмоционально значимую необходимость.

Таким образом, понятие «протест» в настоящем исследовании рассматривается как решительное выражение несогласия. К ключевым признакам протестного действия мы относим интенциональность, публичность, оппозиционность и категоричность.

Политический протест функционирует как особый тип коммуникативного поведения, реализуя ряд коммуникативных функций: агональную, идентификационную, побудительную, информативную, эмотивную. Выявленные функции демонстрируют, что протест — это не только форма политического участия, но и сложное коммуникативное явление, способное влиять на общественное мнение, политические процессы и межгрупповые отношения. Следовательно, протест целесообразно рассматривать не только как политико-социальный феномен, но и как значимый объект лингвистического анализа, в рамках которого можно исследовать стратегию речевого воздействия, выбор языковых средств и

прагматические механизмы формирования смысла и эмоций в публичной сфере, что может составить перспективу исследования.

Список литературы

1. Jenkins J.S., Klandermans B. *The Politics of Protest: Comparative Perspectives on State and Social Movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press; London: UCL Press; 1995.
2. Акунина Ю.А. Феномен протеста в междисциплинарном научном дискурсе. *Культура. Наука. Творчество*. М.: Московский государственный университет культуры и искусств; 2017. с. 46.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. *Этика: Учебник*. М.: Гардарики; 2000. 472 с.
4. Мухаматшин А.Р. Исторический, идеологический, социальный аспекты в формировании американского политического дискурса и его манипулятивного потенциала. *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(4): 537–549.
5. Комалова Л.Р. Речевые практики протеста: ассоциативное исследование понятия. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;(12): 30–31.
6. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. М.: Русский язык; 1984.
7. Ефремова Т.Ф. *Современный толковый словарь русского языка*. М.: Российская энциклопедия, 1999.
8. Ушаков Д.Н. *Толковый словарь русского языка: в 4 т.* М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей; 1935–1940.
9. Cambridge Dictionary. Protest [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/protest> (дата обращения: 26.05.2025).
10. Merriam-Webster Dictionary. Protest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/protest> (дата обращения: 26.05.2025).
11. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык; 1989. 624 с.
12. Гусейнов А.Ш. *Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация*. Краснодар: Экоинвест; 2013. 468 с.
13. Василик М.А., Вершинин М.С., Деев Г.А., Козырев Г.И., Ланцов С.А., Панкратов С.А., Рогозарь-Колпакова И.И. *Политология: словарь-справочник*. М.: Гардарики; 2001. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/index.php (дата обращения: 20.05.2025).
14. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb). В кн.: *Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию*. М.: Институт социологии РАН; 1999. с. 144–177.
15. LIVE: Trump Latest News: '50 States' Anti-Trump Protests Movement LIVE | US Capitol Hill LIVE | N18G [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU> (дата обращения: 26.05.2025).
16. Lohmann S. A signaling model of informative and manipulative political action. *American Political Science Review*. 1993;87(2):319–333. <https://doi.org/10.2307/2939041>

References

1. Jenkins J.S., Klandermans B. *The Politics of Protest: Comparative Perspectives on State and Social Movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press; London: UCL Press; 1995.
2. Akunina Yu.A. The phenomenon of protest in interdisciplinary scientific discourse. *Culture. Science. Creativity*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv; 2017. P. 46. (In Russ.)
3. Guseinov A.A., Apresyan R.G. *Ethics: Textbook*. Moscow: Gardariki; 2000. 472 p. (In Russ.)
4. Mukhamatshin A.R. Historical, ideological, and social aspects in the formation of American political discourse and its manipulative potential. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(4): 537–549. (In Eng.)
5. Komalova L.R. Speech practices of protest: An associative study of the concept. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019;(12):30–31. (In Russ.)
6. Ozhegov S.I. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkii yazyk; 1984. (In Russ.)
7. Efremova T.F. *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Rossiiskaia entsiklopediia; 1999. (In Russ.)

8. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei; 1935–1940. (In Russ.)
9. Cambridge Dictionary. Protest. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/protest> [accessed 20.05.2025].
10. Merriam-Webster Dictionary. Protest. Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/protest> [accessed 20.05.2025].
11. Dictionary of foreign words. Moscow: Russkii yazyk; 1989. 624 p. (In Russ.)
12. Guseinov A.Sh. *Protest activity of the individua: Essence, dynamics, transformation*. Krasnodar: Ekoinvest; 2013. 468 p. (In Russ.)
13. Vasilik M.A., Vershinin M.S., Deev G.A., Kozyrev G.I., Lantsov S.A., Pankratov S.A., Rogozar'-Kolpakova I.I. Political science: Dictionary and reference book. Moscow: Gardariki; 2001. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/index.php [accessed 20.05.2025]. (In Russ.)
14. Kostiushev V.V., Gorkovenko V.V. *Sociological description of collective protest actions: Information database of protest actions (PRODAT-SPb)*. In: Social movements in modern Russia: From social problem to collective action. Moscow: Institut sotsiologii RAN; 1999. P. 144–177. (In Russ.)
15. LIVE: Trump Latest News: '50 States' Anti-Trump Protests Movement LIVE | US Capitol Hill LIVE | N18G. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU>
16. Lohmann S. A signaling model of informative and manipulative political action. *American Political Science Review*. 1993;87(2):319–333. <https://doi.org/10.2307/2939041>

Автор публикации

Малюжинский Алексей Владимирович –
Ассистент
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: lionm444@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-5190-9302>

Author of the publication

Malyuzhinsky Alexey Vladimirovich –
Assistant professor
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russian Federation
Email: lionm444@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-5190-9302>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.12.2025
Одобрена после рецензирования: 15.01.2026
Принята к публикации: 27.02.2026
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 01.12.2025
Approved after peer reviewing: 15.01.2026
Accepted for publication: 27.02.2026
The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81`42

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280>

**КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЕЖЛИВОГО ОТКАЗА В
КИТАЙСКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Л.Р. Мирзиева¹, А.Л. Семенова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹*ch_leisang@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>*

²*deli96kzn@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>*

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей репрезентации вежливости в китайском и корейском языках на примере ситуации отказа. Для этого мы подробно рассмотрели классификацию, предложенную Б.И. Караджевым, выделили те виды отказов, которые используются для смягчения негативных последствий коммуникации и угрозы лицу как адресата, так и адресанта. Материалом исследования послужили отобранные из лингвистических корпусов китайского и корейского языков диалоговые примеры. Как правило в «конфуцианских» культурах не принято благодарить, тем более принимать похвалу, важно в такой речевой ситуации продемонстрировать скромность, которая выражается посредством принижения своих достоинств и достижений. Следует отметить, что корейское конфуцианство обладает своей спецификой, в частности принципом «ыйри», который призывает заботиться об общественном благе и стремиться к балансу. Это объясняет деликатный и учтивый стиль общения в корейском языке, а также использование неясных, косвенных лексем и речевых оборотов. В китайском языке, для поддержания доброжелательного общения используются количественные квантификаторы и различные этикетные формулы. Так, основываясь на полученных результатах, к списку вежливых отказов был добавлен еще один – скромный отказ на комплимент.

Ключевые слова: вежливость; митигация; отказ; китайский язык; корейский язык; конфуцианство

Для цитирования: Мирзиева Л.Р., Семенова А.Л. Культурно-прагматический аспект вежливого отказа в китайском и корейском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 272–280. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280>

**CULTURAL AND PRAGMATIC ASPECT OF POLITE REFUSAL IN
CHINESE AND KOREAN LANGUAGES**

L.R. Mirzieva¹, A.L. Semenova²

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*ch_leisang@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>*

²*deli96kzn@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>*

Abstract. This article is devoted to identifying the features of politeness representation in the Chinese and Korean languages using the example of a refusal situation. For this purpose, we did

not consider the classification proposed by B.I. Karadzhev in detail, but identified those types of refusals that are used to mitigate the negative consequences of communication and threats to the face of both the addressee and the addresser. As a rule, in "Confucian" cultures it is not customary to thank, much less accept praise, it is important in such a speech situation to demonstrate modesty, which is expressed by belittling one's merits and achievements. Confucianism laid a solid foundation for the spiritual and cultural picture of the world of China and Korea, which had a significant impact on the national languages. It should be noted that Korean Confucianism has its own specifics, in particular the principle of "uiiri" ("一理"), which calls for being caring for the common good and striving for balance. This explains the delicate and polite style of communication in the Korean language, as well as the use of unclear, indirect lexemes and speech patterns. In Chinese, quantitative quantifiers and various etiquette formulas are used to maintain friendly communication. Based on the results, another one was added to the list of polite refusals – a modest refusal of a compliment.

Keywords: politeness; mitigation; refusal; Chinese language, Korean language, Confucianism

For citation: Mirzieva L.R., Semenova A.L. Cultural and Pragmatic Aspect of Polite Refusal in Chinese and Korean Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 272–280. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280> (In Russ.)

В поисках формулы продуктивного общения между его участниками Герберт Грайс, американский философ и лингвист в 80-ых годах прошлого столетия сформулировал модель кооперации, состоящей из постулатов-правил речевого поведения [4]. В последствии Дж. Лич открыл, что в речевом общении есть такой компонент, который толкает коммуникантов нарушать постулаты кооперации чтобы избежать негативных последствий высказываний, например конфликтов и нивелирования других коммуникативных рисков. Исследователь предположил, что это ничто другое как вежливость, другой краеугольный принцип коммуникации, который на порядок важнее других [10].

Важным компонентом вежливости является понятие лица. Упоминание этой категории как о ключевом инструменте для самопрезентации и создания конкретного образа «себя» в глазах окружающих, впервые появляется в трудах американского социолога Эрвинга Гоффмана[3]. Браун и Левинсон развили его теорию и выделили два уровня проявления лица – позитивное и негативное, которые в дальнейшем развились в понятие «позитивной» и «негативной» вежливости. Первый тип связан со стремлением личности продемонстрировать себя с наилучшей стороны, произвести благостное впечатление, демонстрируя симпа-

тию и одобрение, а второй с желанием минимизировать давление на адресата, который стремится сохранить индивидуальность, отстаивать свои убеждения и границы [1, с.28-29].

Несмотря на то, что большинство лингвистов поддерживают теорию вежливости Браун-Левинсон и сходятся в том, что «сохранить лицо» и не ударить лицом в грязь – общечеловеческий коммуникативный паттерн, однако есть и те, кто критикуют положения, выдвинутые учеными, аргументируя это тем, что западное представление о лице в корне отличается от восточного. В результате масштабного лингвистического эксперимента японские исследователи Ю. Мацумото и С. Идэ обнаружили, что «негативное лицо» проявляется не во внутренней интенции сохранять некоторую автономию и независимость во взглядах и действиях, а в потребности осознавать и ощущать «их место и роль в данной ситуации относительно социальных конвенций» [12, с.415-417].

Говоря о китайских исследователях, то следует отметить, что в отношении концепции «негативного» лица, они солидарны со своими японскими и корейскими коллегами. Л. Мао аналогично отмечает расхождение между его общепринятым, «классическим» пониманием в рамках модели Браун-Левинсона и китайским, продиктованным теми же уникальными культурными конвенциями и этическими нормами. Здесь ведущим механизмом выступает риск запятнать репутацию, утратить свой положительный образ в глазах собеседника и окружающих [3].

Помимо «лица», еще одним, не менее важным аспектом вежливой интеракции является коммуникативное смягчение. Оно представляет из себя набор лексико-грамматических, синтаксических и стилистических языковых средств, устойчивых речевых формул, которые служат «поддержанию» лица, устранению конфликтов и недопонимания между коммуникантами. Браун и Левинсон ввели универсальное обозначение для перечисленных инструментов языка – “softener”, так называемые «смягчители, амортизаторы» [1,с.28], во французском языке именуемые “adoucisseurs”, а в отечественной лингвистике –

«коммуникативное смягчение» или «митигация» (с лат. переводится «ослаблять», «смягчать»). Последний был предложен Фрейзером в 1980г. и в последующем, во многом благодаря исследованиям в данной области С.С. Тахтаровой, прочно закрепился в терминологической системе российского языкознания. Сама исследовательница помимо способности коммуникативного смягчения к снижению иллокутивной силы высказывания при одновременном сохранении его пропозиционального содержания, подчеркивала важную роль митигации в защите коммуникативного имиджа участников общения [14].

На основании изложенного можно заключить, что вежливость есть не что иное как универсальная категория, регулирующая межличностное общение, при этом прагматическая составляющая ее вербального и невербального выражения и способы репрезентации в рамках различных языков и культур будут обладать набором специфических черт. Более того, согласно Т.В.Лариной, различия в системах вежливости могут также касаться и отбора стратегий вежливости [9]. В этом понимании сходятся и российские ученые, включая И.А.Стернина и Е.А. Земскую [5]. Стернин подчеркивает, что в реальном общении вежливость необходимо изучать через речевой этикет [13, с.16].

Несмотря на то, что китайский и корейский языки не являются родственными языками, Китай и Корея на протяжении веков тесно взаимодействовали друг с другом на экономическом, политическом и социокультурном уровнях. Расцвет влияния конфуцианства, которое впоследствии стало ключевой государственной доктриной, регулирующей помимо этого также социальные отношения между членами общества пришелся на время правления династии Чосон, основанной в конце XIV в. При этом, следует, например отметить такой концепт как 의리 «ыйри» (вариант в ханча – “义理”), который отличает корейскую «версию» конфуцианства. Это своего рода моральный принцип, акцентирующий значимость верности, общественного блага над личным, единство, честность и чувство долга перед социумом и страной [8, с.78].

В словаре «Синьхуа» слово “拒绝” («отказ») определяется как оспаривание или несогласие с предложенной идеей или действием, которое может быть выражено на устном и письменном уровнях [15]. Варианты определений словосочетания “礼貌解决” «вежливый отказ» в китайских словарях различаются, однако они сходятся в том, что тот, кто отклоняет просьбу стремится проявлять такт и уважением, использовать смягчающие негативное воздействие формулировки. В «Стандартном словаре корейского языка» слово "거절" обозначает отклонение какого-либо запроса, приглашения или предложения [16]. Эта лексема относится к разным контекстам, включая бытовое общение и деловые переговоры. Согласно корейским словарям, роль вежливого отказа ("정중한 거절") заключается в нивелировании конфликтов и сведения к минимуму недовольства, вызванного отказом.

Теперь, когда мы установили ключевые аспекты концепта «отказа» в обоих языках, становится необходимым детально изучить типологию данного феномена, однако одна из очевидных проблем, с которой нам пришлось столкнуться – отсутствие единой классификации. В ходе исследования отдельное внимание привлекла типология отечественного лингвиста Б.И. Караджиева [6], которая явно перекликается с классификацией, предложенной психологом А.Г. Макеевой [12], есть только незначительные расхождения в названиях. Так прямой отказ по характеристикам идентичен конфликтному, отложенный – обещанию и т.д. Мы в свою очередь проанализировали типологию Б.И. Караджиева и сделали предположение о том, что компромиссный (альтернативный) и дипломатичный отказы являются подвидом отложенного.

Также, исходя из специфики объекта исследования, мы считаем нужным выделить отдельный тип – «отказ на комплимент», при котором работает конвенциональная установка реагировать несогласием, непринятием комплиментарных слов в свой адрес, что Гу Юй называет тактикой самоочернения [2, с.245]. Это связано с концептом скромности в традиционной китайской и ко-

рейской культуре, повышением статуса собеседника за счет понижения своего особенно если похвала исходит от старшего по социальной иерархии или возрасту.

Исходя из вышеизложенного, нам удалось выделить следующие типы вежливого речевого отказа: отложенный отказ (дипломатичный, альтернативный); сопереживающий (эмпатический) отказ: Квазиотказ (ложная и напускная форма отказа, относится к фатической форме коммуникации, скромный отказ на комплимент и обоснованный отказ. Далее приводится ряд выводов, которые были сделаны на основе сопоставительного анализа средств и форм выражения отказа в китайском и корейском языках в ситуациях отказа (были проанализированы порядка 100 диалогов из языковых корпусов [17,18] и учебников для изучающих корейский как иностранный [7]):

- в межличностном дискурсе обоих языков превалирует отложенный (альтернативный) тип отказа в сочетании с обоснованным. Обычным сценарием здесь становится объяснение отклонения просьбы или предложения, за которым следует компромиссный вариант, выраженный с помощью вопроса-апелляции (вопросительные окончания “怎么样/는 게 어때요”), что позволяет нам говорить об иллокутивном типе митигации. Также, следует отметить, что наличие обоснования причины отказа возможно необходимо для того, чтобы создать общий со слушателем контекст, который помог бы нейтрализовать возможные возражения собеседника;

- как квазиотказ, так и скромный отказ выполняют в основном фатическую роль в коммуникации, другими словами, представляют собой «наигранный», ложный отказ, который продиктован правилами речевого этикета (тактика скромности, самоочернения) и служит для поддержания позитивного имиджа говорящего. При этом, прагматические средства реализации речевых тактик разнятся: так, китайцы на комплимент, как правило, отвечают категорическим отказом, подчеркивая свою несостоятельность и некомпетентность, а ко-

рейцы обычно парируют встречным комплиментом, подчеркивая заслуги и достижения собеседника;

- наконец, если в китайском языке коммуникативное смягчение реализуется на уровне определенных лексем, речевых формул, то в корейском языке в зависимости от контекста, в котором разворачивается общение, говорящий выбирает определенный стиль, характеризующийся выбором конкретных грамматических и синтаксических форм. Так, рассмотренные нами примеры относятся к неофициально-вежливому стилю общения. Все это наталкивает нас на мысль о том, что в корейской межличностной коммуникации речевой этикет более проявлен, нежели в китайской.

Список литературы

1. Brown R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; 1978. P.28–30.
2. Gu Yu. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*. 1990; 14:237–257.
3. Гоффман Э. *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ*. пер. с англ. А.М. Корбута; под ред. М.М. Соколова. Москва: Элементарные формы; 2017. 381 с.
4. Grice H. *Paul Logic and conversation*. in P. Cole and J. Morgan (eds). Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New York: Academic Press; 1975. P. 41–58
5. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий. *Логический анализ языка: язык речевых действий*. – М.: Наука. 1994; 131–136
6. Караджев Б. И. *Адресация и адресат в процессах коммуникации*. М.; 2012. С. 74–88.
7. Куротченко К.Б., Леонов В., Швецов Ю.И. *Корейский язык: учебное пособие*. 1-е изд. Москва: КНОРУС; 2005. 253 с.
8. Кым Джантэ. *Конфуцианство в Корее*. Перевод: Ко Ен Чоль, Д.Е. Мартынов. Казань: Издательство Казанского университета; 2022. 182с.
9. Ларина Т. В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций*. М.: Языки славянских культур: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 507 с.
10. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London; 1983. 125p.
11. Макеева А.Г. Педагогическая профилактика наркотизма: Особенности и основные этапы. *Школьные технологии*. 2010; 100–113.
12. Matsumoto Yoshiko. Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*. 1988;12 (4):403–426.
13. Стернин И.А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории. *Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория*. Воронеж: Истоки. 2003; 22–47.
14. Тахтарова С.С. *Категория коммуникативного смягчения (когнитивнодискурсивный и этнокультурный аспекты)*. Диссертация доктора филологических наук. Волгоград, 2010. 430 с.
15. Словарь иероглифов Синьхуа. Большая китайская энциклопедия, 3-е издание, электронная версия. URL: <https://www.zgbk.com/> [дата обращения 25.04.2025]
16. Корейско-русский учебный словарь. Национальный институт корейского языка. URL: <https://krdict.korean.go.kr/rus/mainAction> [дата обращения 15.04.2025].
17. BCC Corpus (语料库). Пекинский университет языка и культуры. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/> [дата обращения 25.03.2025].

18. Корпус корейского языка. Национальный институт корейского языка. URL: <https://corpus.korean.go.kr/> [дата обращения 23.03.2025].

References

1. Brown R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; 1978. P.28–30.
2. Gu Yu. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*. 1990; 14:237–257.
3. Goffman E. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* Glencoe Free Press. Translated by A.M. Korbut; edited by M.M. Sokolov. Moscow: Elementary Forms; 2017. 381 p. (In Russ.)
4. Grice H. Paul Logic and conversation. in P. Cole and J. Morgan (eds). *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New York: Academic Press; 1975. P. 41–58.
5. Zemskaya E. A. The category of politeness in the context of speech acts. *Logical analysis of language: the language of speech acts*. M.: Nauka. 1994; 131–136.
6. Karadzhhev B.I. Addressing and addressee in communication processes. M.; 2012. P. 74–88. (In Russ.)
7. Kurotchenko K.B., Leonov V., Shvetsov Yu.I. *Korean language: a tutorial*. 1st ed. Moscow: KNORUS; 2005. 253 p. (In Russ.)
8. Keum Jang-tae. *Confucianism in Korea*. Translated by Ko Young Cheol, D.E. Martynov. Kazan: Kazan University Publishing House; 2022. 182 p. (In Russ.)
9. Larina T.V. Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. M.: Languages of Slavic cultures: Manuscript monuments of Ancient Rus, 2009. 507 p. (In Russ.)
10. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London; 1983. 125p.
11. Makeeva A.G. Pedagogical prevention of drug addiction: Features and main stages. *School technologies*. 2010;100–113. (In Russ.)
12. Matsumoto Yoshiko. Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*. 1988;12 (4):403–426.
13. Sternin I.A. Problems of describing politeness as a communicative category. *Communicative behavior. Issue 17. Politeness as a communicative category*. Voronezh: Istoki. 2003; 22–47. (In Russ.)
14. Takhtarova S.S. *Category of communicative softening (cognitive-discursive and ethnocultural aspects)*. Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Volgograd; 2010. 430 p. (In Russ.)
15. Xinhua Dictionary. The Great Chinese Encyclopedia, 3rd edition, online version. Available from: <https://www.zgbk.com/> [accessed: 05.05.2025]. (In Russ., In Chin.)
16. Korean-Russian educational dictionary. National Institute of the Korean Language. Available from: <https://krdict.korean.go.kr/rus/mainAction> [accessed: 05.05.2025]. (In Russ., In Kor.)
17. BCC Corpus (BCC 语料库 - Beijing Language and Culture University Corpus). Beijing Language and Culture University. Available from: <https://bcc.blcu.edu.cn/> [accessed 26.05.2026].
18. Corpus of the Korean Language. National Institute of the Korean Language. Available from: <https://corpus.korean.go.kr/> [accessed 23.03.2025].

Авторы публикации

Мирзиева Лейсан Рифхатовна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ch_leisang@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>

Семенова Аделина Леонидовна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: deli96kzn@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>

Authors of the publication

Mirzieva Leisan Rifhatovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ch_leisang@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>

Semenova Adelina Leonidovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: deli96kzn@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>

***Раскрытие информации о конфликте
интересов***

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.05.2025

Одобрена после рецензирования: 15.07.2025

Принята к публикации: 27.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 29.05.2025

Approved after peer reviewing: 15.07.2025

Accepted for publication: 27.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`23

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.281-291>

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ КОЛЛЕКТИВНОГО
РАСПОЗНАВАНИЯ МЕТАФОР: МОДЕЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО
РЕЗОНАНСА**

Е.А. Сидельникова¹, А.В. Сазонова²

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия*

¹*e.sidelnikova_7@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6850-8640>*

²*a.v.sazonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6244-5636>*

Аннотация. Статья посвящена психолингвистическому анализу механизма коллективного распознавания метафор, чья природа изначально субъективна. Авторы исследуют, каким образом личное выражение в публичном дискурсе обретает статус общезначимого феномена. В основе этого процесса лежит активация универсальных для лингвокультурного сообщества структур: базовых когнитивных схем, глубинных культурных кодов и эмоциональных архетипов. В качестве центрального объяснительного механизма предлагается концепция семантического резонанса. Семантический резонанс понимается как момент, когда индивидуальное высказывание входит в фазу с коллективным смысловым полем, благодаря чему актуализируется новое, продуктивное и более точное понимание прецедентности метафоры.

Для анализа этого феномена в статье предлагается четырехуровневая модель, исследующая взаимодействие культурных кодов (архетипы, мифы), когнитивных схем (пространственные метафоры), эмоционального отклика (активация лимбической системы) и медиатизации (повтор, визуализация, алгоритмическое распространение). Практическая эффективность модели демонстрируется на примере анализа актуальных метафор из современного российского медиадискурса. Доказывается, что прецедентность – это коллективная культурно-лингвистическая память, передающаяся через повтор, контекст и визуальную репрезентацию. Таким образом, коллективное понимание метафоры предстает не как случайность, а как следствие сложной, но системной психолингвистической организации.

Ключевые слова: метафора; семантический резонанс; культурный код; когнитивная схема; медиатизация; прецедентность

Для цитирования: Сидельникова Е.А., Сазонова А.В. Психолингвистический механизм коллективного распознавания метафор: модель семантического резонанса. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 281–291. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.281-291>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.281-291>

PSYCHOLINGUISTIC MECHANISM OF COLLECTIVE METAPHOR RECOGNITION: A MODEL OF SEMANTIC RESONANCE

E.A. Sidelnikova¹, A.V. Sazonova²

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

¹e.sidelnikova_7@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6850-8640>

²a.v.sazonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6244-5636>

Abstract. The article is devoted to a psycholinguistic analysis of the mechanism behind the collective recognition of metaphors, despite their inherently subjective nature. The authors explore how a personal expression in public discourse acquires the status of a universally significant phenomenon. This process is based on the activation of structures universal to the linguocultural community: fundamental cognitive schemas, deep cultural codes, and emotional archetypes. The concept of semantic resonance is proposed as the central explanatory mechanism. Semantic resonance is understood as the moment when an individual utterance enters a phase with the collective semantic field, thereby actualizing a new, productive, and more accurate understanding of the metaphor's precedent meaning. To analyze this phenomenon, the article proposes a four-level model that examines the interaction of cultural codes (archetypes, myths), cognitive schemas (spatial metaphors), emotional response (activation of the limbic system), and mediatization (repetition, visualization, algorithmic dissemination). The model's practical efficacy is demonstrated through the analysis of contemporary metaphors from modern Russian media discourse. It is argued that precedence is a form of collective cultural-linguistic memory, transmitted through repetition, context, and visual representation. Thus, the collective understanding of a metaphor is shown to be not a matter of chance, but a consequence of a complex, yet systematic, psycholinguistic organization.

Keywords: metaphor; semantic resonance; cultural code; cognitive schema; mediatization; precedentness

For citation: Sidelnikova E.A., Sazonova A.V. Psycholinguistic Mechanism of Collective Metaphor Recognition: a Model of Semantic Resonance. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 281–291. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.281-291> (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования определяется изучением взаимосвязи языковых значений и когнитивных механизмов вербального структурирования знаний о мире. Особую значимость эта проблема приобретает в эпоху цифровой трансформации медиапространства, которая выдвигает на первый план феномен коллективного распознавания метафоры, что соответствует предмету данной работы. Изначально субъективная по своей природе метафора тем не менее способна мгновенно находить отклик у миллионов людей разных возрастов и социаль-

ных групп, что ставит под вопрос психолингвистические механизмы, обеспечивающие такое массовое понимание. В связи с этим основная цель – выявить психолингвистические механизмы, лежащие в основе коллективного распознавания метафор, и разработать модель, объясняющую данный феномен.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: разработать теоретическую модель семантического резонанса; проанализировать репрезентативные примеры метафор из современного российского медиадискурса; определить педагогические импликации модели для формирования метафорической компетенции.

Материалом, подлежащему анализу, послужили метафоры, отобранные методом сплошной выборки из новостных порталов («РИА Новости», «ТАСС», «Коммерсантъ») и телеграм-каналов за 2025 г. Теоретическую базу составляют работы в области когнитивной теории метафоры [1], лингвокультурологического подхода к изучению метафоры [2; 3] и исследований медиатизации как трансформационного процесса [4]. Концептуальный анализ и метод лингвокогнитивного моделирования позволили сконструировать авторскую четырехуровневую модель семантического резонанса.

Теоретические основы коллективного распознавания метафоры

Современная риторика носит мультимодальный характер. Визуальный ряд, включающий инфографику, видеоролики и анимацию, интегрируется с вербальным текстом и усиливает его прагматическую эффективность, когнитивную доступность и эмоциональную вовлеченность. Подобное изменение согласуется с концепцией языковой картины мира как динамической когнитивной модели, формируемой не только лексическими единицами, но и сложной сетью символов, образов и ассоциаций [5, с. 115]. В таких условиях лексическое значение утрачивает стабильность, становится контекстно зависимым и способно трансформироваться вплоть до приобретения противоположного смысла.

В описанном коммуникативном контексте особую роль приобретают те языковые средства, которые способны одновременно нести смысловую плот-

ность, эмоциональную заряженность и визуальную образность. Наиболее ярким примером такого средства выступает метафора, природа которой изначально субъективна, но все чаще становится объектом коллективного распознавания.

Коллективное распознавание субъективной метафоры становится возможным благодаря глубинным структурам лингвокультурного сообщества, прежде всего, культурному коду и прецедентности значения. Культурный код представляет собой устойчивый отпечаток коллективного опыта, закрепленный в ментальности и передаваемый из поколения в поколение [6]. Как отмечает Т.В. Борисенко, «концептуальная категория представляет собой объемное формирование с множеством слоев. Каждый слой отражает разные стороны понимания концепта и характеризуется своим набором концептов. При этом некоторые концепты могут принадлежать разным слоям категории, реализуя тот или иной признак. Слои отражают социальные, общекультурные, профессиональные, религиозные, технические и т.п. аспекты» [7, с. 523]. Прецедентность, в свою очередь, обеспечивает узнаваемость языковых единиц за счет их связи с общим фондом знаний – корпусом прецедентных текстов и ситуаций, порождающих особые смыслы для носителей языка [2; 3].

Согласно теории концептуальных метафор Д. Лакоффа и М. Джонсона, данный стилистический прием – это не украшение речи, а фундаментальный способ мышления [1]. В своей работе “The Body in the Mind” М. Джонсон описывает когнитивные схемы, такие как “source-path-goal”, “container” и другие, которые строятся на основе телесного опыта и служат основой для понимания абстрактных понятий (политики, времени, общества) через конкретные переживания (движение, ограничение, борьбу) [8].

Более того, как показывают исследования в области нейролингвистики, метафорические выражения активируют не только зоны речи, но и лимбическую систему, отвечающую за эмоции, мотивацию и память [9]. Поэтому реципиент не просто понимает метафору, он чувствует ее. Эмоциональный отклик

синхронизируется с коллективным настроением, формируемым медиа-ландшафтом.

Однако для того, чтобы эмоционально заряженная метафора вышла за пределы индивидуального восприятия и стала феноменом коллективного сознания, требуется ее тиражирование в медиапространстве. Именно здесь ключевую роль играет медиатизация – процесс, в ходе которого медиалогика форматирует содержание под свои требования: визуальность, краткость, эмоциональную насыщенность и алгоритмическую повторяемость [4]. Благодаря мемам, инфографике, аудиовизуальным триггерам и алгоритмам социальных сетей метафора не только закрепляется в общественном сознании, но и приобретает способность к автономному распространению, становясь устойчивым элементом дискурса.

Четырехуровневая модель семантического резонанса

Резюмируя вышесказанное, отметим, что читатель / слушатель не просто декодирует метафору, он переживает ее эмоционально. Эмоциональный отклик синхронизируется с коллективным аффективным фоном, формируемым медиа-ландшафтом. Именно в этот момент возникает семантический резонанс – фазовое совпадение индивидуального высказывания с коллективным смысловым полем, в результате которого актуализируется новое, продуктивное и более точное понимание прецедентности метафоры.

Синтез рассмотренных подходов позволяет постулировать, что коллективное распознавание метафоры является результатом системного взаимодействия четырех уровней. Для описания этого взаимодействия нами предлагается четырехуровневая модель семантического резонанса:

Таблица 1. Четырехуровневая модель семантического резонанса

Уровни коллективного распознавания метафоры	Элементы и интерпретация
Культурный код	Распознавание архетипов (борьба добра и зла, стихия как угроза), мифологических сюжетов (потоп, искупление) и исторических образов, зафиксированных в коллективной памяти.
Когнитивная схема	Активация универсальных телесных структур восприятия: пространственных метафор («вверх = хорошо / вниз = плохо»), схемы

	«контейнер» (границы, защита), схемы «сила» (давление, сопротивление).
Эмоциональный отклик	Вовлечение лимбической системы, вызывающее базовые эмоции (тревога, удивление, надежда, отвращение) и формирующее эмоциональную вовлеченность реципиента.
Медиатизация	Закрепление метафоры через повтор в СМИ, визуализацию (мемы, инфографика) и алгоритмическую репликацию в цифровой среде.

Модель может быть проиллюстрирована примерами из медиадискурса. Так, метафора *«глоток свежего воздуха в этой невнятице»* («Коммерсантъ», 06.08.2025) активизирует архетип очищения и возрождения через природную стихию, а также мифологический сюжет о спасении в условиях хаоса. Когнитивно она опирается на схему «контейнер» («невнятица» как замкнутое, душное пространство; «воздух» как содержимое, проникающее внутрь) и схему «вверх = жизнь / вниз = застой» (воздух ассоциируется с верхней, свободной зоной, в отличие от «невнятицы», воспринимаемой как тягостное, давящее состояние). Эмоциональный отклик включает облегчение, надежду и ощущение обновления – переход от когнитивного дискомфорта («невнятица» как состояние неопределенности, размытости смысла) к ясности и эстетическому удовлетворению. Визуализация через контрастные образы усиливает эффект медиатизации, способствуя превращению метафоры в мем (#невнятность / #ясность) и ее вирусному распространению.

Метафора *«быть на острие технологического лидерства»* («РИА Новости», 15.09.2025) активизирует архетип первопроходца. Когнитивно она опирается на схему «перед = будущее / инновации» (острие как передовая часть объекта, направленная вперед) и схему «вверх = превосходство» (острие как вершина, пик достижения). Телесный опыт взаимодействия с острыми предметами (нож, игла) формирует ассоциацию остроты с точностью и эффективностью, но одновременно – с потенциальной опасностью и напряжением. Эмоциональный отклик включает амбициозность, гордость за достижения и ощущение динамики, сопровождаемое легкой тревогой («острое = уязвимое, требующее баланса»). В

медиасреде метафора закрепляется через хештег #острие и тиражируется в деловом дискурсе.

Метафора *«бежевые мамы»* (Блог-канал «Шэринг. Экология. Рациональность», 02.12.2025) активизирует архетип гармонии и упорядоченности, а также миф о спокойствии и стабильности как ценностях современной жизни. Когнитивно она опирается на схему «цвет = состояние» (бежевый как нейтральный, спокойный тон) и «состояние = выбор» (стиль жизни как выражение личных ценностей). Эмоциональный отклик включает ощущение умиротворения, порядка и эстетического удовлетворения, а также чувство принадлежности к современной культуре. Визуализация через изображения интерьеров, одежды и аксессуаров в бежевых тонах усиливает эффект медиатизации, делая метафору легко узнаваемой и распространяемой в социальных сетях как символ современного стиля жизни. Тренд #бежевыемамы сгенерировал 8,4 тыс. постов в «Телеграме» за месяц, а инфографика «Палитра бежевого» получила не менее 45 тыс. просмотров.

Метафора *«началось восхождение полководческой звезды будущего генералиссимуса Александра Суворова»* («ТАСС», 19.07.2025) активизирует архетип героя-победителя и мифологический сюжет о восхождении к славе через испытания. На уровне культурного кода она опирается на историческую память о Суворове как национальном символе воинской доблести, непобедимости и патриотизма, закреплённом в коллективном сознании через литературу, монументы и военную традицию. Когнитивно метафора использует две универсальные схемы: «вверх = успех / признание» (восхождение как вертикальное движение к вершине) и «светиться = выделяться / быть значимым» (звезда как источник света в темноте, символ уникальности и ориентира). Телесный опыт наблюдения за восходящими звездами на ночном небе формирует ассоциацию с постепенностью, неизбежностью и величием процесса. Эмоциональный отклик включает восхищение, гордость за историческое наследие и ощущение преемственности поколений. Визуализация через портреты молодого Суворова в ис-

торических реконструкциях, анимированные карты его первых побед и символику звезд на военных наградах усиливает эффект медиатизации, делая метафору легко узнаваемой и эмоционально резонансной для широкой аудитории. Метафора трансформировалась в анимированный мем «Восхождение звезды» с 22 тыс. просмотров и продвигалась алгоритмами как «патриотический контент».

Во всех случаях распознавание метафоры происходит через автоматизированные когнитивные процессы, ставшие мгновенными благодаря предварительной обработке на уровнях модели. Хотя процесс воспринимается как мгновенный «ассоциативный скачок», он опирается на систему логических связей между культурным кодом, когнитивной схемой и эмоциональным откликом [10, с. 459]

Важно отметить, что предложенная модель в первую очередь описывает механизмы коллективного распознавания метафоры в современном медиадискурсе, где доминируют требования к скорости, эмоциональной вовлеченности и ориентированности на быстрое распространение. В других коммуникативных сферах, например, в художественной литературе, метафора может быть эффективной, опираясь лишь на часть уровней (преимущественно когнитивные и культурные), что не противоречит модели, а указывает на ее контекстуальную специфику.

Медиаформат выступает не пассивным каналом, а активным модулятором, «переключающим» режимы восприятия одной и той же концептуальной структуры. Текстовый формат активирует преимущественно логико-семантический путь обработки, апеллируя к уровням культурного кода и когнитивных схем. Аудиовизуальные и меметические форматы запускают перцептивно-эмоциональный путь, оказывая прямое воздействие на эмоциональный отклик и мгновенно актуализируя архетипы. Таким образом, уровень «медиатизации» в модели выступает системным драйвером, определяющим траекторию коллективного распознавания метафоры в цифровой среде.

Педагогические импликации

Модель семантического резонанса имеет прикладное значение для методики преподавания русского языка. В курсе РКИ (русский как иностранный) и в средней школе метафорическое мышление формируется через осознанную работу с четырьмя уровнями модели:

Культурный код – знакомство с архетипами и прецедентными текстами русской культуры (сказки, пословицы, классическая литература) через сравнительный анализ с культурой учащегося. Например, анализ метафоры «*буря в стакане воды*» сопровождается обсуждением архетипа стихии и его проявлений в национальных традициях.

Когнитивная схема – тренинг универсальных схем через телесные практики (жестовое моделирование схемы «вверх/вниз») и визуальные опоры. Упражнение: учащиеся физически изображают движение «вверх» (радость, успех) и «вниз» (печаль, неудача), затем соотносят с русскими выражениями («настроение поднялось», «упал духом»).

Эмоциональный отклик – рефлексия собственных эмоций при восприятии метафор, сравнение с реакцией носителей языка в безопасной учебной среде. Упражнение: учащиеся оценивают эмоциональную окраску метафор («теплые слова», «холодный прием») по шкале от –5 до +5 и обсуждают различия в восприятии.

Медиатизация – анализ мемов и медиатекстов для понимания механизма распространения метафор в цифровой среде. Упражнение: учащиеся находят в соцсетях примеры метафоры «зеленая волна» и анализируют, как визуальные элементы усиливают ее смысл и способствуют распространению.

Такой подход способствует формированию метафорической компетенции как компонента межкультурной коммуникации, что соответствует современным требованиям к обучению языкам в условиях цифровой трансформации образования.

Выводы

Таким образом, коллективное распознавание метафоры, несмотря на ее субъективную природу, объясняется не случайностью, а глубокой психолингви-

стической организацией, систематизированной в предложенной модели семантического резонанса. В цифровую эпоху метафора – это не статичный «семантический триггер», а динамичный процесс, где культурные коды и когнитивные схемы актуализируются и заряжаются эмоцией в зависимости от медиаформата, будь то глубинная статья, новостной сюжет или ироничный мем.

Практическая значимость модели проявляется в двух направлениях:

1) методология анализа метафор в медиадискурсе с учетом их цифровой трансформации;

2) технология формирования метафорической компетенции в обучении русскому языку. Понимание дифференцированных механизмов семантического резонанса становится ключом не только к анализу дискурса, но и к развитию медиаграмотности и критического мышления у учащихся в условиях цифровой коммуникации.

Список литературы

1. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС; 2004. 256 с.
2. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. 6-е изд. М.: ЛКИ; 2007. 456 с.
3. Опарина Е.О. *Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме*. Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyy-tekst-i-ego-rol-v-kulturno-yazykovom-sotsiume> (дата обращения: 15.01.2026)
4. Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. *Медиазация как исследовательский концепт*. ПРАЕНМА. 2021; 2(28): 7–28. DOI: 10.24412/2415-078X-2021-2-7-28
5. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Полисемия, контекст и трансляция смыслов. *Современные исследования социальных проблем*. 2020; 12(5): 112–125. DOI: 10.12737/2219-9854-2020-12-5-112-125
6. Батыршин Р.И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы. *Вестник культуры и искусств*. 2024; 1(77): 46–54.
7. Борисенко Т.В. Организация структуры концептуальной категории. *Казанский лингвистический журнал*. 2022; 5(4): 523–534. DOI: 10.26907/2658-3321.2022.5.4.523-534
8. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press; 1987. 280 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226992965.001.0001
9. Pulvermüller F. How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*. 2013; 17(9): 458–470. DOI: 10.1016/j.tics.2013.06.004
10. Сидельникова Е.А., Яковлева Е.В. Формы речевой репрезентации культурообусловленных ценностей в массмедиа. *Когнитивные исследования языка*. 2023; 3-1(54): 455–460. EDN VDHVXX

References

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS; 2004. 256 p. (In Russ.)
2. Karaulov Yu.N. *Russian language and language personality*. 6th ed. Moscow: LKI; 2007. 456 p. (In Russ.)

3. Oparina E.O. *Precedent text and its role in the cultural-linguistic community*. Sociolinguistics Yesterday and Today. 2004. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyy-tekst-i-ego-rol-v-kulturno-yazykovom-sotsiume> (accessed: 15.01.2026) (In Russ.)
4. Artamonova Yu.D., Volodenkov S.V. *Mediatization as a research concept*. PRAXEMA. 2021; 2(28): 7–28. DOI: 10.24412/2415-078X-2021-2-7-28 (In Russ.)
5. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Polysemy, context and meaning translation. *Modern Research of Social Problems*. 2020; 12(5): 112–125. DOI: 10.12737/2219-9854-2020-12-5-112-125 (In Russ.)
6. Batyrshin R.I. On the concept of the nation's cultural code: linguistic and culturological approaches. *Bulletin of Culture and Arts*. 2024; 1(77): 46–54. (In Russ.)
7. Borisenko T.V. Organization of the Conceptual Category Structure. *Kazan Linguistic Journal*. 2022; 5(4): 523–534. DOI: 10.26907/2658-3321.2022.5.4.523-534 (In Russ.)
8. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press; 1987. 280 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226992965.001.0001
9. Pulvermüller F. How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*. 2013; 17(9): 458–470. DOI: 10.1016/j.tics.2013.06.004
10. Sidelnikova E.A., Yakovleva E.V. Forms of speech representation of culture-conditioned values in mass media. *Cognitive Studies of Language*. 2023; 3-1(54): 455–460. EDN VDHVXX (In Russ.)

Авторы публикации

Сидельникова Екатерина Алексеевна –
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Санкт-Петербургский политехнический
университет

Санкт-Петербург, Россия
Email: e.sidelnikova_7@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-6850-8640>

Сазонова Александра Викторовна –
старший преподаватель
Санкт-Петербургский политехнический
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: a.v.sazonova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6244-5636>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2026
Одобрена после рецензирования: 15.03.2026
Принята к публикации: 29.03.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Sidelnikova Ekaterina Alekseevna –
PhD of Philology, Senior Teacher
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint-Petersburg, Russia
Email: e.sidelnikova_7@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-6850-8640>

Sazonova Alexandra Victorovna –
Senior Teacher
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint-Petersburg, Russia
Email: a.v.sazonova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6244-5636>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.02.2026
Approved after peer reviewing: 15.03.2026
Accepted for publication: 29.03.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81.276

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.292-300>

ЖАРГОН КРЫСОВОДОВ КАК НОВОЕ СОЦИОЛЕКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Е.В. Хабибуллина¹, О.В. Гаранина², А.Р. Рахимова³

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия,*

¹*elvikh@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7990-850X>*

²*olge1703@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7056-6761>*

³*rar1987145@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-7274-9649>*

Аннотация. Настоящая работа выполнена в рамках направления 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) и посвящена вопросам социальной вариативности языка. Выявляются особенности речевого поведения владельцев декоративных крыс, позволяющие говорить о формировании жаргона крысодов как нового социолектного явления. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения процессов, протекающих в сфере социальных диалектов современного языка, в том числе появлением новых жаргонов, формирование и развитие которых тесно связано с интернет-коммуникацией. Исследование велось на основе русского языка, анализировались материалы интернет-сообществ любителей крыс, а также специализированных форумов, описаны предпосылки и этапы возникновения дискурса ратофилов в России. Цель исследования – выявить особенности коммуникации крысодов, позволяющие говорить о становлении жаргона крысодов как особой разновидности языка, характеризующейся типичными социолектными чертами. В ходе исследования было проведено сопоставление с кинологическим жаргоном и жаргоном зоозащитников, выявлены элементы сходства с *infant directed speech*. Делается вывод о высоком уровне речевой экспрессии в коммуникации ратофильских сообществ, определены средства ее выражения, описываются особенности репрезентации очагов речевого напряжения, рассматриваются средства выражения языковой игры в коммуникации ратофилов. В статье анализируются лексические, а также словообразовательные особенности данного жаргона, делается вывод об отражении в нем актуальной в российском обществе тенденции к антропоморфизации домашних питомцев.

Ключевые слова: социальный диалект; жаргон; крысодовы; жаргонная лексика; словообразование

Для цитирования: Хабибуллина Е.В., Гаранина О.В., Рахимова А.Р. Жаргон крысодов как новое социолектное явление русского языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 292–300. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.292-300>

RAT-FARMERS' JARGON AS A NEW SOCIOLECT PHENOMENON

E.V. Khabibullina¹, O.V. Garanina², A.R. Rakhimova³

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*elvikh@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7990-850X>*

²*olge1703@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7056-6761>*

³*rar1987145@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-7274-9649>*

Abstract. This work, conducted within the framework of the 5.9.8. Theoretical, Applied, and Comparative Linguistics (Philological Sciences) program, examines the social variability of language. It identifies specific features of the speech behavior of pet rat owners, suggesting the development of rat-breeding jargon as a new sociolectual phenomenon. The relevance of this work stems from the need to study processes occurring in the sphere of social dialects of modern language, including the emergence of new jargons, the formation and development of which is closely linked to online communication. The study was conducted using the Russian language, analyzing materials from online communities of rat lovers, as well as specialized forums, and describing the preconditions and stages of the emergence of ratophile discourse. The purpose of this study is to identify the communication characteristics of rat-fanciers that allow us to discuss the development of rat-fanciers' jargon as a distinct language variety characterized by typical sociolect features. The article analyzes the lexical and word-formation features of this jargon, concluding that it reflects the current trend in Russian society toward anthropomorphizing pets.

Keywords: social dialect; jargon; rat-fanciers; jargon vocabulary; word-formation

For citation: Khabibullina E.V., Garanina O.V., Rakhimova A.R. Rat-Farmers' Jargon as a New Sociolect Phenomenon in the Russian Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 292–300. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.292-300> (In Russ.)

В современной теоретической и прикладной лингвистике не ослабевает интерес к социальной вариативности речи, ведется активное изучение особенностей коммуникации внутри разных социальных групп, в поле зрения исследователей попадают новые объекты. Появляются работы, посвященные анализу форумных социолектов, например «мамскому» сленгу и т. д. Интернет-общение способствует развитию новых социолектных явлений, в том числе в рамках дискурса владельцев домашних животных.

Лингвистические исследования в области коммуникации владельцев домашних животных ведутся относительно недавно. Более активно изучается профессиональный ветеринарный дискурс, дискурс фелинологов и кинологов, в то время как дискурс любителей домашних питомцев остается малоизученным; о том, что в общении владельцев домашних животных есть черты, которые поз-

воляют видеть в нем реализацию социолектных явлений, практически не говорится. Разнообразие видов в домашнем содержании на сегодняшний день довольно велико, на этом фоне хомяки, декоративные мыши и декоративные крысы уже не воспринимаются как экзотика, хотя их разведение за пределами лабораторий началось лишь во второй половине XX века. В данной работе рассматриваются особенности общения владельцев домашних крыс, в рамках которого происходит формирование и развитие нового социолекта.

Крыс, которые находятся в домашнем содержании и разведении (*Rattus Norvegicus forma domestica*), принято называть декоративными, это результат доместификации дикой серой крысы-пасюка (*Rattus Norvegicus*). История одомашнивания крыс является недолгой, отличия декоративных крыс от диких не так значительны. *Rattus Norvegicus forma domestica* не имеет пород, есть только разновидности. Мы говорим здесь об этом как о факторах, определяющих высокий уровень общности интересов ратофилов, а значит и способствующих формированию и распространению в их среде языковых особенностей, которые развиваются в социолект, объединяющий владельцев как декоративных крыс, так и пасюков.

Организованная коммуникация русскоязычных крысководов начиналась в формате сетевого общения, первой площадкой был созданный в 2001 году сайт «Домик голубой крысы» (rat.ru), затем стали появляться сообщества владельцев крыс в разных городах. Несмотря на то, что их участники сейчас практикуют организацию регулярных встреч для живого общения, интернет-формат остается преобладающим, у каждого сообщества есть своя группа в соцсетях, на тематических сайтах активно работают форумы (ratmania.ru, wildrats.ru, ratclub.spb.ru, rattat.mybb.ru, «Сообщество помощи крысам с тяжелой судьбой», «Доктор Крыс» и др.). Цифровая среда способствует росту количества коммуникантов, группы пополняются новыми участниками, это способствует и распространению специфической лексики, принятой в группе. Сами крысководы в ходе языковой рефлексии констатируют наличие особых лексических единиц,

использование которых явно указывает на принадлежность к особой группе [1, с. 585]: *«В компании далекой от крысководства вы рассказываете о крысе, используя крысиные термины и очень удивляетесь, когда видите непонимающий взгляд...»*.

Как социолектное явление жаргон крысководов должен относиться к групповым жаргонам, а соответственно характеризоваться такими чертами, как стремление к языковой игре и экспрессивности [2, с. 467]. Наблюдения показывают, что владельцы крыс в основном отличаются высоким уровнем эмоциональности, ощущая себя при этом в некотором противостоянии обществу: *«Когда заводишь крыс, то становишься таким неформалом. ...чувствуешь за собой такую особенность – что у тебя есть крысы»*. Чувство особости, нестандартности отмечается в качестве фактора, побуждающего ту или иную группу к обособлению речи. Увлечение крысами часто оценивается негативно, поскольку в соответствии с коллективным опытом крысы воспринимаются как вредители и разносчики заболеваний, так что крысководы нередко вынуждены отстаивать право на свое увлечение: *«Вы имеете полное право любить своих крыс также сильно, как любят кошек, собак, лошадей и других, нормальных с точки зрения окружающих животных»*, отсюда распространенность в материалах их сайтов хештега #МыНеФу. Этим также определяется сплоченность данной социальной группы. Таким образом, следует признать, что существуют объективные условия для становления и развития данного жаргона.

Сегодня мы наблюдаем смещение акцентов в содержании домашних животных: утилитарные функции отходят на второй план, первостепенной становится возможность удовлетворить эмоциональные и эстетические потребности, животное наделяется антропоморфными чертами. В отношении к содержанию крыс также произошли изменения: благодаря просветительской деятельности сообществ ратофилов пропагандируется более ответственный подход к заведению и содержанию крыс. В ратофильском дискурсе также проявляются черты антропоморфизации питомцев. Так, крысководы используют называют себя

крысомать, крысомама, крысопапа, крысоняня, укрысовитель. Номинации людей становятся производящей основой и для обозначения крыс (*крысодевка, крысодед, крысопацан, крысомальчик, крысодевочка, крысобабка, крысодедушка, крысостарик, крысобабушка, крысодама, крысоджентльмен, крысоледи, крысопринц*), возможно и непосредственное использование номинации человека для указания на пол или возраст крысы (*дед, бабука, мальчик, девочка, парнишка, девчуля*). Из так называемого «мамского» сленга заимствуются слова, называющие ребенка (*шилопон* – молодая, активная крыса, *годовасик* – годовалая крыса), при этом они могут приобретать другое значение: *пузожитель* (крыса за пазухой), *спиногрыз* (крыса, дислоцирующаяся под майкой в районе спины). Как проявление антропоморфизации можно отметить использование фонетического искажения слов по моделям, типичным для *infant directed speech*, в комментариях к постам с фотографиями крыс (*милафки, иладкий, фладкий, халосый, квыса, клыса*), а также при стилизации речи питомца (*сьто, тьто, отень*).

Упорядочение деятельности по разведению и содержанию животных предполагает негативное отношение к несоблюдению соответствующих норм и правил. Так, исследователи коммуникации кинологов указывают на наличие в ней очага речевого напряжения, выражающегося в том числе в появлении номинаций недобросовестных заводчиков собак (*разведенцы, плодильщики*) [3, 3117]. Данные лексемы входят и в жаргон ратофилов. Словом *крысковод* называют только того, кто «содержит крыс не абы как, а грамотно». Одна из черт «настоящего» крысоведа – желание убедить окружающих в том, что крыса один из лучших вариантов домашних питомцев [4, 1736]. Для особенно пассивных ратофилов используются номинации *крысоманьяк, крысолуб* («человек, серьезно больной крысоманией и пребывающий в опасном для общества состоянии. ...Обладает умением – вербование»). Завести крысу – вступить в *крысосекту*: эта номинация указывает как на обособленность, о которой говорилось выше, так и на высокую степень увлеченности своей деятельностью.

Наличие опыта, глубокие знания в области содержания крыс – это характеристики *крысогуру*, так же называют ветеринара-родентолога (ратолога) высокой квалификации. Поскольку декоративные крысы подвержены разнообразным заболеваниям, возможность получить консультацию у квалифицированного родентолога приобретает особое значение, на сайте *ratmania.ru* находим следующее шутливое определение: «*Ратолог – великий человек, которому поклоняются все крысководы и попеременно ведут к нему совместные или отдельные паломничества*». Таким образом, общение крысководов демонстрирует высокий уровень речевой экспрессии как ключевой характеристики любого жаргона.

Учитывая, что экспрессивность жаргонной речи реализуется, прежде всего, в словотворчестве, мы можем наблюдать в постах крысководов разнообразие дериватов с установкой на выразительность, языковую игру. Это, например, контаминационные дериваты *крысота, крысавица, красенок, мышинист, крысыгательство, жмякиш, пасюкомое, мышшаж, крысьшуй, акрысуар*; субстантивные суффиксальные дериваты (*крысич, крысюк, мышел, крысяка, крысуня, крысюня, крысюка, крысявочник, крысюль, крысье, декорашка*), слова, образованные путем усечения (*мыш, крыс, крысь*), конфиксальные и суффиксальные глагольные дериваты (*выпасючиваться, скрыснуть, гормоналить, уютиться, вкуснячить, обкрыснуть*), сложные слова (*крысокреветко, крысоблохи*). Возникающая как выражение индивидуальной лингвокреативности, многие из таких окказионализмов входят в общее употребление в группах крысовладельцев, особенно если они являются результатом потенциального словообразования (*жмякательный, тискательный, целовательный* – характеристики крысы), а также если они называют специфические повадки (*пучеглазить, вертолетить, паровозить, змеить*) и т.д. Выявляются слова, образованные по моделям «языка падонкафф» – путем искажения орфографического облика (*хамяг, блинчег*), путем слитного написания сочетаний (часто в названиях игр с крысой – *азязёпу, фкасманафта, фкрысу, фкалбаску*).

Современные жаргоны открыты для заимствований из других социолектов; как уже упоминалось, крысководы могут использовать слова из жаргона зоозащитников. Из этого же источника заимствована лексема *хвост* в значении «особь животного». Для наименования придатка на задней части тела крысы используется лексема *фост*, которую можно обнаружить и в так называемом «кошачьем языке». Применительно к подобным номинациям (ср. также *жубы*, *зубы*, *зёпа*, *нось*) можно говорить о реализации таких речевых черт, как имитация произносительных особенностей детской речи [5, с. 35], эвфемизация соматизмов [6, 2136]. В коммуникации крысководов встречаются слова *бубенцы*, *бубенчики* как устоявшиеся обозначения тестикул в русском языке. Кроме того, в словариках крысководов отмечаются также слова *йайцы*, *йайки*, которые, не будучи собственно эвфемизмами, позволяют дать указание на объект в более мягкой форме. Вообще, то время как многими внешний облик крысы оценивается как отталкивающий, любители крыс подчеркивают его привлекательность: «*хвост, как лысый шланг...крысатааа; Фост – самая важная часть крысиного экстерьера, которой поклоняются и возносят оды крысоманьяки; Йайцы, йайки - еще один объект поклонения крысоведа*». Выкладывая посты с фото, на которых в фокусе оказываются упомянутые части тела крыс, ратофилы демонстрируют стремление к нарочитой эстетизации внешности питомцев.

Тематическая классификация лексики в рамках отдельного жаргона позволяет выявить наиболее важные аспекты для его носителей. Как наиболее употребительные у крысководов закрепляются лексемы, указывающие на условия содержания питомцев (виды клеток – *карантинка*, *карцер*, *переноска*, *основная клетка*; организация выгула крысы – *крысокомната*, *крысодиван*, *крысополигон*), признаки заболеваний (*порфиринить*, *гукать*, *хрюкать*, *ворковать*, *булькать*), определение максимально возможного количества питомцев (*крысолимит*, *клеткокалькулятор*), разновидности крыс в зависимости от размера, окраса, типа шерсти и формы ушей (*дварф*, *хаски*, *сфинкс*, *рекс*, *капюшон* и др.). Проблемной является тема размножения декоративных крыс вне питомников,

поэтому появляются отдельные номинации для купленной не у заводчика и оказавшейся беременной самки (*купи десять крыс по цене одной, матрёшка, киндер-сюрприз*).

На основе описанных нами особенностей коммуникации владельцев крыс видится правомерным говорить о становлении в современном русском языке новой социолектной разновидности – жаргона крысодов, активное развитие которого осуществляется благодаря интернет-коммуникации, а также констатировать наличие общих черт с жаргонами зоозащитников, владельцев и специалистов в области разведения других животных.

Список литературы

1. Кривоножкина Н.В., Харатокова М.Г. Русский и испанский сленг в эпоху Глобализации. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(4):582–594. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.582-594>
2. Агеева А.В., Сабирова Д.Р. Лексико-семантическая стратификация сленга во франкоязычных интернет-комментариях. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4):460–469. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.460-469>
3. Иванян Е. П. Русский кинологический жаргон в свете метарефлексов, отражающих языковой вкус. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025;18 (7): 3116–3127. <https://doi.org/10.30853/phil20250433>.
4. Беляева М. Ю. Пространство словообразовательных гнезд с вершинами МЫШЬ и КРЫСА к началу XXI века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024; 17 (5): 1732–1738. <https://doi.org/10.30853/phil20240249>.
5. Казаковская В.В. Уменьшительно-ласкательные слова в речи подростков, обращенной к домашним животным. *Русский язык в школе*. 2023;84(4):27–42. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-27-42>
6. Иванян Е.П. Эвфемизация в сфере русского кинологического жаргона. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025; 18 (5): 2131–2139. <https://doi.org/10.30853/phil20250300>.

References

1. Krivonozhkina N.V., Kharatokova M.G. Russian and Spanish slang in the era of Globalization. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(4):582–594. Available from: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.582-594> (In Russ.)
2. Ageeva A.V., Sabirova D.R. Lexico-semantic stratification of slang in French-language Internet comments. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):460–469. Available from: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.460-469> (In Russ.)
3. Ivanyan E.P. Russian cynological jargon in the light of metareflexives reflecting linguistic taste. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2025;18 (7): 3116–3127. <https://doi.org/10.30853/phil20250433>. (In Russ.)
4. Belyaeva M. Yu. The space of word-formation nests with MOUSE and RAT vertices by the beginning of the XXI century. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2024; 17 (5): 1732–1738. <https://doi.org/10.30853/phil20240249>. (In Russ.)
5. Kazakovskaya V.V. Diminutive words in the speech of teenagers addressed to pets. Russian language at school. 2023;84(4):27–42. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-27-42> (In Russ.)
6. Ivanyan E.P. Euphemization in the sphere of Russian cynological jargon. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2025; 18 (5): 2131–2139. <https://doi.org/10.30853/phil20250300>.

Хабибуллина Елена Викторовна –

доцент

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет*

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: elvikh@mail.ru

http://orcid.org/0000-0002-7990-850X

Гаранина Ольга Владимировна –

старший преподаватель

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет*

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: olge1703@yandex.ru

http://orcid.org/0000-0001-7056-6761

Рахимова Алия Рамилевна –

доцент

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет*

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: rar1987145@gmail.com

http://orcid.org/0000-0002-7274-9649

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.03.2026

Одобрена после рецензирования: 08.04.2026

Принята к публикации: 27.04.2026

*Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.*

Khabibullina Elena Victorovna –

Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia,

Email: elvikh@mail.ru

http://orcid.org/0000-0002-7990-850X

Garanina Olga Vladimirovna –

Senior Lecturer

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia,

Email: olge1703@yandex.ru

http://orcid.org/0000-0001-7056-6761

Rakhimova Aliya Ramilevna –

Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia,

Email: rar1987145@gmail.com

http://orcid.org/0000-0002-7274-9649

Conflicts of Interest Disclosure

*The author declares that there is no conflict of in-
terest.*

Article info

Submitted: 07.03.2026

Approved after peer reviewing: 08.04.2026

Accepted for publication: 27.04.2026

*The author has read and approved the final manu-
script.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.*

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Originalartikel

Philologie

УДК 81

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.301-312>

**DEUTSCHE UND ENGLISCHE TERMINOLOGIE ZU ÖKOLOGIE UND
ENERGIEEFFIZIENZ**

L. Iusupova¹, O. Kuzmina¹

¹Kasaner (Wolga-Gebiet) Föderale Universität, Kasan, Republik Tatarstan, Russland

¹yu.liya.20.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5842-4453>

²olga.tari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6701-6483>

Abstract. Der Artikel untersucht die Terminologie im Bereich der Ökologie und der Energieeffizienz. Dieses Terminologiesystem bildet sich intensiv seit Mitte des XIX. Jhs, und zwar durch die Entlehnung mehrerer Begriffe aus verwandten Wissenschaftsdisziplinen und der Alltagssprache. Heute wächst es stetig und erweitert sich um neue Begriffe und Ausdrücke, was die Erstellung der Fachwörterbücher erschwert. Das akademische Interesse an diesem Thema wird durch die zunehmende Aufmerksamkeit führender Länder für Naturschutz und die nachhaltige Nutzung von Natur- und Energieressourcen befeuert. Umweltprobleme lassen sich nicht von einzelnen Ländern allein lösen, da die meisten globalen Herausforderungen eine aktive internationale Zusammenarbeit und koordiniertes Handeln erfordern, was den Bedarf an qualitativ hochwertigen Übersetzungen von Materialien zum jeweiligen Thema erhöht. Die ständige Entstehung neuer Umwelttermini erfordert deren Klassifizierung, die Erforschung ihrer Bildung und die Erfassung der Entstehung von Neologismen. Das Ziel der Studie ist es, die Bestimmung der strukturellen und semantischen Merkmale deutscher und englischer Termini im Bereich Umwelt und Energieeffizienz. Die Autoren haben dabei solche Methoden wie deskriptive, komparative, der kontinuierlichen Stichprobe, der strukturellen und semantischen Analyse verwendet. Das Material für die Studie bildeten Termini, die aus englisch-russischen und deutsch-russischen Umwelt-Fachwörterbücher sowie aus Texten ausgewählt wurden, die auf fachspezifischen englisch- und deutschsprachigen Websites zu den Themen Umwelt und Energieeffizienz veröffentlicht wurden. Die Analyse hat gezeigt, dass die Stichprobe vorrangig Termini zur Bezeichnung von Umweltfaktoren, Konzepten und Phänomenen im Bereich der Energieressourcen aufweist. Die Quellen neuer Termini in beiden Sprachen sind der allgemeine Wortschatz, der Prozessen der Terminologisierung und Metaphorisierung unterliegt, sowie Entlehnungen und Neologismen. Die Wortentlehnung ins Deutsche erfolgt vor allem aus dem Englischen. Die im Deutschen aktive Wortzusammensetzung als Wortbildungsverfahren führt zu kürzeren und prägnanteren Termini als im Englischen.

Schlüsselwörter: Terminus (Fachbegriff); Terminologiesystem; Wortbildung; Semantik; Sprache; Ökologie (Umwelt); Energieeffizienz (Energiesparen)

Zum Zitieren: Iusupova L., Kuzmina O. Deutsche und englische Terminologie zu Ökologie und Energieeffizienz. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 301–312. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.301-312>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.301-312>

GERMAN AND ENGLISH ECOLOGICAL AND ENERGY EFFICIENCY TERMINOLOGY

L. Iusupova¹, O. Kuzmina²

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹yu.liya.20.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5842-4453>

²olga.tari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2444-0986>

Abstract. The paper deals with terminology in the fields of ecology and energy efficiency in the German and English languages. This terminology has been developing rapidly since the mid-XIXth century, particularly through the adoption of numerous concepts from related scientific disciplines and from everyday language. Nowadays more and more new words and expressions appear, creating difficulties in compiling specialized dictionaries. Scientific interest in this area is driven by the growing attention of leading countries to environmental protection and the rational use of natural and energy resources. Environmental issues cannot be resolved by a single country alone, as most global challenges require active international cooperation and coordinated action, increasing the demand for high-quality translations of relevant materials. The constant emergence of new environmental terms necessitates their classification, as well as the study of the sources and the formation of neologisms. The aim of this study is to determine the structural and semantic characteristics of German and English terms in the field of ecology and energy efficiency. The authors used such research methods as continuous sampling, structural and semantic analysis, descriptive and comparative methods. Material for the study was selected from English-Russian and German-Russian environmental dictionaries, as well as from texts published on specialized websites in English and German devoted to ecology and energy efficiency. The analysis revealed that the majority of sampled terms denote environmental factors and energy-related concepts and phenomena. The source of new terms in both languages is common vocabulary, which undergoes a process of terminologization and metaphorization. There are also borrowings from other languages and neologisms. The German language borrows ecological terms predominantly from English. The active use of compounding as a means of word formation in German ensures the brevity and conciseness of the German terms, unlike the English ones.

Keywords: term; terminology system; word formation; semantics; language; ecology; energy efficiency

For citation: Iusupova L.G., Kuzmina O.D. German and English Ecological and Energy Efficiency Terminology. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 301–312. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.301-312> (In Germ.)

Einführung

Im Zeitalter der Globalisierung ist der Informationsaustausch zu einem wesentlichen Bestandteil der erfolgreichen Entwicklung von Gesellschaft, Wissenschaft und Technik geworden. Technische Texte sind voll von Fachbegriffen, die die wesentlichen Informationen vermitteln. Die Terminologie systematisiert die Kenntnisse und

vereinfacht den Informationsaustausch zwischen Fachleuten erheblich. Doch die Ungenauigkeiten in der Terminologie führen zu Missverständnissen, verzögern technologische Prozesse, die Umsetzung von Projekten und erschweren die Zusammenarbeit von Sprechenden unterschiedlicher Sprachen. Terminologie schafft begriffliche Eindeutigkeit und verhindert Missverständnisse, weshalb ihr Studium für jede professionelle und akademische Tätigkeit unerlässlich ist. In jüngster Zeit liegt der Fokus zahlreicher Studien auf der Analyse von Termini, die einem spezifischen Fachbereich zuzuordnen sind [1; 2].

Dieses Problem tritt besonders akut in modernen Fachrichtungen auf, in denen sich rasch neues Vokabular entwickelt, fortschrittliche Erfahrungen übertragen werden und eine sofortige koordinierte Arbeit vieler Länder erforderlich ist. Dazu gehören Ökologie und Energieeffizienz. Dieses Terminologiesystem steht im Fokus des wissenschaftlichen Interesses und ist ein häufig untersuchtes Forschungsobjekt [3; 4; 5].

Im „Wörterbuch der linguistischen Termini“ wird der Begriff „Terminus“ als „ein Wort oder eine Wortverbindung der Fachsprache <...> zur präzisen Wiedergabe der Fachbegriffe und zur Bezeichnung der Fachgegenstände“ definiert [6, S. 474]. Dabei wird präzisiert, dass unter Fachsprache wissenschaftliche, technische und andere Sprachen zu verstehen sind, sowie die Arten der Bildung von Fachvokabular: Ein Terminus kann neu geschaffen, übernommen, entlehnt etc. werden. Die Gesamtheit der Termini eines bestimmten Produktionszweiges, Tätigkeitsfeldes oder Wissensgebiets wird als Terminologie bezeichnet. Sie bildet eine besondere Schicht des Wortschatzes, der „am ehesten einer bewussten Regelung und Systematisierung zugänglich ist“ [1, S. 474]. Diese Definition liegt den linguistischen Forschungen von S.W. Grinew-Grinewitsch [7], W.M. Leitschik [8] und F.A. Zitkina [9] zugrunde.

Die Terminologiekunde ist ein Teilbereich der Lexikologie, der sprachliche Einheiten – die Termini – sowie deren Typologie, Entstehung und Bildung, Form, Inhalt und Verwendung erforscht [7, S. 9].

Termini sind nicht nur Gegenstand theoretischer Forschung, sondern auch praktischer Arbeit. S.W. Grinew-Grinewitsch führt einen weiteren Begriff ein – die

„Inventarisierung von Termini“ – die Sammlung und Beschreibung aller Fachwörter und -wendungen eines bestimmten Fachgebiets oder seines Ausschnitts. Das Ergebnis dieses Prozesses ist ein Terminologiesystem [7, S. 15].

Ein Terminus fungiert, kraft seiner Zugehörigkeit zu einer bestimmten Wissenschaft oder Branche, innerhalb dieses Wissensgebiets.

Um seine Funktion erfüllen zu können, muss er bestimmte Merkmale besitzen. Diese wurden bereits in den 1960er Jahren vom Begründer der sowjetischen terminologischen Schule, D. S. Lotte, formuliert und später mehrfach überarbeitet und ergänzt [9, S. 10-11]. Zu den grundlegenden Terminusmerkmalen zählen die Forscher Systematizität, Kontextunabhängigkeit, Präzision, Internationalität, Stilistische Neutralität.

Die aufgezählten Merkmale bedingen eine Reihe von Anforderungen an Termini. S.W. Grinew-Grinewitsch unterteilt diese in semantische (keine semantischen Widersprüchlichkeiten, Mehrdeutigkeiten oder Synonymie aufweisen), formelle (kurz in ihrer Form sein, über Ableitungsfähigkeit und Motiviertheit verfügen) und pragmatische (sich etablieren, allgemein akzeptiert und gebräuchlich werden) [7, c. 18-21].

A. M. Raisowa unterteilt die Entwicklung der Terminologie im Bereich der Ökologie und Energieeffizienz in drei Etappen:

- VII. Jh. – erste Hälfte des XIX. Jhs. – die Anfänge der Ökologie als Betrachtungsweise der umgebenden Natur und der Naturressourcennutzung.
- Zweite Hälfte des XIX. Jhs. – erste Hälfte des XX. Jhs. – die allmähliche Ausgliederung der Ökologie aus der Biologie und ihre Konsolidierung als eigenständige Wissenschaft, deren Gegenstand nicht nur die Natur, sondern auch der Mensch ist. In dieser Phase bildet sich der Kernbestand der ökologischen Termini.
- Zweite Hälfte des XX. Jhs. – bis zur Gegenwart: Die Bedeutung von Umweltschutz und Energieeffizienz wächst, was zur Bildung neuer, meist komplexer Termini führt, die vorwiegend aus allgemeinsprachlichem Wortschatz gebildet werden [10, S. 7-8].

Der interdisziplinäre Charakter der Ökologie und Energieeffizienz als Wissenschaft bedingt die Aufnahme der Fachbegriffe aus anderen Wissenschaften in ihre

Terminologie, beispielsweise aus der Physik, Chemie, Geographie, Medizin, Mathematik, Biologie, Rechtswissenschaft und Landwirtschaft.

Zur Systematisierung des Begriffsfeldes unterteilt A.M. Raisowa die ganze Terminologie in sechs thematische Gruppen:

- ökologische Umweltfaktoren;
- Reinigungs- und Kläranlagen;
- Abfälle und Verwertung;
- Umweltorganisationen;
- rechtliche Aspekte der Ökologie;
- Schutz von Böden, Naturlandschaften, Gewässern und Luftbecken [10, S. 10-11].

Die Notwendigkeit einer globalen Standardisierung von Termini wurde bereits vor langer Zeit erkannt. Es ist anzumerken, dass als Begründer der Terminologiekunde nicht ein Sprachwissenschaftler, sondern der österreichische Ingenieur Eugen Wüster angesehen wird. Seine Doktorarbeit „Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektrotechnik“ (1931) widmete sich der Einführung internationaler Normen für die Verwendung der Technischen Sprache, insbesondere in der Elektrotechnik. Die Studie lenkte die Aufmerksamkeit der internationalen Öffentlichkeit auf die Problematik einer einheitlichen Terminologie. Dank Wüsters anschließender Bemühungen um die Förderung der Terminologiekunde wurde 1971 das Internationale Terminologiezentrum „Infoterm“ gegründet.

Zur Vereinheitlichung der Terminologie werden regelmäßig nationale Normen eingeführt. So wurde 2016 im Rahmen des Programms zur nationalen Standardisierung der nationale Standard der Russischen Föderation ГОСТ Р 57114-2016 entwickelt und im März 2017 in Kraft gesetzt: „Einheitliches Energiesystem und isoliert funktionierende Energiesysteme. Elektroenergiesysteme. Betriebs-Dispatch-Steuerung in der Elektroenergetik sowie Betriebs- und Technologiesteuerung. Begriffe und Definitionen“ [11]. Dadurch erhielten alle russischen Fachleute grundlegende Termini, die zur Definition und Beschreibung des Elektroenergiesystems sowie der

Bedingungen und Parameter seines Betriebs erforderlich sind. Sie sind in der gesamten Dokumentation im Bereich der Elektroenergetik von allen Beteiligten (Herstellern, Lieferanten, Verbrauchern, Behörden sowie Planungs-, Forschungs-, Lehr- und sonstigen Einrichtungen) anzuwenden.

Forschungsmethodik

Die Forschungsmethodik umfasst Methoden der kontinuierlichen Stichprobe beim Sammeln von Forschungsmaterialien, die deskriptive Methode bei der Arbeit damit, der strukturellen und semantischen Analyse bei der Erforschung der Wortbildung und Bedeutung von deutschen und englischen Termini im Bereich der Ökologie und Energieeffizienz, sowie komparative bei deren Vergleich.

Mittels der kontinuierlichen Stichprobenmethode wurden je 250 Termini im Deutschen und Englischen identifiziert, die aus dem englisch-russischen terminologischen Wörterbuch zur Ökologie von M. N. Pigarewa [12] und dem deutsch-russischen ökologischen Wörterbuch von A. M. Raisowa [13], sowie aus Texten ausgewählt wurden, die auf fachspezifischen englisch- und deutschsprachigen Websites zu den Themen Umwelt und Energieeffizienz veröffentlicht wurden. Um die Etymologie der Termini, ihre Bedeutung und ihre morphologische Zusammensetzung zu klären, wurden Bedeutungswörterbücher herangezogen: das elektronische Cambridge Dictionary [9] und das einsprachige Universalwörterbuch der deutschen Sprache Duden [14] sowie das mehrsprachige Online-Wörterbuch Multitran [15].

Forschungsergebnisse

Für die Erforschung der Semantik von Termini zu Ökologie und Energieeffizienz im Deutschen und Englischen die Klassifikation von A.M. Raisowa zugrunde gelegt (siehe oben). Unter Bezugnahme auf den Untersuchungsschwerpunkt wurde sie um eine siebte Kategorie – *Energieeffizienztechnologien* – erweitert.

In unserem Korpus authentischer Materialien wurden fünf Themenbereiche identifiziert. Die meisten Termini gehören zur Gruppe „ökologische Umweltfaktoren“ (39%). Die weitere Verteilung gestaltet sich wie folgt: Energieeffizienztechno-

logien (33%), Schutz von Böden, Naturlandschaften, Gewässern und Luftbecken (18%), rechtliche Aspekte der Ökologie (7%), Umweltorganisationen (3%).

Diese thematische Gewichtung der Fachbegriffe hebt die zentrale Rolle hervor, die neuen Energieeffizienztechnologien und einer effizienten Ressourcennutzung für die nachhaltige Entwicklung in ökologischen Belangen zukommt.

Bei der Strukturanalyse zur Ermittlung der produktiven Wortbildungsmodelle in der Terminologie zu Ökologie und Energieeffizienz im Deutschen wurden folgende strukturelle Modelle kategorisiert:

- terminologische Wendungen: *atmosphärische Schichtung, atmosphärischer Schwebstoff, begrenzte Rohstoffe; biologische Abbaubarkeit, energetische Verwertung* – 46%;
- zusammengesetzte Termini *Energieberater, Energieeinsparungsgesetz, Entsorgungsgemeinschaft, Gewässerverschmutzung* – 43%;
- einfache Termini: *Gift, Sanierung, Deponie* – 6%;
- phraseologische Termini: *Ausstieg aus der Kernenergie, biologisch abbaubarer Schadstoff, Energie aus Biomasse, bloß nicht bei mir* – 3%.
- Abkürzungen: *BSB (biochemischer Sauerstoffbedarf), BimSchV (Bundesimmissionsschutzverordnung)* – 2%.

Der Analyse zufolge ist die Terminologiebildung der Wortbildung der Allgemeinsprache ähnlich, mit vorwiegender Nutzung der für die deutsche Sprache typischen Zusammensetzung aus zwei oder mehr Komponenten (Komposition). Als Komponenten werden am häufigsten Substantive verwendet ($N + N (+ N) = N$): *Bioakkumulationspotential, Biomembranfiltration, Deponiegas, Emissionsmessung*. Seltener kommen Modelle mit Adjektiven ($A + N = N$), Adverbien ($Ad + N = N$) und Verben ($V + N = N$) vor: *Rohstoff, Altfahrzeug, Rückgewinnung, Selbstreinigung, Trinkwasser, Schadstoff*. Das sind vorwiegend zweigliedrige Zusammensetzungen.

Terminologische Wendungen sind durch den Strukturtyp $A + N$ vertreten: *saubere Technologie, ökologische Modernisierung, nachhaltige Entwicklung*; seltener durch $N + N$ (Gen.): *Einhaltung der Umweltschutzauflagen; Senkung der Emissionen*

sowie durch hybride Varianten: *ökologischer Sanierungs- und Entwicklungsplan*.

Einen Sonderfall bilden phraseologische Termini mit Präpositionen: *biologisch abbaubarer Schadstoff*, *Energie aus Biomasse*, *bestanwendbare Möglichkeit in Hinsicht auf die Umwelt*. Ein Ausdruck stellt eine feste Wendung aus der Allgemeinsprache dar, die zu einem ökologischen Terminus geworden ist: „*bloß nicht bei mir*“. Dieses Prinzip betrifft die Menschen, die zwar den Wohn- und Industriebau auf landwirtschaftlichen Flächen unterstützen, jedoch nur, wenn dieser weit weg von der eigenen Haustür stattfindet.

Bei den Abkürzungen kamen sowohl Initialabkürzungen als auch Kürzwörter sowie hybride Formen mit Teilverkürzung von Komponenten zum Einsatz: *BimSchG* (*Bundesimmissionsschutzgesetz*), *CKW* (*chlorierter Kohlenwasserstoff*), *ADI-Wert*. Als gekürzte Komponenten dienten am häufigsten die Schlüsselbegriffe des Themas *Bio-* und *Öko-*: *Bioabfall*, *Ökosystem*.

Beim Übergang aus der Allgemeinsprache in die Fachsprache durchlaufen Wörter und Wendungen häufig den Prozess der Metaphorisierung: *Treibhauseffekt*, *Ozonschicht*, *ökologischer Fußabdruck*, *Rote Liste*; sowie der Metonymie: *Lunge des Planeten*, *Wasserschutzgebiet*, *die Grünen*.

Die komparative Analyse der Strukturen deutscher und englischer Termini weist unmittelbar auf Unterschiede in den Sprachsystemen hin. Obwohl beide Sprachen verwandt sind, zeigt das Englische stärkere Merkmale einer analytischen Sprache als das Deutsche. Nahezu alle zwei- und mehrgliedrigen deutschen Komposita finden ihre englischen Entsprechungen in Form von terminologischen Wendungen:

Bodenschätze – *mineral resources*,

Bakteriengehalt – *bacterial content*.

Bei der Verwendung von Komposita in Wortgruppen nimmt die Elementzahl der englischen Termini proportional zu:

dt.: *erneuerbare Energiequellen* A + (N + N)

engl.: *renewable energy sources* A + A + N

dt.: *Gewerbeaufsichtsamt* (N + N + N)

engl.: *factory inspection board* N + N + N.

In der englischen Terminologie zu Ökologie und Energieeffizienz überwiegen terminologische Wendungen – 63%. Die geläufigste Modell dabei ist die Kombination aus attributivem Adjektiv und Substantiv – A + N (+ N...): *bacterial content, biological cycle, mineral resources*.

An der zweiten Stelle sind terminologische Fügungen aus zwei, seltener drei Substantiven N + N (+ N...) – 15%: *waste incineration, clearance decree, battery disposal, tree preservation bye-laws*. Charakteristisch für die englische Fachsprache sind zudem Nominalisierungen mittels Gerundium: *soil erosion monitoring, global warming, recycling, composting*.

Abkürzungen kommen bei der englischen Terminologie zu Ökologie und Energieeffizienz häufiger als bei der deutschen vor – 10%: *UNEP (United Nations Environment Programme), CCS / CCUS (Carbon Capture and Storage / Utilization and Storage), EV (Electric Vehicle), B Corp (Benefit Corporation)*. Wie bereits oben erwähnt, treten die aus dem Griechischen entlehnten Kurzformen *bio-* und *öko-* gewöhnlich als Komponenten auf, die sowohl Substantiv- als auch Adjektiv-Termini bilden: *biodiversity, biowaste, ecosystem, ecotoxic*.

Es ist dabei festzustellen, dass viele englische Abkürzungen per Lehnübersetzung oder Transkription ins Deutsche übergegangen sind:

engl: *GHG (Greenhouse Gas)* → dt: *THG (Treibhausgas)* (Lehnübersetzung)

engl: *NGO (Non-governmental organization)* → dt: *NGO (Nichtregierungsorganisation)* (Transkription)

Nicht nur Abkürzungen, sondern auch andere strukturelle Modelle aus dem Englischen werden ins Deutsche entlehnt. Es handelt sich, z.B., um den Terminus *best practical environmental option (bpeo)*, der ins Deutsche als Lehnübersetzung *bestanwendbare Möglichkeit in Hinsicht auf die Umwelt* übergeht, dabei wird seine Abkürzung nicht übernommen. Klassische Beispiele der gelungenen und vollständig etablierten Lehnübersetzungen sind folgende Termini *nachhaltige Entwicklung*

(*sustainable development*), *Kohlenstoffabscheidung und -speicherung* (*carbon capture and storage*), *grüne Finanzen* (*green finance*) u.a.

Unserer Auffassung nach werden die Akronyme aus zwei Gründen nicht entlehnt: wegen der erschwerten Interpretierbarkeit bei lexikalischer Übernahme und der unharmonischen Klanggestalt neugebildeter Abkürzungen aus englischen Lehnübersetzungen. Kurzformen können jedoch ästhetisch ansprechende und klangvolle Benennungen für neue Sachverhalte schaffen und übernehmen somit eine stilistisch-expressive Funktion. Nicht selten werden sie zu Homonymen bereits existierender gemeinsprachlicher Substantive und werden als Stilmittel des Wortspiels betrachtet. Im untersuchten Korpus findet sich ein Beispiel für den seltenen Einsatz eines emotional-wertenden Wortspiels als Mittel der Terminologiebildung. Dadurch werden die Kernanforderungen an Fachtermini verletzt: Neutralität, Eindeutigkeit, Objektivität und Rationalität. Trotzdem hat der typisch englische Humor als nationale Charaktereigenschaft auch in der Terminologie seine Spuren hinterlassen: *nimby* = *not in my back yard*. Wie bereits oben bei der Analyse des deutschen Äquivalents erläutert, ist *nimby* ein moderner Begriff für eine Bewegung gegen die Lagerung atomarer Abfälle und später auch gegen den Bau beliebiger anderer umweltschädigender Anlagen in der unmittelbaren Nachbarschaft der Protestierenden.

Wie auch im Deutschen durchlaufen englische Wörter und Wendungen beim Übergang aus der Allgemeinsprache in die Fachsprache häufig den Prozess der Metaphorisierung: *carbon sink*, *blackdamp*, *algal bloom*, *biological corridor*, sowie der Metonymie: *The Greens*, *Lungs of the Planet*, *end-of-life vehicles*.

Fazit

Also, das untersuchte Terminologiesystem wurde bereits im XIX. Jh. angelegt und wird kontinuierlich durch neue Fachbegriffe in diesem Bereich erweitert.

Im modernen, sowohl deutschen als auch englischen, Terminologiesystem zu Ökologie und Energieeffizienz bilden den quantitativen Schwerpunkt die Themen der ökologischen Umweltfaktoren (39%) und der Energieeffizienztechnologien (33%). In geringerem Maße sind die Themen „Schutz von Böden, Naturlandschaften, Gewäs-

„Wasser und Luftbecken“ (18%), „rechtliche Aspekte der Ökologie“ (7%), „Umweltorganisationen“ (3%) vertreten.

Die meisten Termini sind dem allgemeinen Sprachgebrauch entnommen, was sie erkennbar macht. Dabei durchlaufen sprachliche Einheiten Prozesse der Terminologisierung und Metaphorisierung.

Die hohe Produktivität der Komposition im Deutschen ermöglicht besonders kurze und prägnante Fachbegriffe, was im Englischen aufgrund seiner anders gelagerten Wortbildungsstrukturen nicht in gleichem Maße möglich ist.

Das Englische fungiert heute als *lingua franca* der internationalen Verständigung. Folglich geht der überwiegende Teil der Entlehnungen im untersuchten Fachgebiet auf das Englische zurück. Unter diesen entlehnten Elementen sind auch zahlreiche Abkürzungen zu verzeichnen.

Das Terminologiesystem zu Ökologie und Energieeffizienz in beiden Sprachen entwickelt sich dynamisch und aktiv. Dennoch gelangen terminologische Neubildungen nicht sofort in die einschlägigen Wörterbücher. Das Fachvokabular erfährt eine stetige Bereicherung durch neue Termini. Deren Bildung erfolgt, den spezifischen Eigenschaften der untersuchten Sprache folgend, sowohl durch Komposition im Deutschen als auch durch die Formierung fester terminologischer Wendungen und Fügungen im Englischen.

Das im Zuge der empirischen Erhebung zusammengestellte Korpus eignet sich als Basis für die Kompilation eines thematischen Glossars aktuellster Termini zu Ökologie und Energieeffizienz.

References

1. Paderina T.S. Methods of term extraction in scientific texts (based on articles in Earth sciences). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3):388–396. (In Russ.)
2. Sharikova F.N. Word-formation methods of sports terms in English on the example of winter sports. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2):290–301. (In Russ.)
3. Buzinova L.M., Chernikova E.O. Features of synonymy in English environmental terminology. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2021;14(6):1906–1910. (In Russ.)
4. Lagutina A.A. Stages of the formation of German environmental terminology. *Socio-political and historical-cultural aspects of the modern geopolitical situation. Proceedings of the III International scientific-practical conference and round table*. 2019;3:465–473. (In Russ.)
5. Golosova O.M., Merzlikina N.I., Mokhova O.L. Green technologies and environmental terminology: based on the material of Russian, English, German and French languages. *Bulletin of the Academy*. 2021;(2):26–32. (In Russ.)

6. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. 2nd ed., stereotype. Moscow: USSR; 2014. (In Russ.)
7. Grinev-Grinevich S.V. Terminology Science. Moscow: Academy; 2023. (In Russ.)
8. Leichik V.M., Shelov S.D. Linguistic Problems of Terminology and Scientific-Technical Translation. Moscow: All-Union Translation Center; 1990. (In Russ.)
9. Tsitkina F.A. Terminology and Translation: (Towards the Foundations of Comparative Terminology). Lvov: Higher School; 1988. (In Russ.)
10. Raisova A.M. Extralinguistic Determinants of the Formation and Development of German Ecological Terminology: Abstract of PhD Dissertation (Philology). Omsk; 2012. (In Russ.)
11. GOST R 57114-2016. Edinaya energeticheskaya sistema i izolirovanno rabotayushchie energosistemy. Elektroenergeticheskie sistemy. Operativno-dispatcherskoe upravlenie v elektroenergetike i operativno-tekhnologicheskoe upravlenie. Terminy i opredeleniya [Unified Energy System and Isolated Power Systems. Electric Power Systems. Operational Dispatch Control in Electric Power Industry and Operational Technological Management. Terms and Definitions]. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200139922> [accessed 15.01.2026]. (In Russ.)
12. English-Russian Dictionary of Ecological Terminology ed. by M.N. Pigareva. Samara: Samara State Aerospace University Publ.; 2013. (In Russ.)
13. German-Russian Ecological Dictionary ed. by A.M. Raisova. Omsk: Polygraphic Center KAN; 2012. (In Russ.)
14. Cambridge Dictionary Online. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> [accessed 20.01.2026]. (In Engl.)
15. Duden Deutsches Universalwörterbuch [Duden German Universal Dictionary]. 8th ed. Berlin: Dudenverlag; 2015. (In Ger.)

Авторы публикации

Юсупова Лия Гаязовна –
Старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: yu.liya.20.07@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5842-4453>

Кузьмина Ольга Дмитриевна –
Старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: olga.tari@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6701-6483>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2026
Одобрена после рецензирования: 17.03.2026
Принята к публикации: 02.04.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Iusupova Liia –
Senior Lecturer
Kazan federal university
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: yu.liya.20.07@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5842-4453>

Kuzmina Olga –
Senior Lecturer
Kazan federal university
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: olga.tari@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6701-6483>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.02.2026
Approved after peer reviewing: 17.03.2026
Accepted for publication: 02.04.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – Л.Р. Сакаева

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal

International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – L.R. Sakaeva

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 30.06.2026

Дата выхода в свет: 30.06.2026

